М.В. ВОЛОШИНА

СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИИ. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ И НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ)

МОНОГРАФИЯ

Чебоксары
2014

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 47
В68

Рецензенты: **Широков Олег Николаевич,** главный редактор, д–р ист. наук, профессор, декан историко–географического факультета ФГБОУ ВПО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова», член общественной палаты Чувашской Республики 2–го созыва

Бойко Иван Иванович, д–р ист. наук, заведующий отделом Чувашского государственного института гуманитарных наук

Трифонов Геннадий Фёдорович, д-р филос. наук, профессор кафедры философии и методологии науки ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Волошина М.В. Современная эпистемология истории. Репрезентация события в историческом и нарративном дискурсе (на материале русских и французских аутентичных текстов) /Монография. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. – 98 с.

В монографии анализируется эпистемологическая проблематика исторического дискурса. На примере анализа конкретного исторического события – Бородинского сражения 1812 года, поднимается вопрос достоверности описания данного события различными историографическими парадигмами, а также художественными текстами. Исследование выполнено в эклектическом жанре, в котором соединены идеи разных школ, течений и парадигм.
Публикация будет интересна специалистам, студентам, аспирантам и всем интересующимся основными проблемами исторического познания.

ISBN 978-5-906626-38-7

© Волошина М.В., 2014
© Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение…….....4
Глава I. Феноменология события 8
1.1. Иерархия знаковой системы..... 8
1.2. Реальность. 1 Этап..... 11
1.3. Переход из реальности в действительность 1 (а) 12
1.4. Действительность. 2 Этап..... 16
1.5. Переход от образного к лингвистическому 2 (а)..... 18
1.6. Вербализация. 3 Этап..... 20
1.7. Естественный язык. Способы выражения модальности события 21
1.8. Регуляторы речепорождения..... 26
Глава II. Социальное конструирование события 29
2.1. OT Story к History 29
2.2. Язык науки. План выражения (ПВ) 33
2.3. Язык науки. План содержания (ПС) 36
2.4. Репрезентация события 1812 года – Бородинского сражения..... 39
Глава III. Методология историографии..... 48
3.1. Премодерн..... 51
3.2. Сциентизм в науках о духе. Позитивизм. Квантитативные методы исследования..... 52
3.3. Критика позитивистской картины мира..... 56
3.4. Новые парадигмы, альтернативные позитивизму 60
3.5. Онтология постмодерна..... 62
3.6. Квалификативный подход в историографии. Герменевтика..... 64
3.7. Когнитивный редукционизм в науках о духе 68
3.8. Между Сцилой И Харибдой. Эстетический историзм..... 71
3.9. Эпистемологические притязания художественных повествований 72
3.10. Прагматическая эпистемология 79
3.11. Проблематика историографии в СМД–методологии 84
Заключение……...…88
Библиография……...…93

ВВЕДЕНИЕ

Выражаю благодарность своему Учителю
Литвинову Виктору Петровичу

Данная работа представляет собой исследование *эпистемологической модальности* в репрезентации исторического события. Исследуемая проблематика освещается нами в свете *ономасиологического* подхода, с точки зрения выполнения *языковых* функций, *когнитивного* подхода – с позиции *ментальных* процессов, методологического подхода – с позиции различных парадигм в рамках историографии.

Исследование, выполнено в *эклектическом* жанре, где соединены идеи разных школ и течений, различные парадигмы, объединенные единым объектом исследования. XXI век кардинальным образом изменил фокусы проблематизации; в современной исследовательской парадигме возникает тенденция одновременного использования знаний и методов из разных научных предметов в ситуациях решения различных задач – как социотехнических (при обучении и воспитании людей, управлении научными исследованиями и разработками, планировании социального развития отдельных предприятий, отраслей промышленности и регионов), так и научно–исследовательских. В данном исследовании нами используются комплексные интегрированные методы таких дисциплин как: историография, философия, психология, лингвистика, феноменология, герменевтика, СМД–методология. Мы ищем способы связи и объединения различных разнопредметных знаний, описывающих объект с разных сторон. В результате объединения этих знаний должно получиться одно целостное (или целостно организованное) представление о сложном «многостороннем», комплексном объекте.

Целью производимого нами анализа будет является выявление эксплицитных и имплицитных маркеров, имплицирующих эпистемологическую модальность как в плане выражения (ПВ), на уровне речи, так и в плане содержания (ПС) на уровне ментально–когнитивных механизмов «схватывания» (восприятия), воспоминания и речепорождения. А также – определение корреляции или асимметрии ПВ/ПС.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд *задач*:

– определить иерархию знаковой системы;

– выделить разнопорядковые уровни рефлексии;

– описать типологию и когнитивные характеристики рефлексивных актов на уровне рефлексии первого порядка;

– рассмотреть в ПВ функционально–семантическое поле (ФСП) речевой и языковой манифестации эпистемологической (объективной) / субъективной модальности;

– определить основные характеристики рефлексии второго порядка;

– выделить основные онтологические картины миры: премодерн, модерн, постмодерн;

– рассмотреть различные парадигмы историографии, как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах в рамках каждой онтологической картины мира;

– определить место исторического подхода в ряду других подходов. Указать принцип отбора подходов. Построить онтологическую картину исторического подхода;

– выделить основные проблемные узлы в онтологической картине;

– соотнести эти узлы с разными способами онтологизации, субъективации и объективации в историческом подходе;

– соотнести эти способы с разными концепциями исторического подхода и выделить особенности исторической концепции Г.П. Щедровицкого и ММК.

Объект исследования: совокупность концептуально–когнитивных, функционально–прагматических маркеров, выражающих эпистемологическую модальность как в плане содержания (ПС), так и в плане выражения (ПВ) – рефлексия первого порядка. Анализ различных парадигм и направлений историографии, обуславливающих релевантную в репрезентацию события в рамках каждой отдельно взятой парадигмы – рефлексия второго порядка.

Предмет исследования: конкретное историческое событие – Бородинское сражение 1812 года. Предмет выбран нами не случайно, ибо в научном сообществе до сих пор не утихают прения вокруг исхода этой битвы. Русские и французы по сей день остаются по разные стороны баррикад на поле научных баталий. Данное явление, по определению Т. Куна, являет собой научный парадокс: в пределах единой научной парадигмы – историографии, использующей единый методологический арсенал, возникают диаметрально противоположные выводы. Недееспособность парадигмы в решении проблемы собственными средствами, подрывает к ней доверие, и происходит смена парадигм, то есть «научная революция».

Актуальность темы продиктована, прежде всего, социо–культурными изменениями, происходящими как в нашей стране, так и во всем мире. Сегодня мы живем в эпоху *парадигмального сдвига*: человечество переходит из одного фазового состояния в другое. А любые глобальные изменения, как показывает опыт, сопровождаются переписыванием Истории. Все чаще слышатся афоризмы, типа: «У Росси не только неизвестное будущее, но и неизвестное прошлое» или «История – продажная девка», обслуживающая правящий режим – все это дискредитирует авторитет Истории, нивелируя ее научный статус. В рамках самой историографии происходит парадигмальный сдвиг. Прежние методы решения проблем уже не способны удовлетворить современную онтологическую картину мира. Основная наметившаяся тенденция новой парадигмы–антропоцентризм.

Практическая значимость исследования: эпистемологическая достоверность в репрезентации того или иного события оказывается в фокусе внимания

различных исследовательских дисциплин: историографии, психологии, лингвистики, социологии, литературного анализа, методологии. Полученные теоретические знания внедряются в практические разработки психоанализа: при работе с пациентами учитывает манеру и стиль изложения личного события, повлиявшего на внутренний кризис. В юриспруденции на основе свидетельских показаний реконструируется реальная картина преступления, здесь важно определить степень ангажированности, личной заинтересованности свидетеля в положительном или отрицательном исходе. Использование полиграфа в психолингвистике. Также достоверность изложения события важна в сфере журналистики, историографии.

Апробация результатов: теоретические результаты исследования были взяты за основу при написании ряда статей тематической направленности, посвященных анализу эпистемологической модальности и репрезентации исторического дискурса, анализу издания нового школьного учебника по истории России.

Теоретическую базу исследования составили работы как отечественных, так и зарубежных авторов. В первую очередь феноменологическую традицию представили Э. Гуссерль, А. Брентано, Морис Мерло Понти, Хайдегер, методологическую Т. Кун, К. Поппер, Г.П. Щедровицкий, ономасиологическую Бондарко, Ш. Балли, О. Дюкро, прагмалингвистическую Дж. Остин, Дж. Серл, постмодернистскую Ж.Ф. Лиотар, М. Фуко, Р. Барт, К. Леви, герменевтическую В. Дильтей, Гадамер, историографическую Р. Рорти, П. Рикер, Х. Уайт, К. Гинзбург, Дж. Леви, психологическую В.П. Зинченко, Ж. Пиаже, Л. Выготский.

Новизна исследования: впервые на материале русских и французских аутентичных исторических текстов был предпринят полиаспектный анализ эпистемологической модальности. Такое описание не имеет аналогов.

Основные положения: Мы намеренно не выносим на предварительный просмотр основные положения работы, избегая односложных выводов и заключений по результатам исследования, дабы, не навязывая свою точку зрения, предоставить читателю совместно с нами пройти весь исследовательский путь и самостоятельно разобравшись, прийти к собственными выводам, возможно отличным от наших. Кроме того, в русле заданной нами феноменологической и герменевтической исследовательской установки мы отказываемся от каких–либо априорных предварительных схем, догм и шаблонов структурирующих процесс исследования, а также априорных гипотез как установок, заранее предопределяющих результат исследования (либо положительный либо отрицательный). По жанру представленная работа – это предварительная методологическая проработка темы на уровне постановки проблемы.

Целевая аудитория: данное исследование может представлять интерес как для широкого круга читателей, интересующихся историей, историческими романами, философией – здесь они почерпнут рефлексивные и методологиче-

ские принципы и приемы, лежащие в основе их написания. Так и для специалистов узкого профиля, занимающихся исследованиями в области историографии, герменевтики, методологии, аналитической философии, нарратологии, лингвопрагматики.

Структура работы коррелирует с поставленными задачами:

В первой главе мы различаем три уровня рефлексии: рефлексия первого порядка (естественная), второго порядка – парадигмальная и третьего порядка – методологическая. Эти уровни повторяют развитие знакообразования как в филогенезе, так и в онтогенезе. В соответствии с ними мы выстроили последовательность изложения нашего материала:

1) Рефлексия над сенсорно–перцептивным уровнем→формирование ментального образа – одномоментного гештальта→ вербальная репрезентация. Началось с Античности. В архаичном времени (как и в период раннего младенчества) было синкретичное *отождествление* маски и образа, слова и действия (заклинания), все слова – пеформативы. Затем у слова появляется значение.

2) Сюда же к естественной рефлексии относится следующий мета–уровень – бытийная рефлексия, формирование мнений, суждений в отношении произошедшего. Последние эксплицитно или имплицитно содержатся в речи говорящего. *Вербальная манифестация* – непременное условие событийности, наряду с такими факторами как антропоморфное сознание (если вымышленный персонаж не является человеком, то он все равно обладает *антропоморфным сознанием*); далее – *интенциональность*, модальная окраска происшедшего события. На когнитивном уровне речепорождение обусловлено *внешней или внутренней референцией*, последняя, на наш взгляд, более конгруэнтна. В онтологическом плане, регуляторами речепорождения являются такие мета–дискурсивные образования, как *Докса* (Аристотель, Р. Барт) или *Эпистема* (М. Фуко).

Во второй главе нами рассматривается дальнейшая судьба выраженного в знаке события, ставшего перформативом: онтологизация →объективация→ реализация. В этой главе мы рассматриваем рефлексию второго порядка, социально–конструированное событие, выражающееся с помощью средств ЯН (языка науки), а также приводим выдержки из аутентичных текстов, репрезентирующие Бородинское сражение.

В третьей главе мы анализируем событие как референт истории в контексте разных парадигм: теософской, позитивистской, постмодернистской, герменевтической, когнитивной, нарративной, прагматической, СМД–методологической. Также мы производим компаративный анализ различных исследовательских парадигм в контексте различных онтологических картин мира.

ГЛАВА I. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОБЫТИЯ

Рассмотрим атомарную модель событийности или «минималистскую программу»[1] репрезентации события в историческом или нарративном дискурсах, выделив его основные этапы.

$$\overset{1}{\text{Реальность (материальное)}} \xrightarrow{1(a)} \overset{2}{\text{2. Действительность (психологическое)}} \xrightarrow{2(a)}$$
$$\overset{3}{\text{Язык (знаковое)}} \xrightarrow{3(a)} \overset{4}{\text{Институты (социальное)}} \xrightarrow{4(a)} \overset{5}{\text{Реальность (онтологизация)}}$$

цифры с литерами означают промежуточный (переходный) этап.

1.1. ИЕРАРХИЯ ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЫ

В вышеприведенной схеме перемежаются внешние (материальные) и внутренние (психологические) области; в терминах Выготского – «реальная форма» и «идеальная форма». Идеальное представляет собой метауровень предшествовавшего ему реального. Разница между реальной и идеальной формами является движущей силой развития, о чем свидетельствует тезис Выготского о том, что развитие заключается в становлении новообразования.

Разные ученые выделяли разное количество медиаторов в иерархии знаковой системы. У Выготского медиатороами были слово и знак; у Пиаже – слово – образ – действие. В.П. Зинченко расширил их до семи: знак – слово – смысл – символ – миф – лик – «человек духовный». Он также указвает на чередование внешнего и внутреннего: «в живом движении есть соединение внешнего и внутреннего: действие – внешнее, самосознание – внутреннее, предметная деятельность – внешнее, сознание – внутреннее, поступок – внешнее и личность – внутреннее». [117]. Мы выделяем, по степени удаленности от Реальности, следующие медиаторы: предмет – объект – образ (аналоговая репрезентация) – слово (пропозициональная репрезентация) – знак – концепт – символ – миф – симулякр – перформатив. Вектор движения идет от конкретного, сенсорно–перцептивного, через действенно–функциональное к абстрактно–образному, эйдическому, мифологическому, заканчиваясь разрывом с реальностью, симулякром и вновь возвращается в реальность в качестве перформатива.

Вышеприведенная схема повторяет эволюционное развитие знаковой системы в фило– и онтогенезе, где примарными являются естественные знаки, отражающие взаимодействия между природой и человеком. Они отличаются от всех прочих знаков своим естественным происхождением; все другие знаки придуманы человеком, надстроены над реальностью (и встроены в нее). Этимология слова «знать», то есть «ведать» (savoir – франц.) восходит к «видеть»

[1] Термин заимствован у Н.Хомского

(voir – франц.). Это свидетельствует о примате перцептивного типа знания над концептуальным. «По словам Гегеля, древние греки изумлялись *естественности* естества; они непрерывно вслушивались в него, вопрошая родники, горы, леса, грозы об их смысле; не понимая, о чем именно им говорят все эти вещи, они ощущали в растительном и космическом мире всепроникающий *трепет* смысла, которому они дали имя одного из своих богов – Пан. С той поры природа изменилась, стала социальной: все, что дано человеку, *уже* пропитано человеческим началом – вплоть до лесов и рек, по которым мы путешествуем. Однако, находясь перед лицом этой социальной природы (попросту говоря – культуры), структуральный человек в сущности ничем не отличается от древнего грека: он тоже вслушивается в естественный голос культуры и все время слышит в ней не столько звучание устойчивых, законченных, «истинных» смыслов, сколько вибрацию той гигантской машины, каковую являет собой человечество, находящегося в процессе неустанного созидания смысла, без чего оно утратило бы свой человеческий облик. И вот именно потому, что такое производство смысла в его глазах гораздо важнее, нежели сами смыслы, именно потому, что функция экстенсивна по отношению к любым конкретным творениям, структурализм и оказывается не чем иным, как деятельностью, когда отождествляет акт создания произведения с самим произведением» [6: 234].

Следующим типом знаковых систем, пришедшим вслед за естественными и надстраивающимися над ними как в филогенезе человечества, так и в онтогенезе, являются системы образные, имеющие образ (имидж) в качестве базисного знака. Затем приходит очередь систем языковых. Мы учимся шифровать окружающую реальность при помощи слов, и они ложатся в основу всех языковых знаковых систем. Слово как знак значительно абстрактнее имиджа, потому что оно значительно произвольней и отстоит дальше от своего референта. Если образ в какой–то мере обязан напоминать обозначаемое, быть подобным по отношению к нему, то слово от этой обязанности освобождается. Естественный знак шифрует данный предмет ad hoc.

Слово отсылает нас к следующему мета–уровню знаковой системы, признающей за знаком право сохранять за своим обозначаемым одно и то же *сущностное значение* во всех ситуациях, когда тот упоминается. Прекрасно понимая, что в реальной действительности это не так, мы, тем не менее, делаем вид, что имеем в виду тот же самый объект, о котором говорилось раньше, и будет говориться в будущем. Мы как бы не принимаем в расчет, что солнце, например, ежеминутно и даже ежесекундно изменяется; и предпочитаем говорить о нем как о том же самом предмете. Иначе говоря, все знаки имеют *дейктическую природу*: будучи поставлены в иную ситуацию, они сохраняют свою прежнюю форму, а мы притворяемся, что они репрезентируют один и тот же объект, хотя фактически демонстрируется то же, да не то. В противном случае

нам было бы очень трудно объяснять собеседнику один и тот же объект в различном его антураже. Приходилось бы больше говорить о сиюминутной природе объекта, нежели касаться иных аспектов рассматривае¬мой проблемы.

Вслед за устными знаковыми системами приходит очередь систем записи, позволяющие сохранить для потомства уже существовавшие знаковые системы и увеличить их возможности. Устный язык умирал каждый раз после произнесения какой–либо фразы. Люди придумали письмо, которое закрепляло произнесенное с расчетом на необозримое будущее. Теперь мудрые мысли (как, впрочем, и всякие другие) можно было передавать в самые отдаленные по месту и времени пространства. Некоторые исследователи вменяли возникновению письменного знака профанацию сакральных мифов. Дело в том, что в архаичном сознании «маска отождествлялась с божеством, ритуальные пассы – с реальными актами мифологических героев, мифологическое заклинание воспринималось как прямое действие содержания, отождествляясь с действительной актуализацией высказывания. В силу этого слово обладало сильнейшим иллокутивным и перлокутивным потенциалом. Выход на метауровень в отношении языка, повлек за собой формирование понятия «значения». Таким образом миф стал значить, а не отождествляться с действительностью. Возникновение письменности в период ранней античности способствовало формированию когнитивно–рационалистической парадигмы мировоззрения и, как следствие, объективации мира» [38: 202–210]. Архаичный синкретизм (Я=мир) уступает место субъект–объектной мировоззренческой парадигме. Впервые человек начинает осознавать отрыв своего «Я» от природы. А произошло это, по всей видимости, по той причине, что устный миф видоизменялся параллельно с изменением онтологической картины мира, приобретенные новые знания о мире имманентно встраивались в повествование. Заключив его в письменную форму, лишив его динамики и подвижности, у человека появилась возможность сравнивать собственный опыт, непрерывно обогащающийся и развивающийся, со статичным эталоном. Возникает когнитивный диссонанс, вызванный несоответствием некогда священного мифа с проживаемой реальностью, и как результат – десакрализация мифа.

Постепенно происходит накопление знаний через накопление письменных носителей знаний, что требует систематизации и упорядочивания. Таким образом возникает наука, культура, искусство и обучение, которые по своей природе призваны были аккумулировать мудрость для того, чтобы помогать развиваться людям. Данные образования формируют обширные семантические мета–реалии, обуславливающие жизнедеятельность человека.

Событие репрезентировано в знаке и также имеет иерархическую природу: на бытийно–коммуникативном уровне оно может выступить топиком разговоров, выполняя ритуально–фатическую функцию.

– На психологическом уровне событие может спровоцировать когнитивный диссонанс, что приведет к переосмыслению прежних ценностей, изменению картины миры и раскрытию самосознания – событие выступает здесь стимулом личностного роста индивидуума.

– В деятельностной парадигме событие имплицирует перформатив, выполняя воспитательную или назидательную функцию.

– На историческом – событие воссоздает минувшую эпоху, раскрывает исторические закономерности.

– На лингвистическом уровне событие репрезентирует реальность, став именем нарицательным событие выполняет номинативную функцию.

– На государственном – событие может выполнять политическую функцию по укреплению положительного (реже отрицательного) имиджа страны. Событие здесь выступает как символ эпохи, как миф.

Рассмотрим основные этапы становления события.

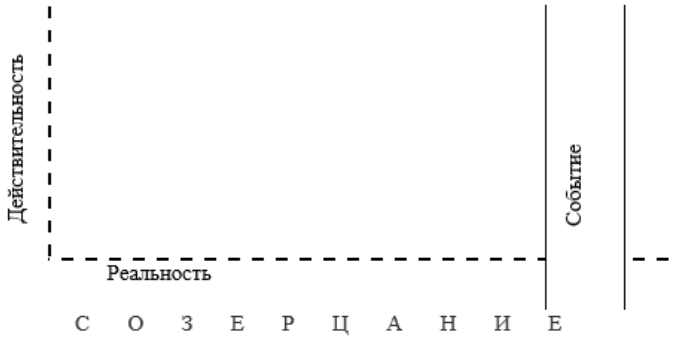
1.2. РЕАЛЬНОСТЬ. 1 ЭТАП

Здесь нам представляется существенным, вслед за Августином, следуя традиции немецкого идеализма различить две основополагающие онтологические категории: Реальность (Realität) и Действительность (Wirklichkeit): «Действительность – это Реальность, взятая в понятиях». Первая относится к сфере материального бытия, «мира», «природы», вторая – психического, наличествующего в человеке. Реальность от нашего языка и сознания дистанцирована, и в этом смысле она – природа, вещь–в–себе–для–нас. Но она оборачивается «объективной действительностью» в результате непрерывной работы языковых знаков. Мы наблюдаем движение тектонических плит (что относится к сфере Реальности) и конституируем этот феномен как землетрясение (в Действительности). В некоторых исследовательских контекстах термины «реальность» и «действительность» выступают как синонимы, исследователю представляется непринципиальным их различение. Кроме того, во многих языках эти понятия тождественны на уровне лексики и выражаются одной лексемой: reality (англ.), réalité (франц.). Однако для нас существенно различение этих понятий. В Реальности что–то происходит, причем происходит всегда и везде, в каждый определенный отрезок времени и пространства. Материальный мир находится в непрерывном, бесконечном движении, это – «пространственно шевелящееся бытие»[2]. Индивид, созерцающий мир – отражает его в себе, он со–причастен миру в данный момент и находится с ним в единой плоскости Реальности. Здесь мы развили схожую с монизмом идею о гносеологическом

[2] Определение М. Хайдегера

тождестве объекта и субъекта. Но вот происходит нечто, что нарушает естественное течение вещей, вносит беспорядок, хаос, меняет привычное мироустройство. Это «нечто» выносит человека на поверхность и помещает его в иную, перпендикулярную ось координат. Человек занимает положение рефлексирующего наблюдателя, откуда конституирует феномен как некое событие, наделяя его модальностью. В плоскости Реальности ничего сверхъестественного не происходит и не может в принципе произойти, она вне–модальна, вне–событийна, здесь все закономерно. Бури, ураганы, наводнения, тайфуны – не стихийные бедствия, а естественные следствия, структурные трансформации, вызываемые энергией, освобождаемой природными элементами (землей, водой, воздухом, огнем). Лишь человеческое разумение придает этим феноменам статус событийности.

1.3. ПЕРЕХОД ИЗ РЕАЛЬНОСТИ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ 1 (А)



Событие налагает *дискретность* на созерцание.

Михаил Бахтин в «Эстетика словесного творчества» высказывает такую мысль:

«Событие – это такая смена состояний жизни, которая своей единственностью и необратимостью противополагается процессу (закономерной смене состояний, доступной прогнозированию и не нуждающейся в свидетеле) или ритуалу (прецедентно воспроизводимой смене состояний)» [7: 6]. «Вообще всякая несогласованность, вступающая в противоречие с согласованностью действия, – это и есть событие. Эта связка «интрига–событие» порождает примечательные транспозиции в историографическом плане» [76: 341]. Событие, прерывая созерцательный процесс, прерывает индивидуальную хронологию участника, внося диссонанс в привычную ему картину мира и разделяя ее на до– и после–. Это как бы два противопоставленных друг другу полюса (Э. Гуссерль, Ж. Деррида).

СОЗЕРЦАНИЕ ——————————————————————— СОБЫТИЕ

Первое характеризуется длительностью («длящаяся вещь», по Гуссерлю), тогда как второе – последовательностью.

По Св. Августину, Реальность относится к настоящему, а Действительность к прошедшему. Событие инициирует собой момент перехода из настоящего в прошедшее. Выпадая из состояния Созерцания Реальности, человек абстрагируется от Реальности и пытается «ухватить» Реальность. В некоторых языках лексемы со значением «понимать, узнавать» этимологически восходят к слову «брать, хватать»: франц. «comprendre», «apprendre» ← «prendre»; «saisir» – омонимичен «понять» и «схватить».

В русском языке слово «воспринимать» этимологически восходит к «принимать». Общей для всех них семой является «присвоение», «приобретение», «перемещение из внешнего пространства во внутренний мир». В романо–германской языковой группе это выражено с помощью вспомогательного глагола «иметь»: habere – лат., have – англ., avoir – франц. Событие имплицирует перфектную модальность.

Аристотель почти во всех своих рассуждениях очень метко уловил диалектику взаимодействия как между «глазом» и тем, что с помощью глаза делается «видным», «зримым». Задаваясь вопросом: в чем «сущность» глаза и его деятельности, не в силах разрешить материалистически проблему происхождения и развития органа зрения, он приходит к представлению о «зрении» как о «деятельной форме», как о «цели», ради которой осуществляется «глаз», тем самым редуцируя зрительное восприятие к фиксации заданной цели.

Восприятие интенционально обусловлено, главным образом, поддержанием нашего гомеостазиса.

Восприятие редуцирует Реальность, приводя ее в соответствие с антропоморфной моделью, направленной на выживание человека, в первую очередь как биологического вида, а во вторую – как социального. Алексей Ксендзюк, исследуя дисциплину толтекского знания, вводит в обиход термин *«Биологически излишние области»* восприятия: «Когда мир опыта вдруг становится шире (что для практика, в отличие от мыслителя, – естественный процесс), а понятийный аппарат за опытом не поспевает, возрождаются мифологические структуры, символы и архетипы.... Все эти слова и концепции – от самых утонченных до мифологических и примитивных – ничего не решают. Они не влияют на силу мира восприятия, взявшего нас в плен, более того – они даже ничего не объясняют, вызывая иллюзорное впечатление какого–то объяснения.» [42: 26; 107]. *«.....психическая репрезентация эволюционно сложившейся формы энергообмена*. Те чувства, эмоции и формы реагирования *консервируют* нашу природу не только психологически, но и *энергетически*. Они стабилизируют наше восприятие и ограничивают поле опыта единственным диапазоном – тем диапазоном, в котором

существование не–безупречных переживаний закономерно и имеет смысл, поскольку обеспечивает биологическое и социальное выживание [42: 74].

Однако и сам процесс восприятия (схватывания) неизоморфен и дискретен в своей основе, он имеет квантовый характер. Хайдегер выделял этап Предпонимания: «*Предпонимание* – есть способ развертывания понимания как онтологического определения человеческого бытия. Предпонимание – есть изначальное исходное понимание в отличие от вторичного по отношению к нему и производного от него понимания как метода познания. Предпонимание организует само пространство мышления и задает сам горизонт познания. Предпонимание не зависит от рефлексии, а напротив составляет ее основу и источник всех очевидностей сознания. Природа Предпонимания носит не трансцендентальный и не психологический характер, а выражает сам способ бытия человека. Структуру Предпонимания образуют *«предмнения», «предвиденья»* и *«предвосхищения»*, которые в совокупности предопределяют и мышление, и поведения человека» [118]. Воззрения Хайдегера вытекают из феноменологии Гуссерля. Последний вводит понятия: первичное схватывание, вторичное схватывание, импрессия, протенция, ретенция. Вкратце это выглядит так: впечатление – удержание (импрессия – ретенция). «Рефлексия позволяет различить: само восприятие (воспринимающее схватывание, взятое конкретно вместе с данными схватывания: например, восприятие–явление в модусе достоверности) и восприятие (оно должно быть описано в очевидных, основанных на восприятии суждениях); оно есть в то же время, полагаемое (Gemeintes): определенное полагание das Meinen «живет» в восприятии. Воспринимающее схватывание в своем модусе, как показывает рефлексия, само есть нечто имманентно–темпорольно конституированное, находящееся в единстве [осуществленного] настоящего (Gegenwartigkeit), хотя оно не есть полагаемое. Оно конституируется через многообразие Теперь–фаз и ретенций» [28: 95]. Восприятие, как комплекс последовательно чередующихся фаз, имманентен переходу из Реальности в Действительность. «Первичные содержания суть носители первичных схватываний, имеющие характер Теперь, которые в своей текучей связи конституируют временное единство имманентного содержания в его отодвигании в прошлое.» последователь Брентано, гуссерль упрекает его в сенсуализме: «И если Брентано все же впал в ошибку, на манер сенсуализма, сведения всех переживаний к простым первичным содержаниям, и даже был первым, кто усмотрел радикальное различие первичных содержаний и свойств актов, то все же, как показывает его теория времени, он как раз не предпринял в расчет свойства актов (выделено нами), которые являются решающими для этой теории». Дискретная последовательность удерживается посредством связующего сознания, посредством единого акта схватывания без ущерба для неодновременности ее членов, на манер следующих друг за другом тонов, образующих мелодию. Французский феноменолог М. Мерло–Понти, также зани-

мающийся проблемой восприятия в своей работе «Феноменология восприятия» указывает на то, что само восприятие образуется из различных состояний сознания, «...подобно тому как дом строится из кирпичей, получается что–то вроде умственной химии, которая сплавляет все эти материалы в единое целое» [29: 475].

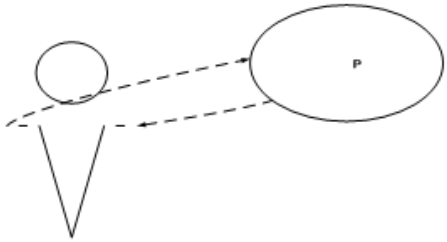
Наши знания о мире есть не сама Реальность, а ее образ, запечатленный в сознании. Какой бы системой мы ни пользовались для упорядочивания наших знаний о мире, эта система остается *моделью* мира, которую не следует путать с самим миром. «Мир, воспринимаемый нашими органами чувств, – это не «реальный мир», а *конструкция*, которую мы создаем. Наше собственное произведение искусства» [81: 11–12]. «Всё то, что мы ощущаем и переживаем, является *интерпретацией*» [87: 163].

В рамках теории праксиологии, положенной Марксом, Ильенков говорит об «осознанном видении», «чувственно предлежащей реальности» и выводится прямая зависимость широты видения от высоты развития общественного бытия, представленной как система чувственно–практических отношений человека к миру вещей, к природе: «то есть от высоты развития Первобытный человек «видит» с сознанием гораздо меньше, чем современный индивид. Это значит, что в самом созерцании вещь отражается в голове современного человека гораздо полнее, гораздо богаче, гораздо «конкретнее», чем в голове первобытного человека», «Маркс и Энгельс установили, что в самом чувственном сознании человека предмет отражается лишь постольку, поскольку он так или иначе включен в процесс производства материальной жизни человеческого рода, функционирует в нем и составляет его объективное условие.

Сама способность сознательно фиксировать «общее» и закреплять его в виде «имени» уже не предполагается в виде изначально присущей субъекту способности, а выводится как следствие из процесса активной практической деятельности, из труда. Именно повторение *практических операций* с вещами внешнего мира *вызывает к жизни способность* «теоретически» относиться к этим вещам, давать известному классу вещей общественно значимое наименование и на его основе сознательно отличать эти вещи от всех других» [34].

Резюмируем вышесказанное. С эпистемологической точки зрения для нас важен следующий момент: сознательное восприятие обусловлено целью, а Реальность предлежит восприятию. Здесь мы также наблюдаем феноменологическую редукцию Реальности, обусловленную поддержанием гомеостазиса (на подсознательном уровне). Может ли историк, в таком случае, исследующий показания очевидцев события, ссылаться на них как на достоверный источник?

1.4. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. 2 ЭТАП



«Где Р – реальность произошедшего события. Человек – свидетель, очевидец. Положим отношение субъекта с реальностью (феноменом) в виде пульсирующих стрелок, в духе феноменологии Э. Гуссерля, где отношения Ч→Р – направленность сознания на предметы –институциональные, а Р→Ч – конституциональные» [17].

Реальность, «схваченная» восприятием, переходит в нашу ментальную картину мира, занимая в ней свою нишу, и конституируется нами как некое событие, наделяемое нами же всевозможными атрибутами. Материалистские доктрины позиционируют Действительность как объективную, то есть отражающую Реальность: «Душа – это зеркало мира»; тогда как идеалистические, напротив – отражающую внутренний универсум индивидуума, вплоть до солипсизма (в рамках философии субъективного идеализма). Реальность в этом случае позиционируется как субъективная.

Мы не можем не учитывать феномен памяти при репрезентации события, так как последняя неизбежно аппелирует к памяти. Память актуализирует событие (переводя в план настоящего), «реанимирует» его, замещая нечто отсутствующее. В отличие от перформативов, которые иманнетны настоящему времени и принадлежат сфере Реальности.

Феноменология памяти. Память, как и восприятие, также дискретна и неизоморфна. Поль Рикер в начале главы «Память и припоминание» (стр 21) задается двумя вопросами: «*О чём* мы вспоминаем» и «*Кому* принадлежит память», что отражает суть феномена памяти, находящегося на стыке внешнего и внутреннего. И тут же акцент смещается в сторону внешнего: «Разве память не является по существу своему рефлексивной, что подсказывает возвратная форма глагола, которая превалирует во французском языке: ведь вспоминать о чем–либо (se souvenir) означает, собственно, вспоминать о себе самом? Тем не менее мы решили поставить вопрос «что?» раньше вопроса «кто?» вопреки философской традиции, которая стремилась отдать первенство эго–логическому аспекту мнемонического опыта... В последовательном феноменологическом учении эгологический вопрос – что бы ни означало *ego* – должен следовать за вопросом об интенциональности, который с необходимостью является вопросом о соотношении между актом («ноэза») и имеющимся в виду

коррелятом («ноэма»)» (*ibid*). Далее Рикер обращается к греческому наследию, к Платону и Аристотелю. Платон, вопрошая о сути «отображения» (*eidolon*) различил понятия *tekhnĕ eikastikĕ*, «искусство творить образы», «искусство копирования» и искусство творить призрачные подобия, *phantasma* (призрак) – оба понятия противостоят друг другу. Далее он различает *eikōn и typos* (копии, изображения и отпечатка) между которыми существует диалектическое отношение аккомодации и соответствия. Согласно Марку Блоку, история считает себя наукой, создаваемой по следам, т.е.по отпечаткам, которые суть первичны по отношению к образу. Аристотель, в свою очередь, различает следующие понятия: *mnĕme и anamnesis* – припоминание/ вспоминание. В первом случае мы имеем память как аналог чувству, неподконтрольному, спонтанно приходящему на ум – что приближено к сфере Реального. Во втором случае, память как «разыскание», активное вызывание. Последнее имплицирует рациональность, своего рода рассуждение (*syllogismos*) и является мнемоническим феноменом, что относится к сфере Действительного. Во второй главе мы увидим, что при написании Истории операция запоминания превалирует над припоминанием. Исследователь, при реконструкции события, обращаясь к свидетельствам очевидцев, вызывает в них *anamnesis*. «Теперь, когда в памяти–воспоминании прошлое отделено от настоящего, становится возможным отличать в рефлексии по поводу акта памяти вопрос «что?» от вопроса «как?» и от вопроса «кто?» На языке Гуссерля речь идет о различении между ноэзисом, являющимся воскрешением в памяти, и ноэмой, представляющей собой воспоминание». Главная черта воспоминания: множественность (воспоминания). Слово «память» стоит в единственном числе, обозначая собой способность и осуществление, наподобие заучивания стихов. В анализе Бергсона, вспомненная «вещь» идентифицируется с неповторимым единичным событием (*ad hok*), а воспоминание имплицирует парадигматику, «поскольку является феноменальным эквивалентом физического события». Бергсон вводит бинарную оппозицию между памятью–воспоминанием и памятью–привычкой. Последнее сродни выученному уроку или привычкой ходить – где ценностью будет служить целостность «умений действовать». Здесь мы сталкиваемся со всеми модальностями I can «человека могущего», конституирующего себя как полноценного субъекта. К этому П. Рикер добавляет социальные обычаи, нравы, все *habitus* совместной жизни, служащие для справления социальных ритуалов. Уильям Джемс (1890), в определении ретенции, упомянул, что «наши сознательные усилия должны сводиться главным образом не к тому, чтобы запечатлеть или сохранить (знание), а к тому, чтобы связать его с чем–то, нам уже известным». Другими словами, встроить его в наш жизненный мир, связать с нашей повседневной действительностью. А общей чертой памяти в этом случае будет *доступность для воспроизведения*, «так что нет необходимости прилагать усилия для нового заучивания; их можно использовать во многих случаях» – память конвенциональна. Из многочисленных возможностей использования памяти (переосмысление прошлого, передача опыта и прочие) здесь

ключевым становится именно *возможность действовать*. Память интегрируется в деятельностную парадигму. В интересующем нас эпистемологическом аспекте память, как некий аналог перформатива, является обусловленной результатом деятельности (перлокутивным эффектом). Притязание памяти на верность предшествует притязанию истории на истинность.

Феноменолог, в отличие от историка, должен отличать «вспоминать, как...» от «вспоминать, что...». Вторая бергсоновская оппозиция будет воскрешение в памяти – вызывание в памяти (аристотелевское *mnĕme* и *anamnesis*). Э.Гуссерль, в вышеупомянутых нами «Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени», проводит различение между *ретенцией* или первичным воспоминанием, и репродукцией, или вторичным воспоминанием.

Запомненные «вещи» репрезентируются в ментальном пространстве. Э. Бейтс определяет термин «репрезентация» как «вызывание в памяти различных процедур действия для оперирования с объектом при отсутствии перцептивного подкрепления. Речь идет о способности памяти делать присутствующим нечто отсутствующее.

1.5. ПЕРЕХОД ОТ ОБРАЗНОГО К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ 2 (А)

В когнитивной науке ментальные репрезентации (mental representation) – ключевое понятие, относящееся как к процессу представления (репрезентации) мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего–то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что–то в мыслительных процессах. Последнее определение указывает на знаковый или символический характер репрезентации и связывает ее исследование с семиотикой. В когнитивном подходе в объяснительные схемы впервые вводится допущение о том, что знания, хранящиеся в памяти, оказывают влияние на процессы когнитивной переработки. Логическим следствием такого допущение стала констатация неизоморфности между параметрами стимула и элементами ментального образа.

Понятие «репрезентация» знаменует собой промежуточный этап от ментального к языковому. Первоначально ментальная репрезентация описывалась в психологии как имеющая дело только с языковыми структурами. С именем А. Пейвио связано признание репрезентаций другого типа – образных. В многочисленных работах этого ученого была выдвинута теория двойного кодирования мира: картиноподобного и языкоподобного.

В настоящее время говорят либо об аналоговых репрезентациях (тех, которые сохраняют свое подобие оригиналу), либо о репрезентациях пропозициональных (имеющих аргументно–предикативную структуру). При переходе от аналогового к пропозициональному (лингвистическому) уровню мы наблюдаем очередную редукцию, обусловленную невозможностью вербально выразить ментальный образ. «Границы моего языка – границы моего мышления» –

Людвик Винтгенштейн. Постепенно амплитуда зрительного образа сужается до знаковой репрезентации.

Ильенков так сказал об этом: «Уже та простейшая форма, в которую отливается неизбежно абстрагирующая деятельность индивида слова языка, речь, ставит для произвола индивидуального субъекта строгие границы, не зависящие от его произвола. При переводе чувственно–данной конкретности в формы речи, в словесное бытие, индивид определен со стороны общества. Однозначность взаимопонимания здесь выступает как субъективный критерий правильности абстрагирования. Индивид, приобщаясь через язык к общественной реальности сознания, в самом акте отражения как бы раздваивается. С одной стороны, он имеет перед собой чувственно данный ему мир вещей, а с другой – систему форм общественного выражения этого чувственно данного мира, общественно осознанный мир, духовно усвоенный мир». «… выразить чувственно–данное явление в речи – это значит, хочет того или не хочет индивид, сознает он то или нет, – произвести абстракцию, придать явлению абстрактное выражение. Абстрактно поэтому вообще всякое сознание. Осознать, довести до сознания чувственно–данный факт – это значит волей–неволей произвести абстракцию. Сознание абстрактно уже потому, что оно органически сращено с речью, словом. А слово способно выражать только «общее», только повторяющееся... Живописец, как известно, ставит перед собой и модель, и холст на подрамнике, а затем начинает целенаправленно приводить изображение на холсте к сходству, к соответствию с моделью. Портрет или пейзаж, возникающий на холсте, есть отражение, образ модели. Но это отражение, как и сама модель находится вне художника, как предмет и продукт его деятельности. Сам он как субъект деятельности сравнивает изображение с моделью со стороны, с третьей позиции. И предмет изображения, и изображение предмета противостоят ему как два вне его находящихся предмета, сравнимые между собой. Механизм человеческого сознания целиком подобен этому отношению. В форме речи человек точно так же противополагает самому себе свое собственное сознание, *переводит на экран общественного сознания индивидуально воспринятые им впечатления*. Выраженные в речи, индивидуальные впечатления приобретают такую форму, в какой они становятся сравнимы с предметом. На этой основе и становится возможной неведомая животному *способность критического отношения к собственным впечатлениям*. У животного этого нет – оно безотчетно сливается с образом вещи, явления, события, отпечатавшемся в его мозгу, в его отражательном аппарате, в системе условных рефлексов. Посмотреть на самого себя со стороны – приобрести самосознание животное поэтому и не может. У него нет средства, с помощью которого оно могло бы взглянуть на самого себя со стороны, с точки зрения более высокой, нежели индивидуальная» [34].

1.6. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ. 3 ЭТАП

Непременным условием событийности является его трансляция адресату. Очевидец сообщает увиденное, описывая его как событие. Если человека накрыло лавиной и этого человека никто не хватился, то никакого события не произошло. В сущности, событие – это то же самое, что и рассказ о событии, который может не иметь ничего общего с физическим действием наблюдателя. В этом смысле событие *интериоризировано*.

В рассказе Льва Толстого «После бала» слушатели узнают от Ивана Васильевича, что однажды с ним произошло событие, резко изменившее его жизнь: то, как он после бала наблюдал за наказанием солдат. Что именно было событие – то, что наказывали солдат, то, что герой наблюдал за этим или то, что он рассказал это слушателям? Пока он не рассказал того, что с ним произошло, об этом мог так никто не узнать, и о его душевном перевороте наблюдали бы только извне. Событие оставалось бы внутренним душевным событием Ивана Васильевича, не выведенным из его «личного языка» в нормальную языковую игру с окружающими. Только описание придает событию цельность и законченность и определенность. Ведь для полковника, командующего экзекуцией, это в ряду повседневной жизни, и для него, так же, как и для остальных, никакого события не происходит. У многих писателей событие заключается во внутренней, ментальной перемене и воплощается в том когнитивном, душевном или нравственном «сдвиге», который обозначается такими понятиями, как «прозрение», «просветление» или «озарение» (Цилевич 1976, Левитан 1976; Шаталов 1980).

Для события, понимаемого таким образом, последовательность физических процессов в необратимом линейном времени может не играть роли, так как физические процессы могут протекать своим чередом, а событие может произойти для одного человека и не произойти для другого. Принято отделять ахронию структур от диахронии практики в интересах логизации и дехронологизации. Это напоминает нам жест Августина, который разъединил время души и физическое время, впоследствии отнесенное Аристотелем к сфере физики. «В самом начале пути при переходе от внутреннего осознания времени к историческому времени мы сталкиваемся с одним значительным затруднением. Внутреннее сознание времени изначально замкнуто в себе. Что касается природы «схватывания» разумом потока сознания и, следовательно, прошлого, то это – вопрос о том, поддается ли это ощущаемое время «схватыванию» и называнию без обращения к объективному времени, в частности там, где речь идет об одновременности, о последовательности и о значении временной дистанции» [76: 155].

К основным характеристикам события мы относим:

1) вербальную манифестацию;

2) обладание антропоморфным сознанием (когда событие происходит с Каштанкой или Холстомером, то они наделяются способностью к анализу, оценке и описанию);

3) интенциональность события. Событие не есть некая безотносительная к сознанию очевидность факта, оно неотделимо от сознания, удостоверяющего событийный статус данного факта в данном конкретном случае. На передний план «выходит новое и главное действующее лицо события – свидетель и судия» [63]. Интенциональность манифестируется в языке через категорию модальности.

1.7. ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ СОБЫТИЯ

Модальность (от ср.лат. modalis – модальный, лат. modus – мера, способ) – семантическая категория, выражающая отношение говорящего к содержанию его высказывания, целевую установку речи, отношение содержания высказывания к действительности. Модальность является языковой универсалией, принадлежит к числу основных категорий естественного языка.

Разрабатывая теорию высказывания, швейцарский лингвист *Шарль Балли* отметил, что в высказывании можно выделить два элемента: основное содержание (диктум) и индивидуальную оценку излагаемых фактов (модус). Балли позаимствовал термины диктум (лат. dictum – слово, выражение) и модус (лат. modus – способ) из схоластики и использовал их для обозначения объективной и субъективной части суждения. Ш. Балли дал подробный анализ дихотомии диктума и модуса в своем классическом труде «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (Бали 1955).

Концепция модальной рамки предполагает наличие чистой пропозиции, остающейся в результате серии преобразований внутри скобок, за которые последовательно выносится эмотивность, модальность, оценка, время и т.д. «Чистая пропозиция – это абстрактный конструкт отношений между явлениями «объективного мира». По утверждению Л. Вингинштейна, «говорящий субъект не называет себя, он показывает себя» (Wittgenstein 1961). В самой речи говорящий проявляется как носитель социо–психологической информации через дейктические маркеры, *стиль изложения*, речевые стратегии. Эта категория средств, названна Э. Бенвенистом «формальным аппаратом высказывания».

В феноменологической и лингвистической философии модус, т.е. отношение субъекта к действительности определяется через понятие интенциональности. Последнее являет собой свойство интеллекта, посредством которого различные ментальные состояния и события отсылают к объектам и положе-

нию дел в объективной действительности (Searle 1985). Вот некоторые примеры интенциональных состояний по Серлю: вера, опасение, надежда, желание, любовь, сомнение….. интенциональные состояния могут отсылать к объекту или состоянии вещей, которых в реальности не существует: «J'espere bien que tu viendras». Бахтин писал о том, что наша мысль и наша практика (не техническая, но духовная, т.е. совокупность наших осознанных актов совершается между двумя полюсами: отношением к вещи («овеществление») и отношением к человеку («персонификация»). Интенция и модальность (интерсубъективность), по Бахтину, напрямую связаны со смыслом высказывания. В отличие от значения, которое освобождено от всякой субъективности и оценки, смысл, или «тема» высказывания, полон ценностей. «Говорящий выражает мысль, являющуюся референтом высказывания, сквозь призму своей интенциональности (модальности), т.е. сопровождая ее эмоциями и оценкой» (Бахтин М.М. Эстетика словестного творчества. – М.: Искусство, 1979.

Представим рассмотренное нами положение в виде схемы, где:

R – онтологическая Реальность
P – Пропозиция
M – Модальность
D – Деятельность

Модальная рамка не является замыкающей, она вписана в деятельностный контекст. Праксиология, с этой точки зрения, всякое высказывание рассматривает как перформатив.

Способы выражения модальности

Ядром ФСП будут являться

1. Эксплицитные формулировки интенциональности в виде иллокутивных *глаголов*:

Классификация, разработанная Дж. Серлем, включает в себя пять классов, выделенных на основе двенадцати параметров, из которых наиболее важными для классификации Дж. Серль считает иллокутивную цель, условие искренности. Часть иллокутивной цели любого речевого акта направлена либо на то, чтобы пропозициональное содержание высказывания соответствовало действительности, либо на то, чтобы воздействовать на мир с целью приведения его в соответствие со словами. Третий критерий (направление приспособления) Дж. Серль использует для разграничения речевых актов, приспосабливающих слова к миру (напр., утверждения), и речевых актов, приспосабливающих мир к словам (напр., просьбы).

Директивы служат для побуждения слушающего к совершению определенного действия. Функция комиссивов – возложение на говорящего обязанности

совершить определенное действие (обещания, объявления, угрозы); экспрессивы выражают психологическое состояние говорящего, а декларации устанавливают соответствие между содержанием высказывания и реальностью. Дж. Лич добавил класс рогативов, вмещающий в себя речевые акты вопроса и запроса. Также другими авторами были добавлены сатисфактивы (извинения, благодарности, ответы, обоснования, оправдания); вокативы (обращение, вызов, зов).

При трансляции события в разговорном дискурсе (в отличие от научного) мы употребляем естественный язык, основной характеристикой которого является *дейксис*. Различается три основных вида дейксиса – персональный (личный), пространственный и временной. Центральные языковые единицы, соответствующие этим трем типам, – это, соответственно, местоимения 1 и 2 лица (*я, вы, ты, мой, твой*), указательные местоимениями и частицы (*этот –тот, вот –вон*, франц. *cecі – cela*); локативные (*здесь*) и временные (*сейчас*) выражения (хронотопический дейксис): местоименные наречия, например, лат. hic, nunc здесь, сейчас. Эти три типа единиц соответствуют *прагматическим переменным речевого акта* (термин Е.В. Падучевой). Существуют более сложные пространственные и временные дейктические выражения, указывающие опосредованно на объекты, места и моменты, совпадающие с дейктическим центром (*поблизости, недалеко, в соседнем доме, в прошлом году, вчера, скоро, раньше*). Сюда же мы относим:

2. *АЛЕ* – аффективные лексические единицы, выраженные междометиями: Ох ты!, Да ну! Класс!, Вау! (Ah! Oui!; Ah! Non! Oh! Que non; Bah, he….Mm, Bon, bien… франц.);

3. Деллокутивные обороты (семантически нейтральные): Послушай, Представь себе, Поверь...

(Si j’ose dire; soi–disant; n’est–ce pas? et voila, c’est comme ça C’est vrai Ce n’est pas vrai; tu trouve? франц.)

Различными грамматические и лексические средствами:

4. *Времена* не только отражают онтологическую хронологию: прошедшее – настоящее – будущее, но и имплицируют дейктические коннотации.

Например, *Я буду читать* (*je vais lire* – франц, *I gonna read* – англ.) указание на промежуток времени, определяемый по отношению к настоящему моменту.

В романно–германской языковой группе прошедшее время выражено перфектной модальностью: *Я прочитал* (*j’ai lu; je viens de lire* – франц.; *I’ve just read* – англ.)

5. Наклонениями

Сослагательным: действие или состояние рассматривается не как реальное, а как предполагаемое, желательное, возможное и т.д. (subjonctif – франц. THE SUBJUNCTIVE MOOD – англ.).

– Куда бы ты ни шел, я последую за тобой. (*Où que tu ailles*, je te suivrai – франц.).

– Я хочу, чтобы она сейчас была здесь. (I wish she were here now – англ.).

Повелительным (impérative):

– Не ходи туда один! (N'y allez pas seul! – франц)

– Выходите быстро. (Sortez vite. – франц)

речевыми актами, имплицирующими императив: Холодно, не правда ли? (закройте окно) – il fait froid, n'est pas? (*fermez la fenêtre*) – франц.

У меня болит голова (уходите быстрей) – j'ai mal à la tête (*il est temps de vous retirer*) – франц.

Условным (conditionnel – франц., Conditional Mood – англ.). Его называют ритуальной формой вежливости:

– Вы не могли бы мне указать дорогу? Pourriez–vous m'indiquez le chemin? – франц.)

6. Синтаксис: антиципация, эллипсы, выделительные обороты

Выделительные обороты (les tours mise en relief– франц.)

Ce n'est pas son frère qui m a annoncé cette nouvelle.

C'est ainsi qu'il faut comprendre ses hésitation.

Репризы (la reprise– франц.) – рема–тематические, стилистически окрашенные, субъективные варианты словорасположения. Порядок расположения слов при переходе от темы к реме является прямым (по Матезиусу, объективным), а при переходе от ремы к теме – обратным (по Матезиусу, субъективным). Обратный порядок называется иначе инверсией. Он служит для выполнения некоей функционально–семантической стратегии, как то вопрошание или акцентуализация, последнее коррелирует с понятием логического ударения, также введенного Матезиусом.

– Французские книги, я их часто не покупаю, они стоят дорого (*des livres français*, je n'*en* achète pas souvent, ils coûtent cher – франц.).

– Город, она его знает хорошо (*La ville*, elle *la* connait bien).

7. Не только модальность, но и событийность может быть маркирована синтаксически. Глубинная структура (ученик, школа, идти) говорит о тех синтаксических возможностях, которые могут возникнуть как при описании события. В плане содержания (ПС) событийность маркирована нарушением естественного порядка, течения вещей, что коррелирует в плане выражения (ПВ) с синтаксическим строем предложения. Так фраза «ученик читает книгу» имплицирует «нулевую» событийность, простую констатацию факта. Однако всевозможные семантические, синтаксические, тема–рематические трансформации формируют фабулу сюжета, а, следовательно, и событийность: «книга читаема учеником», «книга, ученик не хочет ее читать» – является семантическим трансформом (дериватом). Сюда также относится все семантическое пространство, связанное с учеником (школа, родители, обязанности ученика),

книгой (библиотека, вырванные страницы). Словом, все будет замкнуто на этой незамысловатой фразе о том, что ученик читает книгу.

8. Лексика: коннотативная (дурак, милашка, мужик). Факты речевого общения показывают, что и слова, семантически нейтральные, могут в специфических контекстах выполнять коннотативную функцию, т.е быть наведенной единице извне.

9. Сентенционально: различные стилистические обороты, метафоры, эвфемизмы, гиперболы, усиливающие иллокутивную силу высказывания.

10. Вокативы / аппелятивы – обращения также имплицируют субъективное отношение к референту. «Приведем пример нерелевантного, с точки зрения ТРА, перформатива:

– Девушка, девушка.... (Она оборачивается)

– О, извините, женщина, который час?

– Mademoiselle, Mademoiselle… (Elle se retourne)

– Oh! Pardonne, madame. Quelle heure est–il?

Здесь налицо – угроза коммуникативного сотрудничества, «коммуникативное самоубийство». Интенциональная установка узнать который час, инициирующая реплика может имплицитно содержать оскорбление (каждая женщина в душе хочет выглядеть девушкой).

В данном случае лишь контекстная ситуация помогает релевантно оценить смысл высказывания, проинтерпретировать интенциональную установку адресанта. Сюда относятся импликация экивоки» [18].

По мнению О. Дюкро, каждое высказывание несет в себе инструкции по своей интерпретации. В аргументативной теории Дюкро эти «инструкции» связаны с определенными маркерами и коннекторами, т.е. контекстуальными (ситуативными) инструкциями.

Однако помимо прямых индикаторов, существуют инструкции, основанные на определенных интерпретативных правилах, т.е по определению П. Грайса, на конвенциональных импликатурах.

11. Паравербальные и невербальные средства (мимика, жесты), интонационные средства.

12. Замыкают ФСП модальности амбивалентные РЕ, имеющие двоякую интерпретацию.

1.8. РЕГУЛЯТОРЫ РЕЧЕПОРОЖДЕНИЯ

Естественный язык не регламентирован какими–либо внешними прескриптивными правилами, только внутренними, обусловленными узусом, он имеет конвенциональный характер как в плане выражения, так и в плане содержания. Мы не будем ставить акценты на различении ПВ и ПС, считая языковую и понятийную картины мира взаимообусловленными. В эпистемологическом плане репрезентация события также имеет конвенциональный характер – истинно то, что релевантно для данного коммуникативного сообщества, где происходит негласный договор по поводу референта. Подчас социально правдоподобное квалифицируется как «реальное». При продуцировании сообщения адресант руководствуется многочисленными факторами. В числе прочих мы выделяем внутреннюю и внешнюю референцию. *Внутренняя референция* – это ориентация на собственное мнение, видение и позицию. *Внешняя* – на мнение окружающих, объективные результаты, принятые нормы, общественное мнение. Смешанная референция – сочетание и того, и другого. Внешняя референция обусловлена высокой степенью ангажированности субъекта в социальный континуум или его бихивиористскими установками (что является социальным рудиментом поддержания гомеостазиса).

Существует множество регуляторов речепорождения при внешней референции. Например, *докса* – «общепринятое мнение, представление» (древнегреч.), термин Р. Барта, восходящий к Аристотелю, где трактовка правдоподобного соответствует общественному мнению –доксе (doxa). Мишель Фуко вводит понятие *дискурс* –как социально обусловленную организацию системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется в те или иные периоды. Дискурс – это не только совокупность лексических, синтаксических или семантических категорий, ругулирующих высказывание, это картина мира индивидуума, обуславливающая его мировоззрение, образ жизни, ценностностные установки и прочее. Более емкое понятие, введенное Мишелем Фуко в трактате «Слова и вещи: археология гуманитарных наук», вышедшем в 1966году, является *эпистема* – это структура, обуславливающая определенные взгляды, концепции, научные теории. Эпистема образует из различных дискурсов единую систему знаний, реализующуюся в речевой практике современников как закодированный свод предписаний и запретов. Она отвечает за большинство точек зрения. Эта языковая норма бессознательно предопределяет языковое поведение, а, следовательно, мышление и рассуждения отдельных индивидуумов: что правильно (истинно–хорошо), что неправильно (ложно–плохо), чему верить, а чему нет. Эпистема определяет оптику окружающего мира, восприятие действительности. Для каждой конкретной исторической эпохи существует специфическая «эпистема», которую, однако, не стоит путать с парадигмой. Существует между ними несколько отличий: парадигма касается науки, а эпистема – всей культуры; парадигма более или менее понятна, рациональна, а

эпистема призрачна, иррациональна. Ее нельзя «пощупать», о ней можно только догадываться спустя столетия, когда она умрет в историческом контексте. Изначально в эпистеме был заложен момент принципиальной неясности, ибо она исключала вопрос, откуда исходят предписания и диктат культурно–языковых норм. Еще одной характеристикой эпистемы является ее «децентрированный характер», т. е. она лишена четко определяемого центра, а возникает и регулируется по принципу самонастройки.

Все, перечисленные нами регуляторы, выходят за пределы антропоморфности и имеют надличностное матричное образование, своего рода метадискурс, влияющий на характер репрезентации. Щедровицкий Г.П. говорил о том, что мышление «паразитирует» на материале человека: «Не человек осуществляет мышление, а мышление использует человека как агента. Мышление как бы вбирается отдельным человеком, а потом в том же виде или с некоторыми изменениями передается дальше» [94: 235]. «.... я убежден, что психика не есть качество человека. Психика должна рассматриваться субстанционально, если мы хотим строить психику вне субъектов» [94: 578]. Соратник Щедровицкого А.М. Пятигорский придерживается аналогичных воззрений: «предваряющая, преждевременная материализация (с разными вариациями – вроде той, что психика находится в голове у человека, и другой белиберды)» [73]. Психолог Шпет, рассматривая индивидуальное «Я» как носитель сознания, в том числе и своего индивидуального сознания, своего мышления, своей глупости, ссылается на К. Леви–Брюля и Э. Дюркгейма. Последний писал, что образы действий, мысли и чувства существуют вне индивидуальных сознаний (Шпет Г.Г. Философские этюды. С.93). Шпета, изучавшего «бессубъектное мышление» и «бессубъектную деятельность», упрекали в антипсихологизме.

Щедровицкий, говоря о деятельности продолжает развивает ту же мысль, говоря о том, что на уровне парадигматики деятельность не имеет ни субъектов, ни объектов, она представляет собой множество принципов формообразования, сложным образом между собой скоординированных. Когда оператор нажимает на кнопку, и ракета летит на заданную цель, можем ли мы сказать, что оператор поразил цель? Или хотя бы, что оператор, реагирующий на команду, осуществил действие запуска? Или его осуществила команда, или человек, передавший команду? Но и тот тоже – элемент функциональной системы, и в этом примере он, как и оператор, *функционирует*. Анализы Щедровицкого приводят его к заключению об *агенте деятельности*: «действует весь *континуум* деятельности». Далее ГПЩ добавляет: «Каждый человек, когда он рождается, сталкивается с уже сложившейся и непрерывно осуществляющейся вокруг него и рядом с ним деятельностью. Можно сказать, что универсум человеческой социальной деятельности сначала противостоит каждому ребенку; чтобы стать действительным человеком, ребенок должен «прикрепиться» к системе человеческой деятельности, это значит – овладеть определенными видами деятельности, научиться осуществлять их в кооперации с

другими людьми. И только в меру овладения частями человеческой социальной деятельности ребенок становится человеком» [119].

В. Гумбольд выразил эту мысль так: «Не люди овладевают языком, а язык овладевает людьми». Данные воззрения относительно характера мышления вписываются в постмодернистский онтологический континуум и выходят за рамки субъект–объектной парадигмы, ставя под сомнение саму «субъективность» высказывающегося субъекта, инспирируя ему вне– или над– личностный характер. Однако некоторые личности ориентированы на внутреннюю референцию. Регуляторами речепорождения в их случае выступают собственное мнение, видение и позиция. В этом случае высказывание будет носить *конгруэнтный* характер. Личности выступают подлинным субъектами репрезентации. Они, как правило, находятся на периферии мейнстрима, хотя могут быть ангажированы в него. Их мнение, не вписываясь в «узаконенные» (легитимные) фреймы, рассматривается как неправдоподобное, а, следовательно, ложное, нереальное. В эпистемологическом плане, на данном (бытийном) уровне рефлексии критерием истинности, на наш взгляд, должно стать не соответствия неким негласно легитимным коммуникативным предписаниям, а критерий искренности. Истинно – то, что искренно. Но здесь мы наталкиваемся на эпистемологическую асимметрию, получается: истинно – то, что субъективно.

Данную главу мне хотелось бы закончить цитатой П. Бадью: «Пока случается только то, что соответствует правилам некоего положения вещей, возможно конечно же, познание, правильные высказывания, накопление знаний; невозможна здесь истина. Истина парадоксальна тем, что она одновременно и внове, следовательно – нечто редкостное, исключительное, и, затрагивая самое бытие того, истиной чего является, наиболее прочна, наиболее, говоря онтологически, близка к исходному положению вещей» [5, с.16–17]. В данном случае способом структурирования социальной истины становится понимание того, что истина социальной науки самодетерминирована, а не задаётся социальной действительностью [4: 16–17].

ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СОБЫТИЯ[3]

2.1. ОТ STORY К HISTORY

Мы переходим к следующему уровню рефлексии – рефлексии над Действительностью или рефлексии второго порядка. Частное знание о событии может быть интегрировано в более развернутые институализированные образования – онтологические дискурсы, где оно подвергается процедуре «*объективации субъективного*»[4] [32: 344].

Определенные люди и группы людей, порой целые сообщества попадают в бурный поток социально–исторического процесса, который их закручивает и перемалывает. «Затем, когда бурная река выкатит свои воды на равнину, широко и произвольно разольется, – людям объяснят, где мы оказались, что с нами происходит. Методологи опять займутся своим привычным делом, начнут закреплять и оформлять возникшие и сложившиеся практические институты, сформированные и внедренные идеологические штампы понимания, переводить их в форму рассудка. В этом случае налицо гегелевский подход к философии истории, поскольку …сова–минерва вылетает в сумерки…, когда текст исторического процесса завершен, и сложившаяся общественная структура начинает распадаться». [26].

Субъективная действительность, как исходная форма всякого частного знания о мире интегрируется социальными институтами, где оно объективируется и онтологизируется. Проблемы объединения и соорганизации знаний в единую систему (то есть того, что обычно называют синтезом знаний) являются ключевыми в исследовании природы знаний вообще и теоретических в особенности. И именно таким образом они понимались и трактовались со времен Э. Кондильяка и И. Канта. Но при этом, как правило, проблемы объединения и соорганизации знаний отождествлялись с проблемами построения *единой теоретической системы знаний* – философской или научной. Локальные

---

[3] Мы использовали в названии главы аналогию с трактатом Бергмана П. и Лукмана Т. «Социальное конструирование реальности». Хотя по нашей логике, более релевантным было бы употребление термина «действительность», вместо «реальность». Отчасти это объяснимо тем, трактат был написан на английском языке, где эти понятия лексически неразличимы, хотя сами авторы происходят из германского языкового прстранства.

[4] В эпистемологическом плане понятие «объективность» претендует на истинность, что зафиксировано в словарях: объективный1 – соответствующий действительности, беспристрастный, непредвзятый; объективный2 – присущий объекту. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.

истории, которые начинают формироваться в процессах субъективации и реализации действий, в пространстве окультуривания кладутся в связности другого масштаба – мировые истории.

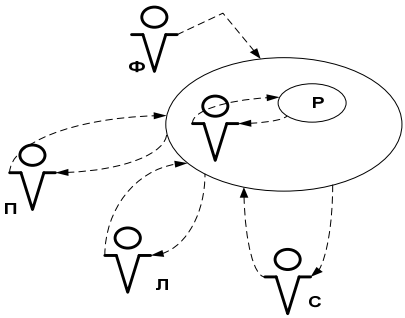
«Мы выражаем свои умозаключения в форме, понятной для других, и делаем это с помощью знаков, которые заранее были утверждены в своих значениях и были приняты в некоторой определенной социальной группе, допустим, учеными одной специальности или всеми, говорящими на одном языке. Когда эти взгляды там возобладают, они могут быть переданы дальше, несколько в ином, но столь же адекватном семиотическом оформлении. И так далее, пока новое знание не овладевает умами многих и не включается в сокровищницу принятых человечеством взглядов. В этом смысл тезиса о том, что *знаки служат платформой для получения и утверждения нового знания и что они вносятся в процесс познания с помощью понятных людям обозначений и знаковых систем*. Фактически платоновские идеи привносятся в процесс познания из прежде обработанной копилки человеческой премудрости. В этом же состоит одна из основных функций знаков и знаковых систем.» [69].

«Всякое отношение к естественному является рефлексивным. Существует два базовых типа рефлексии, в которых проблематизируется естественное представление – негативный и позитивный: первый мы назовем *редукцией* – в силу того, что в нем естественное представление подвергается критическому анализу и отдельные черты такого представления выносятся за скобки как несущественные для исследования; второй будет назван *естественной рефлексией*, в нем будет концептуализироваться некоторая базовая интуиция, которая лежит в основе естественного представления о языке, функционировании знака и о сознании. Мы полагаем, что оба эти типа рефлексии совершенно необходимы и являются взаимодополнительными моментами в исследовании соответствующих предметов. Редукция помещает за скобки то, что препятствует объектированию и концептуализации, но она выводит за скобки именно то, что близко нам, как осознающим, использующим знаковые системы». При редуктивном подходе мы наблюдаем тенденцию дезантропоморфизации познания, когда гносеологический субъект самоустраняется. Например, в лингвистике действиями Соссюра, вычленившего язык как предмет, мы абстрагировались от содержания, от значения, от отправителя и получателя. Редукция, тем самым, по Гуссерлю, конституирует новый объект.

При определенных обстоятельствах к одному и тому же событию может быть проявлен интерес со стороны различных дискурсивных сообществ: психологического, исторического, литературного, журналистского, юридического, политического, социологического, которые, сделав его предметом своего исследования, пытаются реконструировать, прибегая к различным миметическим стратегиям. Описание события входит в более усложненные дискурсивные образования, исследователя (психолога, историка, журналиста, поли-

тика, социолога), так и следователя (криминалиста)[5] или писателя. Эти образования и являются Парадигмами. Каждая парадигма имеет свой методологический арсенал и инструментарий. История–Story, интегрированная парадигмой, объективированная и институализированная –History, становится Гумманитарной Технологией.

Рефлексия второго порядка. Где П– психолог, Л – лингвист, С – социолог…. Ф – феноменолог (Изогнутая стрелка обозначает феноменологическое отношение к объекту). Число медиаторов второго порядка можно преумножать до бесконечности. Важно учитывать междисциплинарные связи между ними [17].



Парадигма, понятие, введенное Т. Куном, – это не только теория, но и способ действования в науке, то есть «принятая модель или образец» исследования научных задач, она позволяет не только решать возникающие в исследовательской работе затруднения, фиксировать изменения в структуре знания, но также задавать вопросы и ставить проблемы. Каждая парадигма имеет свои контуры и границы, четко очерченные границами языка науки (ее тезаурусом).

Примерно такова была эпистемологическая картина мира в эпоху позитивизма, дифференцирующая познавательные дискурсы, множащая парадигмы, делавшая один и тот же объект предметом их исследования, описание коего разнилось в силу методологического расхождения парадигм.

По аналогии с нашей трехступенчатой организацией Реальности, Поппер также выделяет во Вселенной три реалии:

Мир 1 – мир физических явлений, будь то атомы, поля и силы или «твёрдые материальные тела» – деревья, столы и т.п. – это реальность, существующая объективно.

Мир 2 – мир ментальных или психических состояний – субъективных состояний сознания, диспозиции и т.п. – состояние сознания и его активность.

Мир 3 – мир объективного содержания мышления и продуктов человеческого сознания. Это – гипотезы, проблемы, научные теории (истинные или ложные), проекты, материализованные в виде машин, скульптур, зданий, лежащие в библиотеках книги (которые, возможно, никем не будут прочитаны), и даже возможные в будущем следствия из имеющихся теорий. 20

[5] О сходстве исторического и юридического дискурса не раз упоминал Поль Рикер в книге «Память, история, забвение»

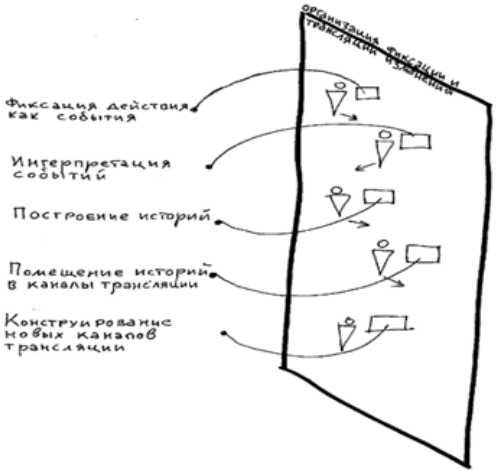
Третий мир создается человеком, но результаты его деятельности начинают вести свою собственную жизнь. Третий мир – это «универсум объективного знания», он автономен от других миров. Третий мир создается человеком, но результаты его деятельности начинают вести свою собственную жизнь. Третий мир – это «универсум объективного знания», он автономен от других миров. Рост знания в «третьем мире» описывается Поппером следующей схемой

P –> TT –> EE –> P, где P – исходная проблема, TT – теория, претендующая на решение проблемы, EE – оценка теории, ее критика и устранение ошибок, P – новая проблема.

Мир 3 находится «нигде» и относительно автономен. Теория мира 3 – это, безусловно, метафизическое обобщение антипсихологизма, «эпистемологии без познающего субъекта», его установки: «Меня интересуют только логические шпоры, а не психологические импульсы». Однако в метафизической схеме игнорировать психологические состояния нельзя, они должны в ней занять свое место. И Поппер поместил их в Мир 2. Мир 2 не только субъективен, но и хаотичен. Здесь переплетены чувства удовольствия и боли, ощущения времени и пространства, подсознательная память и ожидания, врождённое знание и импульсы к действию.

Если Мир 2 выражается посредством естественного языка (см. п. 1.7.), то Мир 3 все более отстает от Реальности, являя собой конструкт Действительности и выражается с помощью искусственно созданного языка – языка науки, как средства трансляции исторического знания.

Схематично представим данное утверждение:



2.2. ЯЗЫК НАУКИ. ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ (ПВ)

Язык науки (ЯН) – сравнительно недавнее образование, представляющее собой иерархизированную многослойную структуру, уровни которой дифференцированы по вертикали, определяющей движение от эмпирии к абстрактным положениям теории. Между различными подсистемами этой вертикали осуществляется взаимодействие, диалог. ЯН был заложен неопозитивистами с целью формировании базы эмпирических данных (фактов науки), которые должны быть репрезентированы языком, недопускающим двусмысленности, свободного от деформирующих влияний со стороны познавательной деятельности субъекта. ЯН был создан для получения, выражения, обработки, хранения и применения знаний. Однако это не просто форма, в которой выражается некоторое внешнее по отношению к ней содержание научного знания, а именно сам способ возникновения и существования научного знания как определенной реальности. В качестве такого языка логическим эмпиризмом был предложен логико–математический понятийный аппарат, отличающийся точностью и ясностью описания изучаемых явлений.

Поскольку образцом точности ЯН традиционно выступала математика, то язык математической логики, рассматривается как «логически совершенный», или «идеальный язык», способный к наиболее точному выражению знания вообще и в частности. Б. Рассел полагал, что логика, из которой может быть выведена математика, должна быть «адекватным скелетом языка, способного выразить все, что вообще может быть точно сказано» [112: 7].

В ЯН вошла часть понятий естественного языка: стоимость, звезда, сила, тяжесть, скорость, но получила гораздо более точное значение, в отличие от многозначности, двусмысленности и расплывчатости естественного языка.

В противовес естественному языку, имплицирующему субъективную модальность (т.е. отношение говорящего к пропозиции, выражение его интенции), здесь субъект отстраняется, выносится за скобки повествования, чем достигается эпистемологическая достоверность произошедшего.

В плане выражения (ПВ) эпистемологическая модальность манифестируется, прежде всего бессубъектностью высказывания. Так в культуре за научным дискурсом закреплено такое явление как аллографичность.

АЛЛОГРАФИЧНОСТЬ – написанный кем–либо текст, кроме автора, противопоставлен автографичному тексту, написанному самим автором) и аллографичный (написанный кем–либо, кроме автора. «Культура функционирует на двух уровнях – повторяемого канона и обновляемых комментариев к нему. Классики – это не самые известные и не самые читаемые, а самые комментируемые авторы. Такова была господствующая ситуация в европейской культуре до наступления Нового времени; начиная с XVI–XVII веков она изменилась благодаря возникновению новоевропейской науки. Личность первооткрывателя может символически увековечиваться в названиях научных дости-

жений (теорема Пифагора, законы Ньютона, опыт Майкельсона–Морли, Лоренцевы уравнения и т.д.), но при этом предполагается, что любой современный ученый способен адекватно воспроизвести эти достижения, а хороший современный учебник даже излагает их еще лучше первооткрывателей, потому что учитывает их достижения, которые были еще неизвестны последним, то есть вводит старые знания в новый дисциплинарный контекст.

Объективность тождественна бессубъектности изложения, маркерами которой являются следующие показатели:

– Повествование ведется от третьего лица, без маркирования субъекта действия. В тексте представлена лишь событийная хронология, без оценочных характеристик.

– В научном дискурсе за автором закреплено местоимение мы. «Своеобразно проявляется категория лица: значение лица обычно является ослабленным, неопределенным, обобщенным. Объясняется это тем, что в научной речи вместо местоимения 1–го лица единственного числа «я» употребляют местоимение «мы» (авторское мы). Принято считать, что употребление местоимения «мы» создает атмосферу авторской скромности и объективности; употребление авторского мы может, напротив, создавать атмосферу авторского величия, особенно когда исследование не представляет особого научного интереса».

– *Глаголы*. Часто используется глагол в форме 3–го лица множественного числа настоящего и прошедшего времени. Чаще употребляются глаголы несовершенного вида (около 80 % от всех глаголов), так как от них образуются формы настоящего времени, которые, как уже отмечалось, имеют вневременное, обобщенное значение. В качестве аориста – использование passé simple. Частота употребления пассивной формы глагола объясняется тем, что при описании механизма, процесса, структуры внимание сосредоточивается на них самих, а не на производителе. В целом же в научном стиле имена существительные и прилагательные преобладают над глаголами:

Les debris de son armée,40000 hommes à peine, *faits reculés* jusqu'au Rhin par les souverains allemands, *poussés* par leur sujets, *se rallaient* à la coalition européene. *Лексика* денотативная, изобилующая терминологией.

– В *синтаксическом* аспекте (отношение знаков между собой) современный научный стиль характеризуется стремлением к синтаксической компрессии, т. е. сжатию, увеличению объема информации при сокращении объема текста. Поскольку логичность – одна из основных стилевых черт научного текста, для его синтаксиса характерны структуры, прежде всего выражающие чисто понятийное содержание. Отмечаются стилистически нейтральные (тема–рематические) варианты словорасположения.

Le rétablissement de la monarchie impériale témoigne de la trace profonde laissée dans la conscience national par Napoléon I–er. Son neveu, après une remise en

ordre autoritaire, réachemina par étapes vers une monarchie de type libéral et parlementaire; la réussite de cette délicate opération constitue un cas presque unique dans l'histoire des dictatures. Son plus grande mérite néanmoins fut d'avoir brisé les obstacles qui s'opposaient encore à la modernisation de l'économie française et d'avoir fait bénéficier le pays d'une prospérité éclatante.

Это микровысказывание, формально состоящее из трех предложений, имплицирует громоздкий семантический пласт. Выделим некоторые пресуппозиции и импликации: a) Le rétablissement de la monarchie impériale – la monarchie était impériale, elle était détruite et rétablie de nouveau.

в) Son neveu, après une remise en ordre autoritaire .... – il avait un neveu, il y avait au moins une tentative de mettre en ordre autoritaire...

c) Всё целиком это высказывание имплицирует семантику успеха и перспективного развития новой правящей власти.

– Преобладание безличных конструкций, типа: доказано, что...., очевидно, что..., очевидным является тот факт, что...., известно, что..... / il est évident que …, ,il est connu que…, on croit que…, , on estime que…, Il passe pour certain dans l'esprit de quelqu'un que …. , il est naturel que… on declare que…. (прагматическая функция которых сводится к тому, чтобы минимизировать участие субъекта высказывания, и переложить степень ответственности за сказанное на коллективный логос).

В целом ПВ (план выражения) эпистемологической модальности коррелирует с ПС (планом содержания), отражая объективную действительность. Выведем гипотетический конструкт, где объективная модальность (ОМ) соотносится с объективной действительностью (ОД), а субъективная модальность (СМ) соотносится с субъективной действительностью:

ОМ ———ОД	Очевиден тот факт, что численность потерь французской армии в Бородинском сражении значительно превысила потери русской армии
СМ———СД	Лично я, конечно не уверен на все сто, но по–моему, он полный идиот.

Но иногда наблюдаются случаи асимметрии:

ОМ ———СД	Очевиден тот факт, что он полный идиот
СМ———ОД	Лично я, конечно не уверен на все сто, но по–моему, численность потерь французской армии в Бородинском сражении значительно превысила потери русской армии

Асимметрия является стилистическим маркером, усиливающим иллокутивную силу высказывания. Проблема ассиметрии ПС и ПВ субъетивного/объективного была нами затронута в предыдущей главе при анализе естественного языка. Напомню, мы пришли к заключению об обратно пропорциональ-

ной зависимости объективного – истинного, субъективного – ложного. Обоснованно ли это заключение на данном метауровене? Попробуем разобраться в этом и последующих пунктах нашей работы.

2.3. ЯЗЫК НАУКИ. ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ (ПС)

Язык науки может выполнять стилистическую функцию некоего сакрального закодированного послания, отличающего его от «профанного» повседневного языка простого обывателя (от естественного языка). Научное сообщество изобилует такими «псевдоучеными», которые спекулируют на мифологеме «научности», что подчеркивает их статусность, общественный престиж, карьерную самореализацию, выдавая «умную речь» за bon ton. Зачастую их научный дискурс нарочито непонятен, запутан, а к тому же бессодержателен. На адресата он производит почти что гипнотическое воздействие, подвергая его своим манипуляциям в корыстных целях. Каждому да хоть раз попадались такие врачи, учителя, юристы, госслужащие. А в основе таких манипуляций лежит все тот же ЯН. Лишенный содержательного наполнения, он становится языком–симулякром.

Для французского социолога Пьера Бурдье ЯН стал источником классовой дискриминации, он наделил его негативной аксиологической коннотацией «буржуазный». Из–за своей обособленности и удаленности от народа он не поддается ассимиляции: «Университетский язык, никогда не являясь ни для кого и даже для детей привилегированных классов родным языком, а лишь анахронической амальгамой предыдущих состояний в истории языка, – в очень разной степени удален от языка, на котором действительно говорят представители разных социальных классов. Вместе с тем существуют два полюса на шкале, два вполне не определенных диалекта: буржуазный и простонародный. Буржуазная речь включает большую часть лексикологических и даже синтаксических заимствований из латыни: введенные, используемые и востребованные одними лишь образованными социальными группами и в силу этого не попадающие под ассимилирующие процессы переструктурирования и новой интерпретации, они постоянно контролируются и тормозятся в развитии и нормализующими и стабилизирующими интервенциями со стороны инстанций, обладающих научной или светской легитимностью». Далее П. Бурдье подчеркивает, что адекватно справляться с буржуазным языком могут лишь те, кто в результате семейного воспитания получил доступ к кодам и механизмам этого искусственного языка, и кто сумел конвертировать его в практическое владение. А это лишь малая толика финансово обеспеченного буржуазного класса, элитарная надстройка. Остальным доступ к информации перекрыт: «Принимая во внимание, что информативная продуктивность педагогической коммуникации всегда зависит от языковой компетенции получателей сообщения ..., – неравное распределение между разными социальными

классами рентабельного в учебном плане языкового капитала..» [15: 125] обуславливает отношение между социальным происхождением и успеваемостью.

ЯН, призванный обеспечить беспрестрастную, объективную репрезентацию действительности, способствующий гносеологическому развитию, вдруг становится платежной монетой, выражающий интересы классимущих и являющийся средством манипулирования сознанием или классовой дискриминации.

Современные течения: модернизм, постструктурализм, деструктивизм в авангарде которых стояли такие мыслители как Мишель Фуко, Жак Деррида, Жан Франсуа Лиотар, Ролан Барт сняли покровы таинственности с ЯН (как и со всей науки) нивелировав его до статуса очередного дискурсивного образования, наряду с такими как студенческий дискурс, гендерный дискурс и так далее (М. Фуко). Ж.Ф. Лиотар, вслед за Людвигом Вингинштейном, нивелировал научный дискурс до статуса языковой игры, обладающей не эпистемологической, а людической модальностью, и основной характеристикой которой является ее легитимизация: «Научное знание требует выбора одной из языковых игр – денотативной, и исключения других. Критерий приемлемости высказывания – оценка его истинности. Конечно, мы встречаем здесь и другие классы высказываний: вопросительные («Как объяснить, что...?») и прескриптивные («Предложим дан исчеслимый ряд элементов...»), но они здесь служат только для сочленения диалектической аргументации, и последняя должна завершиться денотативным высказывание. Следовательно, некто является ученым (в этом смысле), если способен сформулировать истинное высказывание на предмет некоего референта, и специалистом, если может сформулировать высказвания верифицируемые или фальсифицируемые на предмет референта, принимаемого экспертами.»

С другой стороны, зададимся вопросом: «Возможна ли трансляция знаний (на уровне метадискурса) с помощью средств естественного языка? И будет ли это знание обладать эпистемологической достоверностью?» Р. М. Фрумкина в статье «Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология?» рассуждает о роли естественного языка как основной формы фиксации наших знаний о мире, равно как и источника изучения самих этих знаний: «эта роль была осознана сравнительно недавно. Наука о знаниях не может миновать то обстоятельство, что естественный язык обладает абсолютным приоритетом как средство фиксации и передачи знаний..... В лингвистике – также отход от математики и переключении внимания на говорящего субъекта (концепт – в когнитивистике). Как известно, еще Гумбольдт понимал язык как «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» (Гумбольдт 1984). Казалось бы, принимая эту позицию, нельзя изучать смыслы вне того, без чего они лишаются модуса существования – без внутренних миров их носителей. Иными словами, смыслы нельзя исследовать в отвлечении от говорения и понимания как процессов взаимодействия психических субъектов».

Вежбицка, линия Боас – Сепир – Уорф, Бенвенист также посвятили свои исследования прблеме «антропоцентризма» «человека в языке». В научных сочинениях *эссеистическое изложение* имеет права на существование. Более продуктивным будет не научный спор, а сократический диалог (великим мастером коего в наше время был Мераб Мамардашвили, обладающий магнетической силой убедительности).

Рассуждая про аллографичность, О. Розеншток–Хюсси говорил: «... нет и не может быть животного «мы». Всякое «мы» сотворено историей, как удавшийся сплав говорящего со слушателями. История находится внутри нас. Мы–рассказ некоей группы людей – если это история! Но наши историки, которые по основным навыкам своего мышления не столько гуманитарии, сколько специалисты–естественники, делают вид, что слова «мы» и «они» качественно между собой не различаются. Что наша история и их история носит чисто описательный характер, и поэтому они пишут свои естественнонаучные труды на материале истории. В этих историях третьего лица (third person histories) злодея находят не в нас, а в окружающем внешнем мире. Нас приучили думать, что мы – историки и читатели исторических сочинений – зрители, расположившееся в некоем оперном амфитеатре. Этот взгляд на вещи приобрел популярность с легкой руки м–ров Тойнби и Шпенглера. Если кого–то интересует, как отличить Мы подлинной историографии от «они» – сочинений, которые принято считать исторической наукой, – ответ предельно прост. Все научные исторические сочинения непременно представляют историю во множественном числе, не историю, а множество историй. Тойнби насчитал 21 цивилизацию, Шпенглер – 6. У среднего преподавателя истории в колледже по полочкам разложены истории Испании, Франции, Хорватии, Мексики и бессчетное множество других; чем научнее история, тем больше количество историй. «Они» можно сказать о любой группе или нации, большой или малой. Оказывается, есть история и у Гарлема, и у Бронкса, и у Манхеттена. Истории третьего лица имеют безудержную тенденцию к размножению. Но если бы наш рассказ оказался не единственным, он стал бы уже рассказом не о нас. Наша история (history) – это рассказ о нас самих, говорящих друг с другом. Прежде, чем рассказывать нашу историю, мы должны поговорить друг с другом. Только состоявшееся общение дает нам право или способность сказать «мы». Исторически все «мы» рождены процессами говорения и слушания, имевшими место между людьми. И даже само слово «мы» способствует успешному соединению говорящих и слушающих в какое–то значимое и относительно устойчивое единство. Отсюда следует, что обыкновенное предложение с «мы» уже подразумевает историю, а глаголы рассказа–истории, как правило, это глаголы в прошедшем времени» [121].

2.4. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЯ 1812 ГОДА – БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Недаром помнит вся Россия про день Бородина!

Тема Бородинского сражения и его последствия выбрана нами не случайно, ибо по сей день ведутся многочисленные прения о значимости и знаковости этого феномена, как с русской, так и с французской сторон. Для русского народа Бородинское сражение не просто знак–референт, отсылающий к конкретному происшествию, это Миф, сакральный Символ несокрушимости русского народа. 8 сентября в России отмечается День воинской славы России – День Бородинского сражения русской армии под командованием М.И. Кутузова с французской армией. Петр Ильич Чайковский создал музыкальный шедевр – увертюра 1912 год, приуроченный этой памятной дате. М.Ю. Лермонтов написал гениальное стихотворное произведение «Бородино», вошедшее в школьную программу.

В этом разделе мы попытаемся также отследим корреляцию или асимметрию ПВ и ПС посредством анализа аутентичных источников, энциклопедических данных (ЯН) и художественных произведений (естественный язык), репрезентирующих конкретное историческое событие – Бородинское сражение 1812 года.

В русских «доперестроечных» хрестоматиях и учебниках описывалось это сражение как одно из самых масштабных, кровопролитных в истории России. Далее, последующие события – осада французами Москвы, поджог столицы, мытарства и скитания французов, их уход и потеря армии – преподносились как гениальная стратегия М.И. Кутузова, с целью спасения человеческих ресурсов армии: «Последовавшее отступление русской армии после сражения было *продиктовано стратегическими соображениями и в конечном итоге привело к поражению Наполеона*». Статья: Бородинское сражение [130].

«Продолжая в общем стратегическую линию своего предшественника, *Кутузов не мог избежать генерального сражения по политическим и моральным соображениям*. К 3 сентября русская армия отступила к деревне Бородино. Дальнейшее отступление означало сдачу Москвы. Кутузов решился дать генеральное сражение. 26 августа (7 сентября) у деревни Бородино (в 125 км западнее Москвы) произошло крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 года между русской и французской армиями. Численности армий были сравнимы – 130–135 тысяч у Наполеона против 110–130 тысяч у Кутузова. Русской

армии не хватало вооружения – не было ружей, чтобы вооружить 31 тысячу ополченцев из Москвы и Смоленска. Ратникам раздали пики, но использовать людей в качестве «пушечного мяса» Кутузов не стал (ратники выполняли вспомогательные функции, например, выносили раненых). *Численность французской армии превосходила русскую, но Кутузов больше заботился о сохранении армии, чем о престиже.*

Около полудня при восьмой атаке Багратионовых флешей Наполеон двинул 45 тысяч своих солдат и 400 орудий против 18 тысяч солдат и 300 орудий Багратиона. После кровопролитнейшей 12–часовой битвы, французы ценой 30 – 34 тысяч убитыми и ранеными потеснили левый фланг и центр русских позиций, но развить наступление не смогли. Русская армия также понесла тяжёлые потери (40 – 45 тысяч убитыми и ранеными). 8 сентября Кутузов приказал отступить на Можайск *с твёрдым намерением сохранить армию.*

Военный совет в Филях: *М.Б. Барклай–де–Толли указывал на вынужденность оставления Москвы для спасения армии*: «Сохранив Москву, Россия не сохранится от войны, жестокой, разорительной. Но сберегши армию, ещё не уничтожаются надежды отечества», но большинство участников совещания склонялись на сторону сражения. Окончательное решение принял М.И. Кутузов: «Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия. Приказываю отступать»

После совета Кутузов, по воспоминаниям приближенных, плохо спал, долго ходил и произнес знаменитое: «Ну, доведу же я проклятых французов… они будут есть лошадиное мясо. Ближе к вечеру 14 сентября в опустевшую Москву вступил Наполеон без боя. Московский пожар (1812)

Пожар бушевал до 18 сентября и уничтожил большую часть Москвы. Из 30 тысяч домов, бывших в Москве перед нашествием, после выхода Наполеона из города оставалось «навряд ли 5 тысяч».

Выделенные фрагменты текста маркируют идею «вынужденности оставения Москвы ради спасения человеческих ресурсов», что несомненно имплицируют положительную аксиологическую коннотацию события и его главных участников.

Однако современные справочники и энциклопедии имплицитно умаляют значимость этого события и гениальной стратегии полководца Кутузова.

Материал из Википедии – свободной энциклопедии:

Бороди́нское сраже́ние (во французской истории – битва у Москвы–реки, фр. Bataille de la Moskova) – крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 года между русской армией под командованием генерала М.И. Кутузова и французской армией Наполеона I Бонапарта. Состоялось 26 августа (7 сентября) 1812 года у села Бородино, в 125 км на запад от Москвы. В ходе 12–часового сражения французской армии удалось захватить позиции русской ар-

мии в центре и на левом крыле, но после прекращения боевых действий французская армия отошла на исходные позиции. *Таким образом, в русской историографии считается*, что русские войска одержали победу, на следующий день главнокомандующий русской армии М.И. Кутузов дал приказ отступать в связи с большими потерями и из–за наличия у императора Наполеона больших резервов, которые спешили на помощь французской армии.

Вводные обороты: *Таким образом, в русской историографии считается …..*, *однако …..* имплицитно маркируют альтернативную интерпретацию события, что умаляет значимость этого события как символа, понижая его иллкутивную силу.

Во французской версии:

La bataille de la Moskova, (aussi bataille de Borodino), fut la plus importante et la plus sanglante confrontation de la campagne de Russie menée par Napoléon Ier. La bataille s'est déroulée le 7 septembre 1812 (26 août dans le calendrier julien), impliquant plus de 250 000 hommes pour des pertes estimées à 100 000 hommes. Le nom fait référence à la rivière qui coule non loin du champ de bataille, environ 125 km devant Moscou. La Grande Armée commandée par Napoléon Ier, repoussa l'armée impériale russe sous les ordres de Mikhaïl Koutouzov, près du village de Borodino, à l'ouest de la ville de Mojaïsk. Les Français s'emparèrent des principales fortifications russes, dont la redoute Raïevski et les « flèches « défendues par Piotr. Environ 30 000 soldats français sur 130 000 furent tués ou blessés au cours de la bataille. Les pertes russes furent de 45 000 sur 112 000 combattants.

La bataille prit fin avec la retraite de l'armée russe, qui se retira en bon ordre. *La bataille de la Moskova marque la dernière action offensive française sur le sol russe.* En se retirant, les Russes sont encore en état de combattre. Ils ouvrent aussi la route de Moscou que la Grande Armée atteindra une semaine plus tard, le 14 septembre. Elle y restera jusqu'au 19 octobre, jour où commence le retour, bientôt désastreux, de la Grande Armée. Dictionnaires et Encyclopédies sur 'Academic'

Conséquences

Les Français prirent Moscou (à 125 km) le 14 septembre. Le soir même, d'immenses incendies ravagent la ville. Les derniers feux seront éteints le 20 septembre au soir. Moscou, essentiellement construite en bois, est presque entièrement détruite. Privés de quartiers d'hiver et sans avoir reçu la capitulation russe, les Français *sont obligés de quitter la capitale russele* 18 octobre pour entamer une retraite catastrophique.

La bataille de la Moskova est considérée comme une victoire tactique française. Elle ouvre la voie de Moscou à Napoléon. Les pertes françaises, quoique très importantes, restent inférieures au nombre de morts et blessés russes. Toutefois, l'Empire russe a aussi revendiqué la victoire, les troupes s'étant repliées en bon ordre. La Russie affirma sa revendication sur la victoire en nommant une classe de cuirassé Classe Borodino à la fin du XIXe siècle. En 1949, l'URSS fonda la ville de Borodino dans le kraï de Krasnoïarsk. [135].

La champagne de Russie

…. Cette «armeé des vingt nation» franchit le Niémen le 24 juin 1812. Les armées russes se dérobèrent en faisant le vide devant l'invahisseur. Deux mois de marches amenèrent Napoléon aux approaches de Moscou. *Cependant l'opinion russu n'aurait pas compris que l'on livrât «la ville sainte» sans combattre*. Le vieux marechal Kutuzov livra donc bataille à Borodino sur la Moskowa, dans un cite soigneusement choisi et fortifié de redoutes en terre. Le combat, indécis et d'un acharnement inouï, tua 50 000 Russes et 30 000 Français (7 septembre). Quelques jours plus tard (14 septembre 1812), Napoléon entra dans Moscou. *Mais les resources que pouvait offrir la ville furent Presque aussitôt anéanties par un gigantesque incendie*. Napoléon s'y attarda plus d'un mois, attendant vainement des propositions de paix.

Lorsqu'il décida enfin la retraite (19 octobre), *la saison froide était déjà bien avancée*. L'armee harcelée par les cosaque et les partisans réussit à forcer le passage de la Bérézina (28–29 novembre), mais ensuite *le froid, de plus en plus cruelle, et la faim* firent périr les soldats par milliers…..

Сопоставив материалы из различных источников, мы констатируем совпадение «внешних» модальностей: пространственно–временного континуума, количество актантов, статистические данные и т.д., однако несовпадения на уровне интерпретации (в ПС), о чем свидетельствуют (в ПВ) имеющиеся несовпадения дейктических элементов, вводных слов и конструкций, маркирующих интенциональный характер высказывания. Интенциональность может принадлежать не только автору статьи, но и целому временно̊му социо–культурному континууму, отражающему современные ценностные установки (толерантность и т.д.), франко–русские отношения на текущий момент времени и т.д.

Так фраза *«La bataille de la Moskova marque la dernière action offensive française sur le sol russe»* может быть расценена как компенсаторный речевой акт «Извинение».

Фразы, типа: *Mais les resources que pouvait offrir la ville furent Presque aussitôt anéanties par un gigantesque incendie, ….la saison froide était déjà bien avancée. u le froid, de plus en plus cruelle, et la faim*, мотивирующие причины поражения внешними факторами, независящими от решения полководца, (холод, голод, пожар, истощение ресурсов провизии и т.д.) также несут компенсаторную стратегию объяснения–оправдания поражения.

В русско–французской версии изложения события Бородинского сражения мы констатировали совпадение элементов: *кто – что – где – когда*…, но разногласия по поводу *КАК* – методологический вопрос. Вопрос философии ЗА*ЧЕМ / ПОЧЕМУ* (Le pourquoi du monde) постепенно вытесняется вопросом методологии «Как» [76]. Первая парадигма вопросов коррелирует с субъект–объектным научным типом мышления; второй – с методологическим и историческим (реконструктивным) типом мышления, а третий – с интерпретативным

(герменевтическим) типом.

Лингвист, действуя в своей плоскости, своими методами вычленяет из текста различные маркированные единицы, а герменевт их интерпретирует, исходя из социо–культурного контекста повествования. Герменевт повсюду видит смыслы, утверждая, что любая деятельность (включая «непредвзятую» оценку событий) прежде всего семантична и содержит в себе различные импликации / инференции. Если убрать из сообщения все модализаторы и оставить чистую пропозицию, воссоздав объективную картину реальности, достоверную, эпистемологически «выверенную» – как в энциклопедическом дискурсе – мы получим *информационную* картину. Однако, мышление работает не по информации, а по смыслам, и импульс знакообразования идет не от информации, а от «задачи мышления».

Если различные исторические справочники и архивы передают из поколения в поколение информацию о произошедших событиях, то «институт передачи смыслов – это генеалогия» [76].

Нарративный дискурс, в силу специфики жанра, может открыто (эксплицитно) содержать коннотативные элементы, ему позволено не скрывать своего «предвзятого» отношения по поводу референта.

Littérature *«Guerre et Paix» de Léon Tolstoï.*

Tolstoï, notamment, estime que l'erreur principale de Napoléon aurait été de ne pas avoir utilisé la garde impériale, troupe d'élite de son armée, pour emporter définitivement le centre russe et obtenir une victoire décisive. Il aurait préservé la garde impériale pour la bataille suivante pour prendre Moscou, bataille qui n'a jamais eu lieu.

Tolstoï expose le plan de la bataille de Borodino, qu'il soutient être une victoire conforme à la guerre d'attrition menée par les russes.

Dans Guerre et Paix, Léon Tolstoï détaille particulièrement cette bataille et s'emploie à démontrer que la bataille de Borodino est une victoire stratégique russe, car:

Le conseil de guerre à Fili:

Après la bataille, l'état–major russe tient conseil à Fili, dans la spacieuse isba du paysan André Savostianov.

«Bennigsen ouvre la séance par cette question: «Faut–il abandonner sans combat l'antique et sainte capitale de la Russie ou faut–il la défendre?». (...)

«L'antique et sainte capitale de la Russie!», répondit Koutouzov plein de colère. «Permettez–moi de vous dire, Excellence, que cette question n'a pas de sens pour un Russe. On ne peut poser une pareille question et elle n'a pas de sens. La question pour laquelle j'ai demandé à ces messieurs de se réunir est une question militaire. C'est la suivante: «*Le salut de la Russie est dans son armée. Est–il préférable de risquer la perte de l'armée et de Moscou en acceptant la bataille ou de livrer Moscou sans combat?»* Voilà la question sur laquelle je désire connaître votre opinion».»

– Léon Tolstoï, La Guerre et la Paix

À la fin de la conférence et après avoir entendu l'avis des généraux, Koutouzov ordonne la retraite.

Les pertes russes sont énormes, c'est le repli général et la prise de Moscou par l'ennemi. Malgré les injonctions de Rostoptchine, les Moscovites quittent la ville

Tolstoï expose longuement la fatalité de l'échec français. L'armée russe continue sa retraite vers la route de Taroutino, et prépare la bataille du même nom. Moscou est occupée depuis un mois, le tsar n'a accepté aucune demande d'armistice et les Français se disloquent dans la ville en cendres. Napoléon, acculé par la bataille de Taroutino et l'état moral de ses troupes, décide de quitter Moscou non sans avoir pillé la cité.

C'est alors que le retrait commence: les prisonniers sont emmenés vers un voyage dont ils ne connaissent pas l'issue. La Grande Armée commence son long chemin de retour, au seuil de l'hiver, à des milliers de kilomètres de chez elle. Pour Koutouzov la Russie est sauvée, il ne reste qu'à laisser faire la débâcle, malgré l'opposition des généraux. Plusieurs attaques russes sont lancées, mais «L'armée française serra les rangs, et poursuivit, en fondant peu à peu, sa route fatale vers Smolensk».

Tolstoï estime que les quatre points essentiels des ordres de Napoléon n'ont pas été complètement exécutés : les batteries françaises étaient hors de portée de leurs objectifs, le contournement de l'aile gauche russe par Poniatowski fut empêché par Toutchkov, la division de Compans ne put pas s'emparer des premiers retranchements russes et Murat ne put pas aller au–delà du village de Borodino: «Ainsi aucune des prescriptions ne fut et ne pouvait être exécutée».

Il nie la victoire française « Napoléon savait bien, avec sa grande expérience, ce que signifiait une bataille où, après huit heures d'efforts, l'assaillant n'a pu obtenir la victoire, il savait que c'était une bataille presque perdue» et soutient la revendication de Koutouzov qui revendique la bataille comme une victoire russe «Le soir du 26 août, et Koutouzov et l'armée russe étaient persuadés que la bataille de Borodino était gagnée ; et c'est ce que Koutozov écrivit à l'empereur».

L'issue de la bataille convaincu l'armée russe que le rapport des forces lui devient favorable: «Jusqu'à la bataille de Borodino, nos forces comparées à celles de français étaient dans un rapport de cinq à six; après Borodino, dans un rapport de un à deux»; «l'obscure conscience du soldat que le rapport des forces était à présent inversé et que l'avantage se trouvait de notre coté».

Selon Tolstoï, la bataille s'inscrirait donc dans la stratégie de guerre d'attrition adoptée (malgré eux) par les Russes. Le repli de Koutouzov n'est que tactique (*Tolstoï insiste peu sur les pertes subies par l'armée russe*). En comparant la bataille au choc de deux boules, l'une lourde et rapide et l'autre plus légère et immobile, il écrit: «Avec l'élan qui lui avait été imprimé, l'armée française était encore capable de rouler jusqu'à Moscou ; mais là, sans que l'armée russe eût eu à faire de nouveaux efforts, elle devait périr, perdant son sang par la blessure mortelle reçue à Borodino».

Le Médecin de campagne d'Honoré de Balzac.

Dans Le Médecin de campagne d'Honoré de Balzac, Goguelat, ancien soldat de Napoléon raconte dans une grange, à la veillée, les moments les plus violents de la bataille de la Moskova. Ces récits considérés comme des contes et légendes ont d'ailleurs été publiés séparément dans deux revues.

IllustrationsLes batailles napoléoniennesIII Le Napoléon du people.

Le cœur de la troisième partie du roman est constitué par les récits, faits à la veillée dans une grange, par l'ex–fantassin de Napoléon, Guoguelat. Balzac effleure ici un projet dont il avait tracé le plan et commencé la rédaction : Les Batailles napoléoniennes. L'ouvrage ne verra jamais le jour, mais les récits de ces batailles, les références aux généraux, maréchaux, grognards et fantassins seront dispersés dans toute la Comédie humaine. A tel point que Napoléon est le personnage le plus souvent cité. Tantôt en rapport avec les personnages fictifs du romancier, tantôt dans l'histoire réelle

Nous entrons bien fournis; nous marchons, marchons: point de Russes. Enfin nous trouvons nos mâtins campés à la Moskowa. C'est là que j'ai eu la croix, et j'ai congé de dire que ce fut une sacrée bataille! L'empereur était inquiet, il avait vu l'Homme Rouge, qui lui dit: Mon enfant, tu vas plus vite que le pas, les hommes te manqueront, les amis te trahiront. Pour lors, proposa la paix. Mais avant de la signer; «Frottons les Russes?» qui nous dit. «Tope!» s'écria l'armée. «En avant!» disent les sergents. Mes souliers étaient usés, mes habits décousus, à force d'avoir trimé dans ces chemins là qui ne sont pas commodes du tout! Mais c'est égal! «Puisque c'est la fin du tremblement, que je me dis, je veux m'en donner tout mon soûl!» Nous étions devant le grand ravin; c'était les premières places! Le signal se donne, sept cents pièces d'artillerie commencent une conversation à vous faire sortir le sang par les oreilles. Là, faut rendre justice à ses ennemis, mes Russes se faisaient tuer comme des Français, sans reculer, et nous n'avancions pas. «En avant, nous dit–on, voilà l'empereur!» C'était vrai, passe au galop en nous faisant signe qu'il s'importait beaucoup de prendre la redoute. Il nous anime, nous courons, j'arrive le premier au ravin. Ah! mon Dieu, les lieutenants tombaient, les colonels, les soldats ! C'est égal! Ça faisait des souliers à ceux qui n'en avaient pas et des épaulettes pour les intrigants qui savaient lire. Victoire! c'est le cri de toute la ligne. Par exemple, ce qui ne s'était jamais vu, il y avait vingt–cinq mille Français par terre. Excusez du peu! C'était un vrai champ de blé coupé: au lieu d'épis, mettez des hommes! Nous étions dégrisés, nous autres. L'Homme arrive, on fait le cercle autour de lui. Pour lors, il nous câline, car il était aimable quand il le voulait, à nous faire contenter de vache enragée par une faim de deux loups. Alors mon câlin distribue soi–même les croix, salue les morts; puis nous dit : A Moscou ! – Va pour Moscou ! dit l'armée. Nous prenons Moscou. Voilà–t–il pas que les Russes brûlent leur ville? C'a été un feu de paille de deux lieues, qui a flambé pendant deux jours. Les édifices tombaient comme des ardoises! Il y avait des pluies de fer et de plomb fondus qui étaient naturellement horribles; *et l'on peut vous le dire, à vous, ce fut l'éclair de nos malheurs. L'empereur dit : Assez comme ça, tous mes soldats y resteraient!* Nous nous amusons à nous rafraîchir un petit moment et à se refaire le *cadavre parce qu'on était réellement*

fatigué beaucoup. Nous emportons une croix d'or qu'était sur le Kremlin, et chaque soldat avait une petite fortune. Mais, en revenant, l'hiver s'avance d'un mois, chose que les savants qui sont des bêtes n'ont pas expliquée *suffisamment, et le froid nous pince*. Plus d'armée, entendez–vous ? plus de généraux, plus de sergents même. Pour lors, *ce fut le règne de la misère et de la faim, règne où nous étions réellement tous égaux! On ne pensait qu'à revoir la France, l'on ne se baissait pas pour ramasser son fusil ni son argent*; et chacun allait devant lui, arme à volonté, sans se soucier de la gloire. Enfin le temps était si mauvais que l'empereur n'a plus vu son étoile. Il y avait quelque chose entre le ciel et lui. Pauvre homme, qu'il était malade de voir ses aigles à contrefil de la victoire! Et ça lui en a donné une sévère, allez! Arrive la Bérézina. Ici, mes amis, l'on peut vous affirmer par ce qu'il y a de plus sacré ; sur l'honneur, que, depuis qu'il y a des hommes, jamais, au grand jamais, ne s'était vu pareille fricassée d'armée, de voitures, d'artillerie, dans de pareille neige, sous un ciel pareillement ingrat. Le canon des fusils brûlait la main, si vous y touchiez, tant il était froid.

Данные художественные произведения наглядно иллюстрируют картину русско–французской обстановки того времени, упадок и разложение наполеоновской армии, страдания и мытарства французских солдат, гениальное стратегическое решение полководца М. Кутузова, что умалчивает современная историография.

Завершая этот параграф, мы приходим к выводам относительно эпистемологической достоверности/недостоверности репрезентируемого события в различных типах дискурса: историческом и нарративном. Если в последнем, описанные события Бородинского сражения, создавали единый монолитный образ, *гештальт* баталии, взаимодополняя и взаимообогощая друг друга, увлекая читателя за собой и погружая его виртуальное пространство той эпохи, за счет чего достигался эффект присутствия. В когнитивном плане происходит синкретичное «схватывание» гештальта, интуитивное опознание произошедшего, аннигиляция различных авторских подходов и точек зрения (автор остается за кадром повествования). То в историческом дискурсе мы усмотрели принципиальное противоречие по поводу исхода битвы. Сойдясь во внешних модализаторах события: *кто, с кем, где, когда, численность армий до– и после–*, возникли расхождения во внутренних: *Зачем?, Почему? Что тем самым?*

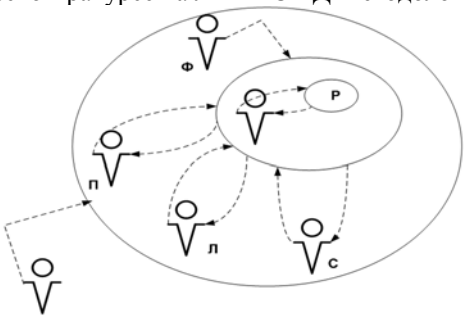
Но принципиально важным оказались для нас диаметрально противоположные выводы по поводу исхода битвы в русской и французской историографии. Русские и французы так и остались по разные стороны баррикад на поле научных баталий.

Посему прослеживается позиция наблюдающего субъекта: «Кто победил в Бородинском сражении, состоявшемся 26 августа по старому стилю? Если смотреть с точки зрения 27 августа, то, конечно же, победил Наполеон, за которым осталось поле боя. А если из января 1813 года – то Наполеон проиграл.

А если с точки зрения восстания декабристов в 1825 году? Или из 1870 года?.. Суть истории во множественном видении истории, от чего, к сожалению, отказались в 1917 году» [135]. Парадокс состоит в том, что внутри одной и той же научной парадигмы, использующей одинаковый методологический арсенал, выводы разнятся с точностью до наоборот. Спорят между собой не разные ученые, а разные логики, включенные в единую парадигму. Такое явление было названо Куном парадоксом, свидетельствующим о неспособности парадигмы решить противоречие собственными средствами. В результате доверие к парадигме падает, и происходит смена парадигм, то есть «научная революция». Мы сейчас переживаем переходный этап глобальной смены онтологической парадигмы. Что вызывает дезориентацию, тревогу и растерянность у подавляющей части населения. Отчасти данная статья была задумана как способ сориентировать человека, наметить перспективные векторы развития и пути выхода.

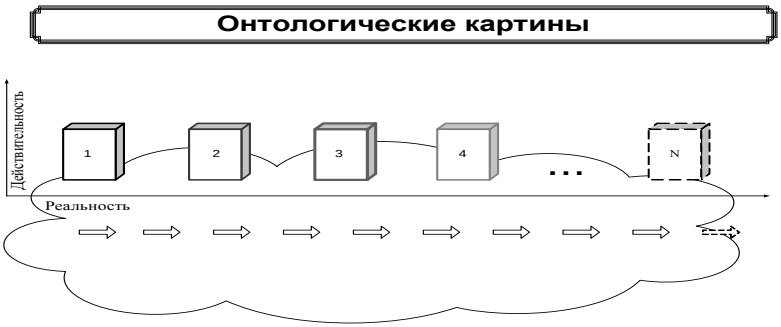
ГЛАВА III. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

Дабы всеохватывающе осветить проблемы историографии мы вынуждены занять рефлексирующую позицию в ее отношении и рассмотреть в методологическом ракурсе на линии СМД–методологии Г.П. Щедровицкого.



Как мы сумели убедиться, в рамках единой дисциплины, Историографии, сосуществуют множество исследовательских парадигм, как конкурирующих между собой, так и взаимодополняющих друг друга. Мы рассмотрим основные из них как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте.

Методы историографии коррелируют с этапами развития не только исторического мировоззрения, но, вписанные в контекст всего мирового пространства, меняются со сменой онтологических парадигм.



Понятие «Научная парадигма» было введено Томасом Куном в его работе «Структура научных революций». Он также вводит и три других понятия: «научное сообщество», «нормальная наука» и «научная революция».

Парадигма представляет собой дисциплинарную матрицу, включающую обобщенные знания и законы, онтологические интерпретации, задавая определенное видение мира; очерчивает круг проблем допустимых к решению, методологию решения и постановки самой проблемы.

Парадигма объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму. Т. Кун представил

науку как «субъективное иррациональное предприятие». Он, в отличие от Карла Поппера, считавшего, что «ученые постоянно думают о том, как бы опровергнуть существующие и признанные теории, и с этой целью стремятся к постановке опровергающих экспериментов», Кун полагал, что «...ученые в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы и к созданию таких теорий другими. Напротив, исследование в нормальной науке направлено на разработку тех явлений и теорий, существование которых парадигма заведомо предполагает». Вместо крупных открытий наука лишь накапливает информацию, уточняя известные факты. Жан Франсуа Лиотар, апологет постмодернизма, в книге «Состояние постмодерна» высказывает схожие мысли: «Чем сильнее «прием», тем больше вероятность отказа в минимальном консенсусе, именно в силу того, что он изменит правила игры, по которым консенсус был получен. Но когда научное учреждение функционирует таким образом, то оно ведет себя как обыкновенная власть, поведение которой отрегулировано на гомеостазис. Такое поведение является террористическим, как и поведение системы, описанной Луманом. Под террором понимается эффективность, полученная от уничтожения или угрозы уничтожения партнера» [45: 151].

Если Поппер считал, что в случае расхождения теории с фактом, сомнению будет подвергаться теория, то на самом деле ученые редко идут на этот шаг, предпочитая не замечать расхождений, дабы обеспечить преемственность традиций того или иного направления и не поколебать устойчивость парадигмы. Это объясняет, почему современные экстрасенсы, астрологи, исследователи паранормальных явлений не считаются учеными, не входят в научное сообщество. Если парадигма не способна решить проблему собственными средствами, доверие к ней падает, и происходит переход от одной парадигмы к другой, то есть «научная революция». Кун сравнивает с переключением гештальта: «например, если раньше на рисунке видели вазу, нужно усилие, чтобы на том же рисунке увидеть два человеческих профиля. Но как только это переключение образа произошло, сторонники новой парадигмы уже не способны совершить обратное переключение и перестают понимать тех своих коллег, которые все еще говорят о вазе». Диалог между адептами разных парадигм весьма затруднителен.

Традиционно в границах западно–европейской культуры 16–20 вв. выделяют три основные социо–культурные парадигмы:

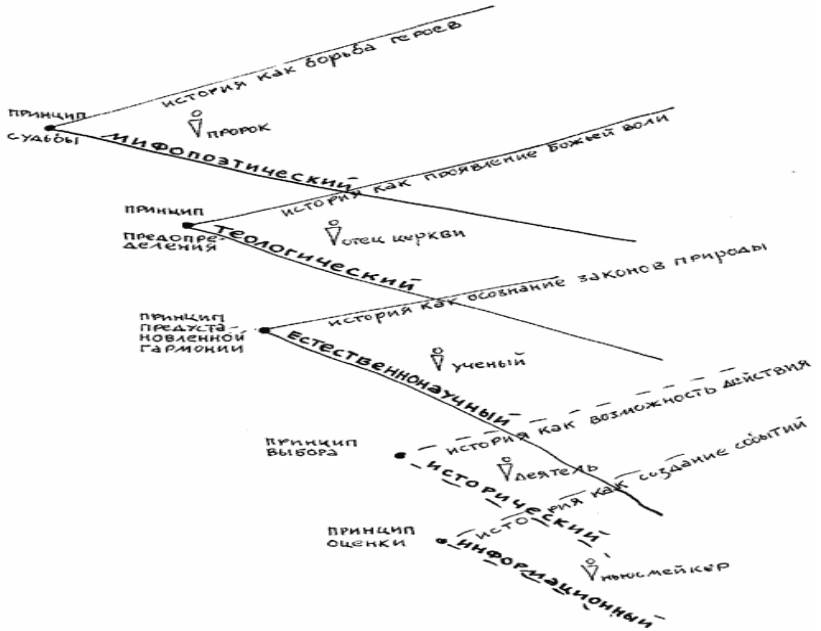
1) *премодерн*, суть Премодерна, характеризующийся эпохой теократии, в том, что он склоняет индивидуума к смиренности и покорности перед лицом Высшего Трансцендентного начала, а, как следствие, к традиционным патриархальным устоям и препятствует всему «новому».

2) *модерн* – или картезианская эпоха: мир полностью познаваем, так как полностью доступен нашему опыту. Истинное знание – это полное соответствие наших представлений о предмете с самим предметом. Единственным способом получения истинных знаний является научный подход.

3) *постмодерн* – В мире нет объективной системности, мир не имеет объективного устройства. Под всеми нашими понятиями отсутствует объективное содержание. По этой причина формула модерна «знание – это полное соответствие наших представлений о предмете с самим предметом» – является фикцией. Знание – это не некая статическая сеть понятий, где в каждой ячейке хранится своё неизменное содержание.

Ради удобства мы будем придерживаться данной трехступенчатой хронологической классификации онтологических картин мира. Но нельзя не принять во внимание классификации, предложенные другими авторами, многие из которых отдельно выделяют культуру архаичных домонотеистических обществ. Основной характеристикой данного периода является синкретичная нерасчлененность ПС и ПВ. Театральная маска воспринималась как лицо, слово не означало, а было тождественно обозначаемому, язык как «язык мира» сопричастен миру, а мир – языку: слова и вещи конституируют единый «текст», представляющий собой часть мироздания, природное существо. Реальность не была отделена от Действительности, в силу чего, эпистемологическая проблематика могла возникнуть не в тот период, а лишь с его прекращением.

Схема онтологических парадигм, разработанная в рамках СМД–методологии.



Мишель Фуко выделял около пяти подобного рода парадигм или «познавательных полей»: античное, средневековое, возрожденческое, просветительское и современное. Однако вместо понятия парадигмы он вводит термин

«эпистема», что не совсем тождественно парадигме. С 16 по 19 век Фуко выделяет три эпистемы: Возрождение «ренессансную» (XV–XVI вв.), классический рационализм (XVII–XVIII вв.) и современность (с начала XIX в.).

Упорядочивающим принципом в рамках эпистемы Фуко полагал предданное на каждом историческом этапе соотношение «слов» и «вещей» при помощи процедур их отождествления и различения.

3.1. ПРЕМОДЕРН

Средневековая историография строилась на принципе провиденциализма: обусловленности божественным промыслом, провидением. Средневековое телеологическое понимание истории было линейным, от акта Творения к пришествию и смерти Иисуса Христа и далее к Страшному суду и установлению тысячелетнего Царства Божия. Данная линейная хронология была предложена Аврелием Августином, который расположил в ней изменения человеческого общества. Позже эта линейность истории была подтверждена хронологией «от Рождества Христова». Человеческая история была описана как борьба вокруг идеи спасения двух градов – Небесного и Земного. Августин признал принцип предопределения основой человеческой истории, а ее смыслом – осознание воли Бога и следование ей. Вся история движется согласно Божьему провидению, его планам и цели. Дионисий Ареопагит устроил Божий порядок на принципах иерархии. Что, вкупе с принципом единого Божьего порядка и Божьего мира способствует объединению огромного количество культур и народов в рамках христианского мира, а в конечном счете – учреждению государственности (например, на Руси Владимир Красно Солнышко).

В XV–XVI вв. в связи с ростом товарно–денежных отношений, зарождением капиталистического производства, средневековые корпоративные связи вытесняются представлением о ценности свободного труда.

Великие географические открытия, достижения в области астрономии сыграли решающую роль в переоценке знаний о пространстве и месте в нем человека. Но наиболее важным фактором в развитии науки и культуры стало изобретение в середине XV в. книгопечатания, что открыло свободный доступ к священным письменам. Теперь всякий простолюдин, обучившийся грамоте, мог прочитывать Библию на свой манер. Возникла множественность интерпретаций и, как следствие, критический взгляд, повлекший за собой профанацию сакрального Писания. С другой стороны, книгопечатание расширило возможности распространения сочинений античных авторов. В этих условиях возникает новое идейно–мировоззренческое и культурное направление – гуманизм. Гуманисты отходили от теологического видения мира, заменяя его антропоцентристскими представлениями, эмансипируя человека и инспирируя ему громадные творческие возможности. Рационалистическое объяснение истории диктовало необходимость критического анализа исторических источни-

ков Призыв гуманистов «ad fontes» («к источникам») отражал стремление выявить в документах подлинные факты и отказаться от домыслов и легенд. Родина гуманизма – Италия внесла вклад в историографию, породив двух великих гуманистов – Лоренцо Валлы и Никколо Макиавелли.

Естественные знаки ренессансной эпохи восходят к античному синкретизму, однако постепенно они уступают место разнообразным системам искусственных знаков. «Язык, утратив признак непосредственного подобия миру вещей, обретает статус репрезентанта мышления; «Язык мира» становится «языком мысли». Фуко обращает внимание на значимые особенности соотношения слов и вещей в организации дисциплин «естественной истории»: Наблюдаемые объекты описываются и характеризуются при помощи корректно простроенного и адекватного им языка». Язык догматов и логика схоластов составили инструментарий подхода.

В целом произошел переход от катафатической к апофатическая картине мира.

3.2. СЦИЕНТИЗМ В НАУКАХ О ДУХЕ. ПОЗИТИВИЗМ. КВАНТИТАТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предтечей данного подхода был субъективно–идеалистический сенсуализм Д. Юма, Д. Беркли. Данный подход настаивал на примате ощущений, как единственного источника и основания знания. Радикальная форма сенсуализма – солипсизм, характеризующаяся признанием собственного индивидуального сознания в качестве единственной и несомненной реальности, и отрицанием объективной реальности окружающего мира. Сенсуализм в течение долгого времени был главной формой эмпиризма, развившегося в позитивизм.

Параллельно с *эмпиризмом*, характеризующимся методом индукции, то есть опорой на факты, развивается альтернативная гносеология – рационализм, использующий метод дедукции [лат. deductio – выведение] – движение знания от более общего к менее общему, частному, выведение следствия из посылок. *Рационализм* – целостная гносеологическая концепция, противостоящая эмпиризму и сенсуализму, провозглашающая разум в качестве главной формы и источника познания. Родоначальником рационализма является французский философ Рене Декарт. Он утверждал, что в нашем разуме априорно уже содержится аксиоматичное знание. Наша задача организовать опыт в соответствии с этими аксиомами. То есть мы не выводим знания из мира, не отражаем мир, а предписываем знания миру, подчиняем внешний мир внутреннему знанию о нем. Данная исследовательская установка отражает идею

Панлогизма. Знаменитая формула Декрта: «cogito ergo sum» ознаменовала собой новую веху в истории познания, открытие неколебимо твердой опорной точки безусловно достоверного знания «я». По–сути, произошел не только эпистемологический поворот к новой позитивистсткой (субъект–объектной) парадигме, а смена онтологической картины мира с теософской на рациональную. Эпоха пре–модерна сменяется модерном.

В этот период самым распространенным методом организации знания было составление таблиц различий и тождеств изучаемых объектов, сопряженное с разработкой их классификации по внешним признакам.

Критерием истинности научного знания был принцип *верификации*, согласно которому, всякое научно осмысленное утверждение посредством правил математической логики может быть сведено к совокупности протокольных утверждений (которые неделимые, простые, абсолютно достоверные). К науке принадлежат только те предложения, которые выводятся из истинных предложений наблюдения или могут быть верифицированы с помощью этих предложений. А философское знание нельзя свести к протокольным предложениям => оно не истинно. Демаркация науки и псевдонауки, то есть метафизики состояла в том, что истинная наука должна быть выводима из опыта. Неопозитивистское науковедение «отлучила» всю гуманитаристику от науки по принципу ценностной «окрашенности» первой и «нейтральности» второй. То основание, что в большинстве гуманитарных текстов так или иначе выражаются «ценностные позиции» (т.е. содержатся оценки и призывы), послужило водоразделом между научностью и ненаучностью. Исключение составили лишь немногие социально–гуманитарные дисциплины, в целом отвечающие общенаучным критериям. К «уцелевшим» гуманитарным (теперь уже официально признанным) наукам был применен *квантификативный* метод исследования.

Квантификативный (от лат. quantitas) и квалификативный (от лат. qualitas), другими словами, количественный и качественный подходы к исторической действительности применяются также и в других гуманитарных дисциплинах, таких, как психология, социология, литературоведение. В реальной исследовательской практике эти подходы зачастую переплетены, даже в индивидуальном исследовании, не говоря уже целом научном направлении.

Квантификативный метод – метод внедрения математико–статистического инструментария и математических моделей «в ткань» исторических исследований. На гуманитаристику экстраполируются методы точных наук, таких как математика, физика. По Канке В.А. критериями научности знания являются: его обоснованность, достоверность, непротиворечивость, эмпирическая подтверждаемость и принципиально возможная фальсифицируемость, концептуальная связность, предсказательная сила и практическая эффективность. Указанные критерии характерны, по Канке, для всех без исключения наук, от философских, логических, математических, кибернетических до естественнонаучных и гуманитарных.

История также «попала под раздачу» квантификативного метода и его принципа верификации. Любое историческое исследование неизбежно сводилось к порождению законообразных утверждений, логико–математических принципов аддитивности. Данные методы, еще до внедрения их в парадигму историографии, широко распространились в экономике и социологии.

Этот период характеризуется междисциплинарностью и «великим переселением» научных терминов в историческую науку, обогатившим ее методологический арсенал.

Эммануэль Ле Руа Ладюри в 1973 высказал мысль, впоследствии получившую широкую известность, о том, что «история, которая не является квантифицируемой, не может претендовать на то, чтобы считаться научной». В 1970– х гг. Г. Иггерс в книге «Глобальная история современной историографии», высказала схожие соображения о том, исторические исследования могут отвечать требованиям науки только в том случае, если их результаты формулируются на языке квантификации, с помощью количественных и формальных методов. Данная методологическая тенденция того времени была обусловлена желанием придать экспериментальным фактам «железный», фундаментальный характер.

Главным тезисом книге Гемпеля «Роль общих законов в исторической науке» было то, что объяснить какое–нибудь событие означает показать, что высказывание о данном событии логически выводится из: (1) некоторых высказываний о предшествующих или сопутствующих условиях – казуальность истории; и (2) из некоторых эмпирически проверяемых общих законов и теорий. В противном случае, данное объяснение является неполным, не более чем первым приближением к действительному объяснению. Это описание логической методологии рассматривается как универсальное, приложимое ко всем наукам, безотносительно к их предметам.

Но кульминацией квантификации стало направление «серийная история» или «история без людей». Э. Ле Руа Ладюри высказывает следующее утверждение: «Квантитативная революция полностью преобразовала профессию историка, а в будущем он или будет программистом или не будет историком». В статье «Застывшая история» ученым рассматривается история миграции бацилл и вирусов, вызванная ростом паломничества. Микробная унификация мира, совершавшаяся волнами в период между 1300 и 1650 г. явилась мощным фактором стабилизации нашей экосистемы, произошедшей между этими двумя датами. Другими исследователями были Ф. Дюби «Крестьяне и воины», П. Шоню «Севилья и Атлантика». Квантитативный метод предоставляет нам на рассмотрение непрерывные серии цифровых данных: анализируют документы, протоколы, купчие, векселя, антропометрические исследования изменения роста и веса человека в ходе истории или реконструкции истории населения до появления института переписи. Сторонники данного направления

выступали против «события» как предмета исторического исследования, мотивируя это тем, что научное исследование не может основываться на изолированном, эпизодическом, серийная история фактически сводит любое событие в истории до уровня случайного и даже мифического. К тому же событие характеризуется интенциональностью, как нами было указано в первой главе, а противоречит самому принципу позитивизма, его методологической объективности.

Радикальный неопозитивизм трансформируется в *физикализм* (Карнап, Нейрат), экстраполирующий принципы физики на гуманитаристику и стремившийся построить всю науку на основе языка физики. Р.М. Фрумкина в статье «Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология?» говорит о том, что еще до недавнего времени эталоном для лингвистики была математика, в свою очередь физика была эталоном для экспериментальной психологии, а структурная лингвистика – для литературоведения. Ныне эти дисциплины утратили свой статус эталона.

Энтузиасты квантификации в исторических исследованиях, ассоциировавшиеся с перспективным направлением обнаружили к 1990–м годам, что их методы уже не называют «новыми», а большая часть историков обратила свои взоры на другие подходы, характеризующиеся противоположными методологическими принципами. В целом, неопозитивизм эволюционировал к анализу обыденного языка и часть неопозитивистов стремилась отчистить обыденный язык. Все разновидности позитивизма принято называть аналитическая философия (Европа) и лингвистическим анализом (Британия и США).

Квантитативная история показала, что с ее помощью могут быть поняты только очень немногие аспекты прошлого, поскольку предположения об истории, сформулированные при помощи вычислений, часто бывают неточны и недостаточны. Мечты историков в белых одеждах, которые хотели привнести научную безусловность в изучение прошлого, сейчас кажутся бредовыми.

В заключение отметим, что внимание сообщества историков–исследователей зависит от того, какой подход является доминирующим на данном этапе развития исторической науки – генерализирующий, выводящий универсальные закономерности, что связано с применением методов формализации и количественного анализа, или индивидуализирующий. Упадок интереса к квантификативным методам связан с разочарованием в возможностях создания рациональной схемы мировой истории (постпозитивизм) и объективного познания культур прошлого как систем (постструктурализм).

3.3. КРИТИКА ПОЗИТИВИСТСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Природа обусловлена культурным образом»
(natura e culturalmente condizzionata). Не существует «чистой природы»
без человека – носителя культуры, потому что «чистая природа»
– это то, чем могут наслаждаться зайцы, белки, кролики, ужи...
Мирче Элиаде

Позитивизм, как и неопозитивизм настаивал на актуальности верификации «Знание истинно, если оно верифицируемо, подтверждается фактами». Верификационный критерий теоретических утверждений скоро заявил о себе своей ограниченностью. Главным критиком позитивистской методологии признан Карл Поппер, противопоставивший принципу верификации собственный принцип *фальсификации*, метод предположений и опровержений.

В контексте работ позитивистов «наука» – это то, что эмпирически верифицируется, а в контексте критического рационалиста Поппера –то, что дедуктивно–эмпирически фальсифицируется. А если теория опровергнута, она должна быть немедленно отброшена. «Единичные факты, как бы много их ни было, не могут дать нам права представлять научные законы и теории в форме всеобщности и необходимости, поскольку невозможно исключить того, что в будущем будет найден факт, противоречащий данному закону или теории.....я заявляю, что принцип индукции совершенно излишен и, кроме того, он неизбежно ведет к логическим противоречиям»[71: 48]. Наблюдение, с точки зрения Поппера, уже предполагает некоторую теоретическую установку, исходную гипотезу. Нельзя просто наблюдать, не имея для этого никаких предпосылок. Наблюдение всегда избирательно и целенаправленно: мы исходим из определенной задачи и наблюдаем только то, что нужно для решения этой задачи. Бессмысленность «чистых» наблюдений Поппер иллюстрирует следующим образом. Представьте себе человека, который всю свою жизнь посвятил науке, описывая каждую вещь, попадавшуюся ему на глаза. Все это «бесценное сокровище» наблюдений он завещает Королевскому обществу. Абсурдность ситуации не нуждается в комментариях» – позитивистская концепция неограниченной кумулятивности (накопления) исторического знания не оказалась неспособной решить гносеологические задачи, выдвинутые временем. Как явствует из рисунка, существенным упущением методологии позитивизма было отсутствие рефлексирующего наблюдателя–исследователя. Как и сенсуализм, потерпевший неудачу при попытке интерпретировать восприятие как комбинацию

ощущений, а ощущения свести к цельному знанию, так и позитивизм не смог добиться цельного гештальта изучаемого феномена.

Интенцию, приведшую к закату этой парадигмы задал Кант. В всей абсолютной, самодовлеющей и всеобъемлющей реальность, которую неискушенное сознание воспринимает как объективная действительности, Кант усмотрел не что иное, как коррелят (сам Кант толковал его как «порождение») самой познающей мысли, «теоретического разума» и потому как нечто, имеющее лишь ограниченную и относительную значимость. Всеобъемлющее постижение реальности в форме построения объективной действительности Кант называет «догматической метафизикой».

Позитивизм часто сравнивают с софистскими тактиками: доказать можно все, что угодно, если задаться соответсвующей целью. Существует даже такой афоризм «Прокрустово ложе истории».

Такое понимание метода согласуется с выдвинутым Т. Куном (Кун 1972) понятием научной парадигмы, подчеркивавшим, что научный метод позволяет эффективно решать только те задачи, которые могут быть поставлены в рамках этой парадигмы и оказывается неэффективным в ранках иной парадигмы. Таким образом, сколько углов зрения, столько и методов, и каждый имеет свои границы. Аналогичным образом Поль Рикёр говорит об «интерпретации как о модальности в репрезентации»: интерпретация существует на всех уровнях историографической операции: на уровне документальном – при отборе источников; на уровне экспликативном – в конкурирующих способах объяснения, в связи с варьированием масштабов [76: 330]. Научное знание само по себе не обеспечивает объективности, это глубочайшее заблуждение сайентизма, ибо наука всегда аспектна, – и если мы получили на основе полученного ряда аспектных представлений, мы идем назад и должны построить соответствующее онтологическое представление.

В критике позитивизма особое участие принял *Хосе Ортега–и–Гассет* и его работа «ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?» Приведем некоторые выдержки из нее: «Благосклонность судьбы, общественное признание, как правило, сбивают нас с пути, рождают в нас тщеславие и агрессивность. Подобное случилось с физикой, и в результате почти столетие духовная жизнь Европы страдала от того, что можно было бы назвать «терроризмом лабораторий». Философы, подавленные этим превосходством, стыдились быть философами, вернее, устыдились не быть физиками. Поскольку истинно философские проблемы не могут быть решены методами физики, они отказались от попыток их решить, отказались от философии, сведя ее к минимуму, униженно поставив

на службу физике. Они решили, что единственной философской темой является размышление над самим фактом физики, что философия не более чем теория познания. Кант первым решительно встает на эту позицию, открыто пренебрегая великими космическими проблемами; жестом уличного регулировщика он перекрывает движение философии – двадцать шесть веков метафизического мышления – со словами: «Всякая философия отменяется вплоть до ответа на вопрос: «Как возможны синтетические априорные суждения?». Итак, синтетические априорные суждения представляются ему физикой, фактом физико–математической науки. Но подобная постановка вопроса не имела никакого отношения к теории познания. Она исходила из уже готового физического знания и не спрашивала: «Что такое познание?», Философия была растоптана, унижена империализмом физики и запугана интеллектуальным терроризмом лабораторий. Повсюду царили естественные науки. Новая философия многими своими качествами обязана этому этапу вынужденных унижений, подобно еврейской душе, ставшей тоньше и интересней после вавилонского плена. В частности, мы еще убедимся в том, что сегодня, после того как философы с краской мучительного стыда сносили презрение ученых, бросавших им в лицо, что философия не наука, нам – по крайней мере мне – нравится в ответ на это оскорбление заявлять: да, философия не наука, ибо она нечто гораздо большее.

Восемьдесят лет назад бесспорное и неоспоримое предположение, вошедшее в плоть и кровь тогдашних мыслителей, звучало так: sensu stricto, нет иного знания о мире, чем то, которое дает нам физическая наука, и нет иной истины о реальности, кроме «физической истины».... после стольких усилий, потраченных философами на разработку теории познания, физикам пришлось самим заняться окончательным уточнением характера своего знания и показать нам, что оно, строго говоря, является низшей разновидностью теории, удаленной от предмета своего исследования, а вовсе не образцом и прототипом знания. наша капитуляция перед так называемой «научной истиной», то есть видом истины, присущим физике и родственным наукам, оказалась предрассудком....Бездумная расхожая тенденция считать точность атрибутом, определяющим качество истины, не только совершенно неправомерна, но и бессмысленна. Точность может существовать лишь тогда, когда речь идет о количественных объектах. Человек заключал себя в границы физики, а когда ее владения кончались, философ как бы по инерции шел в том же направлении, в своих объяснениях повторяя приемы физики, хотя в за ее пределами. Эта физика, идущая дальше физики, была метафизикой и, стали быть, физикой вне собственных границ. (Такова все еще английская философия: Рассел и Уайтхед.). Субъективизм: из сказанного выше ясно, что мы будем двигаться в противоположном направлении. Нужно, чтобы физик – а также метафизик, историк, художник или политик, – заметив ограниченность своей профессии, обратился к собственной глубинной сути. Тогда он поймет, что сам он не физик,

просто физика – одна из бесчисленных вещей, которыми в своей жизни занимается человек. В своей конечной сути физик оказывается просто человеком, человеческой жизнью. А человеческая жизнь имеет неотъемлемое свойство постоянно обращаться к миру в его единстве, к Универсуму. Еще не став физиком, он уже является человеком, а будучи им, задается вопросом об Универсуме, то есть философствует – лучше или хуже, искусно или неумело, цивилизованно или по–дикарски. Наш путь будет лежать не к тому, что за физикой. наоборот, мы вернемся от физики к началам жизни и в них отыщем корень философии. Тогда это будет не метафизика, а до – физика. Она рождена самой жизнью, а как мы вскоре убедимся, последняя не может избежать, пусть самого простого, философствования» [124].

Другим видным критиком позитивизма, был представитель аналитической философии в рамках неопозитивизма, Ричард Рорти. Его книга «Философия и зеркало природы» внесла существенную лепту в деконструкцию позитивизма, с ее «точной репрезентацией бытия», «зеркале» природы, объективного мира.

Он противопоставляет понятия «copy» (копирование, отражение) и «cope» (справляться с чем–либо) – игра слов в английском варианте. С его точки зрения, познание, не отражает реальность (to copy), а только взаимодействует, справляется с ней (to cope) на манер инструмента с податливым материалом. Понимание означает умение «справляться с событием» и «извлечение пользы», способ держать ситуацию под контролем. Критерием истинности знания является ее контекстуальная уместность и работоспособность, другими словами, релевантность. Корреспондентная теория истины (истина соответствует реальности) отвергается Рорти как изжившая себя «реалистическая догма. А эпистемологическая доктрина позитивизма замещается у него концепцией «согласованности» (когерентности) как соответствия утверждения принципам и требованиям той или иной языковой игры, действующей в том или ином конкретно–историческом сообществе индивидов. История у него предстает как хаотичный поток, вязь бессвязанных событий, без предзаданной цели или «идеи», она творится не Богом или Мировым Разумом, а людьми. Каждое новое поколение создает свой язык, постулирует свои ценности и цели. Центральным звеном его антнфундаменталистского прагматизма выступает понятие Редескрипции (переописание) «культурных словарей» и ценностей – Рорти, что имплицирует идею метатекстуальности. «Сличение конечного словаря или какой–либо версии истолкования бытия с объективной реальностью невозможно, а референция непостижима, речь нужно вести не столько о дескрипции (описании) мира, сколько о переосмыслении и перетолковании предшествовавших концепций» [77].

3.4. НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ, АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОЗИТИВИЗМУ

Король умер, да здравствует король!

Данная схема («метафизика объекта – критика – позитивизм») доминировала во всем европейском пространстве, начиная с 19 в. На место прежней модернистской онтологической картины мира в настоящее время претендуют сразу несколько парадигм, как конкурирующих между собой, так и взаимодополняющих. Перечислим лишь некоторые из них: постмодернизм, герменевтика, пракматика–праксеология, когнитивизм, иррационализм, нарратология. Несмотря на разрозненность их методов и концептуально–теоретической базы, все они имеют общее свойство – с одной стороны, антропоцентризм, познание мира осуществляет не «чистая» познающая инстанция, а всегда конкретный человек с присущими ему историческими обусловленными формами потребностей, телесной организации и языка; с другой – возврат к Жизни, противодействие симулякрам, насажденным предшествующими эпохами, третья характеристика – агностицизм, отказ от веры в предзаданную объективность познания.

Х. Ортега– и–Гассет: «Для античных ученых реальность, бытие обозначали «вещь»; для ученых нового времени бытие означало «интимность, субъективность»; для нас бытие означает «жизнь», – стало быть, интимность по отношению к самому себе и к вещам. Мы утверждаем, что достигли нового, более высокого духовного уровня, поскольку, если мы посмотрим себе под ноги, на исходную точку – «жизнь», то обнаружим, что в ней сохранены, объединенные и преодоленные, античность и новое время».

По мысли Фуко, в современной эпистеме слова и вещи опосредуются «жизнью», «языком», «трудом» в отличие от классической, где мышление и бытие были свободными от посредников. Слова являют собой уже совокупность знаков в знаковых системах: язык во всевозрастающей мере становится самодостаточным и обретает самостоятельное бытие, все более утрачивая связь с Реальностью и порождая симулякры.

Философия жизни или Иррационализм: (от лат. irrationalis – неразумный) выдвигает примат внерациональных аспектов духовной жизни человека: инстинкт, интуиция, чувство, «поэтическое мышление», воля, мистическое «озарение» с его ассоциативностью, образностью, метафоричностью и мгновенными откровениями инсайта, воображение, любовь и даже бессознательное. Данное философское течение представлено в «философии откровения» позд-

него Шеллинга, волюнтаристической концепции Шопенгауэра, учении Кьеркегора, родоначальника философии жизни Ницше, «философией бессознательного» Гартмана, в понятии «Даза́йн» М.Хайдегера, у Ортега–и–Гассет, О. Шпенглера. Шеллинг утверждал, что подлинное знание должно быть абсолютно «свободным», что это – такое «знание, к которому не ведут ни доказательства, ни умозаключения, ни вообще какое–либо понятийное опосредование, но только созерцание» [114: 369].Тезисом иррационализма было то, что познавательный аппарат человека устроен отнюдь не в целях рационального познания, мир не имеет какого–нибудь одного смысла, он имеет бесчисленные, зачастую противоположные толкования и смыслы (перспективы), что противоречило презумпциям логико–дискурсивного мышления. По мнению Ницше, человек и человечество не могут обойтись без мистической интуиции, без мифов, без иллюзий. Эти же взгляды затем «обосновывал» А. Бергсон. По его мнению, «что сфера деятельности интеллекта ограничена мифом мертвой материи, что же касается духа, «жизненного порыва», якобы обусловливающего всякое творчество, в том числе и социальный прогресс, то здесь интеллект оказывается абсолютно непригодным. Жизнь, живое невозможно понять с помощью научных средств; чтобы понять их, необходимо совершить насилие над разумом, пойти против «естественного течения» нашей мысли. Нужен «жизненный порыв», иррациональная интуиция, религиозное озарение и т. д». Концепция Хадегера отражена в книге «Бытие и время», где он вводит понятие «Дазайн» (нем. *Dasein*) дословно переводится как «вот–бытие», «здесь–бытие», местом (Da) присутствия бытия (Sein) оказывается сам язык. Этим термином объяснятся феноменологическое присутствие в Мире, *феноменологическая точка бытия*, сопряжение историко–философской дезонтологизацией. приоритет отдается интуитивному «поэтическому мышлению» с его ассоциативностью, образностью, метафоричностью и мгновенными откровениями инсайта. «Философия жизни» возникла как реакция на факт растущего отчуждения индивида в буржуазном обществе, множащего симулякры. Последние, словно вирусы, проникают в сознание человека, уводя его от экзистенциальной самости. Бытийное существование замещается семантическими матрицами. Государственно–монополистическая «рационализация» производства и всех других сфер общественной жизни капитализма приводит к такой глубокой опустошенности внутренней жизни человека, какой никогда не было прежде. М. Хайдеггер утверждал, что наука и философия не совместимы, что последняя находиться в иной плоскости, в ином строе духовного бытия, там же где находится лишь поэзия, и требовал возвращения к мета–научному, метатехническому типу рациональности.

3.5. ОНТОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА

Основной мировоззренческой характеристикой постмодерна является *эпистемологическая неуверенность* (англ. epistemological uncertainty). Ее возникновение связывают с кризисом веры во все ранее существовавшие ценности (так называемый «кризис авторитетов»), как теософские, так и позитивистские, с распадом господства логико–гносеологических презумпций, материальной и духовной причинной обусловленности – всего, что создавало психологический комфорт, чувство защищенности. Постмодернизм расщепляет мировой Космос на множество отдельных миров, децентрируя его, пораждая хаос и бессмысленность, расщепляя сознание на множество автономных «Я», выбивая почву из–под ног индивидуума. *Индивидуум* (от лат. individuum, калька от греч. άτομοσ – *неделимый*) становится теперь действующим субъектом эпохи. Теоретиками постмодернизма были Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Делез, Хассан, Р. Барт, Жан Франсуа Лиотар, принявшие вселенский хаос как экзистенциальную данность и проникшись к нему «интимной близостью». Своего апогея постмодерн достиг у Дерриды и проявился в критике традиционных семиотических концепций, доказывая ненадежность любого способа знакового обозначения. Познавательный скептицизм стал лейтмотивом исследования французского ученого, утверждавшего, что все «постулируемые наукой «законы и правила» существования «мира вещей» в действительности отражают лишь желание человека во всем увидеть «Истину», в действительности же это не что иное, как «Трансцендентальное Означаемое» – порождение «западной логоцентрической традиции», стремящейся во всем найти порядок и смысл, во всем отыскать первопричину или навязать смысл и упорядоченность всему, на что направлена мысль человека». Деррида ищет «неопределенности», места «провала» или «слабости аргументации», противоречия в каждом анализируемом тексте. Все, что индивидуум принимаемое за действительность, является лишь представлением о ней, зависящим от точки зрения наблюдателя, а смена ее ведет к кардинальному изменению самого представления, что обрекает наблюдателя на «мультиперспективизм», калейдоскопически меняющийся ряд ракурсов действительности и невозможности ухватить хоть одну ее грань. Каждая отдельно взятая грань конституирует собственную онтологию, имеющую собственную ось координат, презумпцию ценностей и полаганий. Данное утверждение восходит еще к средневековому номинализму, бритве Оккама.

Номинализм – философская позиция, утверждающая, что существует только единичное. Общее же может быть выражено при помощи языка, состоящего тоже из единичных предметов. Новая парадигма историографии рассматривает лишь единичные феномены, без интеграции их в целостную мировоззренческую систему. Исторические события, исторические персонажи, деятели – лишь акциденции Реальности, в отличие от ее ессенциального. Здесь противопоставляются знания *Ad hok и Apriori*, последние, интегрированные

социальными парадигмами, имеют статус *легитимности*. Анкерсмит говорит о внимании к «кажущейся неподходящей, противоречивой, но удивительной детали: о внимании ко всему, что кажется бессмысленным и неуместным именно с точки зрения научной историографии». Дж.Леви пишет: «Микроисторический подход ставит вопрос о методах познания прошлого, об использовании косвенных свидетельств, признаков и примет. Особенно предпочтительной считается такая процедура исследования, когда идут от такого частного случая, который необычайно индивидуален и невозможна его редукция к типичному, который трудно подогнать под определенные правила, нормы». Напомним, что расщепленный образ исторической науки был заложен еще сторонниками квантитативного метода. Однако между ними существуют немалые разногласия. К. Гинзбург говорил: «Выбрать в качестве объекта изучения только то, что повторяется, и поэтому поддается выстраиванию в серию (статистическую совокупность), означает заплатить в познавательном смысле очень высокую цену». В процессе работы над изучением феномена инквизиции К. Гинзбург пришел не к «серийной истории», а напротив, к пристальному анализу конкретных документов, связанных с совершенно неизвестным индивидуумом. – Проблема репрезентативности в микроистории подгоняется под такой парадоксальный термин, как «Нормальное исключение».

Наиболее характерным явлением постмодернистской историографии стала тенденция концентрировать внимание не на объемном целом, а на фрагментах, что позволило понять особое отношение этой историографии к тексту. Ф. Анкерсмита произносит: «Тексты – это все, что у нас есть, и мы можем сравнивать только тексты с текстами», что согласуется с более ранним известным афоризмом Ж. Деррида: «Нет ничего вне текста». В фокусе исследований постмодернистов оказываются не эпохальные дискурсы, казуально детерминированные, логически обоснованные, а единичные факты, частные явления, не вписывающиеся в общеисторический контекст, подчиненные внутренней логике, или не имеющие таковой вовсе. На арену выходит новая парадигма, *Микроистория*. Микроистория – направление в исторической науке, занимающееся рассмотрением малых территорий и популяций (городок, деревня, отдельная семья) прошлого с целью изучения повседневной жизни и ментальности «маленького человека», традиционно теряющегося в истории. Данный подход зародился в 1970–е годы в Италии, а основателями его по праву признаны Джованни Леви и Карло Гинзбург. В целом историография постмодерна напоминает «Игру в бисер» Германа Гессе, игру со смыслами или в смыслы, где происходит замена эпистемологической модальности на людическую, игровую. Все это метафоризируется как пир во время чумы: на фоне тотального распада мира, беспочвенности и бесполезности всего окружающего, дабы не впасть в нигилистичесое отчаяние, ученые резвятся, играя в смыслы как в «Игру в бисер». Мишель Фуко говорил, что «науку в настоящее время неправомерно трактовать как познавательную деятельность либо общественный институт – точнее оценивать ее функции в трех ипостасях: а) как особые типы

дискурсов; б) как конституирующие научную реальность социальные практики; в) как сеть властных отношений». Задачей историка уже не является реконструкция того, что происходило в разные эпохи, а становится вечно продолжающейся игрой с памятью об этом: «Пришло время, когда мы должны больше думать о прошлом, чем исследовать его». С точки зрения постмодернистов, центр внимания историков перемещается с самого прошлого на несоответствие между настоящим и прошлым, между языком, который мы сейчас используем, говоря о прошлом, и самим прошлым.

В возражение постмодернистской теории Зиммель справедливо заметил: «Изолированные события – это не история» (Simmel, 1922). Основные элементы мыслительного процесса – отбор и конструирование, отбор того, что может стать историческим фактом в составе целого, и конструирование этого целого таким образом, чтобы все факты были интеллигибельны. «Быть историческим фактом значит нести определения, оправдывающие развитие или процесс в направлении будущего.»

3.6. КВАЛИФИКАТИВНЫЙ ПОДХОД В ИСТОРИОГРАФИИ. ГЕРМЕНЕВТИКА

Эпиграфом к этому параграфу могло бы послужить следующее высказывание–афоризм: «Деятельность историка – это «понимающее схватывание». Герменевтика – не отдельная дисциплина в рамках философии или литературоведения, а особый тип рациональности, постижения Бытия. Этим своим статусом Герменевтика обязана В.Дильтею. Во второй половине XIX века, как явствует из вышеприведенного параграфа, усилием неокантианцев науки о духе, Geisteswissenschaften, были противопоставлены наукам о природе, и научность Geisteswissenschaften требовалось обосновать новыми критериями. В этой исторической ситуации Вильгельм Дильтей объявил герменевтику общей методологией гуманитарных наук. Отныне герменевтике был присвоен статус не частной дисциплины, а альтернативной рациональности.

Мы не случайно разместили этот параграф в данной хронологической последовательности, после онтологии постмодернизма. Мы хотели на контрасте проиллюстрировать разность этих двух мировоззренческих установок: разотождествленность, расщепленность постмодерна и синкретизм герменевтики, преодоление расщепленности через обретение смысла.

Философская герменевтика возникла к середине XIX века. Ее основоположником был Ф. Шлейермахер. Он рассматривал герменевтику как метод

всех наук о духе (гуманитарных наук). Шлеймахер работал над методом психологического «вживания» в пространство текста, погруженности в эпоху происходящего. Только так, считал он, можно проникнуть во внутренний мир авторов древних текстов, любых исторических деятелей и на этой основе реконструировать исторические события, понять их более глубоко, чем их осознавали сами участники этих событий.

Позднее, в конце XIX века, философская герменевтика в лице В. Дильтея соединилась с «философией жизни». Критикуя любое рациональное постижение истории, он ратовал за интуитивное «схватывание», что было характерно для данного направления историографии: «Факты, относящиеся к обществу, мы можем понять только изнутри, только на основе восприятия наших собственных состояний... С любовью и ненавистью, со всей игрой наших аффектов созерцаем мы исторический мир. Природа же для нас безмолвна, она нам чужда, она для нас внешнее. Общество – наш мир». В отличие от философии, имеющей объясняющую интенцию к миру, интенция герменевтики – понять мир. Вопрос философии: Почему? (le pourquoi du monde), методологии – Как?, герменевтики – Что тем самым?, науки – Против кого?.

Если эпоха позитивизма распространила на гуманитарные науки требования точных наук, математики и физики, то сдесь мы наблюдаем в точности противоположный эффект: чудак вроде Ричарда Фейнмана заявил: «Вы все знаете физику, а я ее понимаю». В книге Гейзенберга «Часть и целое» есть целый раздел о «понимании в современной физике». В этой же книге приводится отрывок разговора с автора с другим выдающимся физиком Нильсом Бором, который на вопрос Гейзенберга «можно ли надеяться когда–либо понять атом», отвечает: «Надо бы для начала все–таки узнать, что означает слово «понимание» [25: 398]. Надо заметить, что у Бора понимание еще совпадает с достоверным познанием, хотя позже физики именно этой, Копенгагенской школы стали рассматривать средства научного анализа в качестве единственно достоверного способа познания. Сам Нильс Бор, предложивший новую модель атома, и которая была с успехом одобрена научным сообществом, полагал, что он всего лишь решил теоретическую задачу описания атома, сконструировал некую модель, и по своей природе атом не таков: «У нас ещё нет языка для описания свойств таких объектов, и мы вынужденно используем образы–метафоры, ведем себя на манер поэтов, которые не ставят задачу отразить реальность, а вызывают определенные ассоциативные представления о мире». Нильс Бор начинает разрабатывать свой «принцип неопределенности». Таким образом, в рамках самой физики, претендующей на методологическую универсальность, была высказана «крамола», подставившая под сомнение базовые принципы позитивизма. В методологии наметился поворот вектора на «субъективизм», а именно: зависимость результатов эксперимента от позиции наблюдающего субъекта. Данное положение было экстраполировано и на гуманитарные науки, включая историографию. Далее, по аналогии начинают по-

являться «понимающая психология», «понимающая социология», «понимающая история». А в XX веке Мартин Хайдегер выступил с программой «герменевтической феноменологии.». Тем самым происходит частичная аннигиляция «гуманитарных наук» vs «точных наук», устраняется принципиальных характер антиномии их методов и теоретико–концептуальной базы, учитывая усиливающуюся тенденцию междисциплинарности и метадисциплинарности (синергетика, СМД–методология).

Герменевтический подход к историческому, как и к художественному текстам неоднороден, и внутри самой парадигмы возникают разногласия и противоречивые мнения: одни предлагают в качестве определяющего критерия достоверный способ понимания, улавливающий интенцию автора, воссоздающий дух эпохи; другие – множественность ходов интерпретации, полифонию смыслов. Всем нам известна ситуация, когда по прошествии некоторого времени мы вновь беремся прочитывать какую–либо «освоенную» книгу, то непременно обнаруживаем в ней все новые и новые смыслы. Каждое повторное прочтение порождает бессчетное количество новых смыслов. И так до бесконечности. Разве можно в данном ключе рассуждать об истинном, единственно верном понимании текста?

В ономасиологическом подходе был популярен метод максимального вживания в реальность описываемых событий «the native point of view», с последующей достоверной репрезентацией «пережитого»: историки пытаются классифицировать и упорядочить опыт прошлого с точки зрения людей самого прошлого, участников событий. В результате перед историками встала проблема выявления значения исторических событий для их участников и современников, формирование нового отношение к мыслям и чувствам людей прошлого. Даже самые традиционные историки старались не рассматривать исторических агентов, их поведение, образ жизни, менталитет сквозь реалии современности, а понять культурные категории, тезаурус и субъективный опыт участников событий.

Итак, ключевыми категориями в герменевтическом анализе будут являться *Понимание* и *Смысл*. В отличие от Соссюровской дихотомии: означающее vs означаемое (языковая форма vs значение) мы движемся к трихотомии (или треугольнику) Фреге, где вводится новый категориальный элемент – смысл. Для более полной иллюстрации приведем пример–притчу, заимствованный у Г.П. Щедровицкого: «На строительстве собора в средневековом городе Шартре спросили трех человек, каждый из которых катил тачку с камнями, что они делают. Первый пробормотал: «Тачку тяжелую качу, пропади она пропадом». Второй сказал: «Зарабатываю хлеб семье», а третий ответил с гордостью: «Я строю Шартрский собор!» Здесь для нас интересно следующее: все участники этой истории реализуют одни и те же операции, все они строят Шартрский собор и все зарабатывают хлеб семье, но они при этом реализуют разную деятельность» [93: 245]. Один и тот же знак может означать разные

действительности, и наоборот, одна и та же действительность может быть выражена разными знаками. К примеру некий человек поднял руку, на вопрос: «Что ты сделал?» он не ответит: «Поднял руку», а скажет: «Поздоровался» или «Прогнал насекомое» и тому подобное. Всякая человеческая деятельность семантична. Мы слышим в небе самолет, а не звук реактивного двигателя. Майкл Даммит заявил, что любая теория значения, которая не является теорией понимания или не дает ее в итоге, не удовлетворяет той философской цели, для которой нам требуется теория значения – а, следовательно, теория значения должна включать, помимо теории референции, еще некоторую теорию иллокуции. Акцент переносится на исследование смысла и значения научных высказываний, т.е. замена понятия истинности на понятие осмысленности. То, что осмысленно, то и есть истинно. Поль Рикер разотождествил историческую истину и герменевтическую истину. Первая ставит вопрос о достоверности исторического факта, вторая – о смыслообразующей его роли. Вопрос «Был ли Иисус Христос реально существующей личностью?» здесь неуместен. Вопрос ставится иначе: «Что значит Иисус Христос как реально существующая личность? Что тем самым мы удостоверяем?». Стремление постичь онтологический замысел Истории, ее план, идею, причинно–следственные связи, находящиеся в сфере трансцендентного, уступило место стремлению постичь ее имманентный смысл, то есть внутри самой человеческой деятельности с присущей ей способностью к порождению новых смыслов. Всякая деятельность смыслоориентирована: мы слышим в небе самолет, а не шум вращающихся турбин. Таковы эпистемологические притязания герменевтического подхода к историографии.

Однако и внутри самой понятийной герменевтики намечается размежевание: спорят разные подходы к процессу понимания: внешнеориентированный (реалистично–формальный) и внутреннеориентированный (интуитивный). Э. Бетти полемизирует с Х.Г. Гадамером, разработавшим собственный проект герменевтики. Его концепции, ориентированные на «Бытие и время» М. Хайдеггера, имеют дело исключительно с субъективной стороной понимания: мировой дух, который необходимо объективизировать при помощи *внутреннего* осмысления, интуиции как внутреннего голоса. Именно в этом он расходится с подходом Гадамера, ставившего в абсолют языковые моменты, то есть внешнюю, а не внутреннюю активность интерпретатора. Бетти развивает концепцию о трехступенчатом процессе понимания: 1) рекогнитивный (узнавание), 2) репродуктивный (воспроизведение) и 3) нормативный (применение). Главную задачу своей концепции Б. видел в выработке четких критериев понимания текста. Theoria generale della interpretatione. Milano, 1955; Die Hermeneutik als allgemeine Methodologie der Geistwissenschaften. Tubingen, 1962 [21].

3.7. КОГНИТИВНЫЙ РЕДУКЦИОНИЗМ В НАУКАХ О ДУХЕ

«Когнитивный редукционизм» (или «когнитивизм») – это характерный для гуманитарно–философской мысли подход, проявляющийся в использовании когнитивных категорий и схем в качестве универсальных инструментов описания и объяснения «духовной жизни» – во всех ее бесчисленных проявлениях, включая некогнитивные феномены. Если понимающая герменевтика расширяла диапозон познания, то когнитивистика редуцирует его до формального методологического аппарата. Традиционные единицы когнитивистики это: *фрейм, сценарий, скрипт, концепт, структура, концептуальное пространство, концептосфера, языковая картина мира.*

Можно провести некоторую параллель между когнитивизмом в науках о духе и механицизмом в науках о природе, стремящегося построить «минималистские программы» духовной сферы, редуцирующим «духовное» к «познавательному», «ментальное» – к «когнитивному». Основная идея нонкогнитивизма как антиредукционистского принципа состоит в том, что *ментальное* не сводится к *когнитивному*, знание и познание составляют лишь часть духовной реальности человека, его «внутреннего мира», «субъективности», «идеального», «психики». Образно выражаясь, можно сказать, что «дух не делится на знание без остатка». Философская критика теории отражения как ошибочной или ущербной мало сказывается на ее функционировании в качестве одной из основ психологического когнитивизма. Педагогика использует когнитивистскую идею о том, что общественное (как и индивидуальное) сознание есть познание и что, следовательно, разные формы сознания – религия, мораль, право, наука и т.д. – отличаются друг от друга прежде всего когнитивными признаками: предметом и методами познания, уровнем проникновения в свой предмет, степенью доказательности и пр. Различают когнитивизм *традиционный* (классический), использующий исторически сложившиеся *эпистемологические* концептов для описания любых феноменов психики, человеческой деятельности и социальных отношений (поскольку в них присутствует духовное начало), и когнитивизм *современный*, применяющий для тех же целей «кибер-

нетический», теоретико–информационный подход, который, используя показатели нейрофизиологических процессов и искусственного интеллекта, в значительной степени расширил область изучаемых когнитивных феноменов. По дисциплинарному признаку могут быть идентифицированы различные виды когнитивизма – психологический, социологический, лингвистический, религиоведческий, педагогический, этический, эстетический, литературоведческий. В философии и психологии XIX – XX вв. широкое распространение получил особый вид когнитивизма, связанный с *интенционалистской* трактовкой сознания. Термин «интенция» (лат. intentio – стремление) широко был развит еще в средневековой схоластике (в частности, Фомой Аквинским) и возрожден в философии сознания новейшего времени в трудах Брентано и Гуссерля. Эти философы под «интенцией» понимали способность сознания *быть направленным* на предметы, *придавать смысл* предметам, формировать осмысленную картину мира, т.е. интенция ассоциировалась с особого рода *познавательной* активностью, «конструктивностью» сознания. В эту категорию попадали не только ощущение, восприятие, суждение но и желания, эмоции, мотивы, цели.

Всякий психический феномен, писал Ф. Брентано, характеризуется «отношением к содержанию, направленностью на объект… или имманентной предметностью», «В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любится, в ненависти – ненавидится и т.д. Это интенциональное существование свойственно исключительно психическим феноменам». Ведущей методологией когнитивных наук является информационный подход, рассматривающий человека и его взаимодействие с миром с точки зрения соответствующих информационных процессов – процессов приобретения, преобразования, репрезентирования, хранения и воспроизведения информации и их влияния на поведение человека. Когнитивистика широко использует компьютерные метафоры и экстраполирует кибернетические приемы на человека.

Следует заметить, что термин «когнитивное» (cognitive), *этимологически* восходит к «познавательному» (knowing, studying, investigative, research), имеет в когнитивной науке очень широкий диапазон значений: помимо собственно «познавательного», он может специально обозначать и «информационно–вычислительное», и «рациональное», и «индивидуально–психологическое», «антропоцентрическое» (в противоположность социально– психологическому, социоцентрическому), и «субъективно–активное» (в противоположность «объективно детерминированному»), и «ментальное» вообще (в противоположность «поведенческому» и «телесному»).

Одним из разновидностей когнитивизма является *ценностный* когнитивизм, решающий такие вопросы, как принадлежность ценностных позиции, идеалов, норм и оценок к разряду «знаний» и, соответственно, способность ценностных проблем решаться по образцу познавательных.

Традиционное деление эпистемологических концепций на *корреспондентские* и *когерентные*, отличающиеся друг от друга разной трактовкой истины (в рамках общей для них классической парадигмы) – также находится в фокусе исследования когнитивистики. Согласно корреспондентской трактовке, истина есть *соответствие* мысли – действительности (по принципу *подобия*, *сходства*).

Кореспондентная теория сочетается с *реалистическим* мировоззрением, т.е. с признанием реального существования объектов, реферированных в истинном знании. Эта теория подвергает эпистемологической редукции в основном те ценностные феномены духа, которые могут быть выражены в дескриптивных высказываниях, содержащих качественную оценку: *добро – зло, хороший – плохой* и т.п. Такие высказывания синтаксически идентичны большинству *когнитивных* предложений и поэтому легче поддаются когнитивистской интерпретации, нежели высказывания *прескриптивные* – побудительные, императивные.

Когерентная же теория понимает истину как внутреннюю *согласованность*, *непротиворечивость* знаний. Условие–истинностные теории, основанные на корреспондентной концепции истины значения, могут не оперировать такими понятиями как «смысл» или «значение». «Но поскольку они стремятся к тому, чтобы их положения давали знакам верные референции – а это намерение равносильно требованию, чтобы они демонстрировали значение выражений, – постольку они содержат явную или неявную отсылку к «способу, которым дается референт» (Фреге). Если референциальная теория в ее традиционном (эмпиристском) варианте отождествляла значение выражения с тем, на что оно указывает, или среференциальной связью (т.е. не привлекала допущения об отождествлении знания с возможностью описания), то включение референциально непрозрачных контекстов в поле рассмотрения Т–теорий, неизбежное при логическом анализе естественного языка, потребовало увеличения выразительных возможностей формальных систем» [125].

Современная философия, интерпретируя Платона и средневековых «реалистов», ссылается на то, что их онтология есть результат гипостазирования абстрактных понятий, не имеющих материального эквивалента. За этим расхождением стоят разные мировоззренческие позиции, картины мира.

3.8. МЕЖДУ СЦИЛОЙ И ХАРИБДОЙ. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИСТОРИЗМ

Вызов «научному духу» (scientific ethos) исторического исследования возник вне самой дисциплины историографии – из среды литературных критиков и теоретиков, которые пожелали коллапса исторической науки и перевода ее в разряд литературных занятий. Антиномия гуманитарных и точных наук вновь была задана, но уже не позитивистами, а постмодернистами, отрицавшими легитимность всякого научного познания. Первыми теоретиками данного подхода стали Р. Барт, Л. Минк и Х. Уайт, П.Джойс. Последний в этой связи пишет о проблеме «лингвистического поворота» в истории, где эпистемологической проблематике не находится места. Приоритет отдается интуитивному «поэтическому мышлению» с его метафоричностью, ассоциативностью, образностью и мгновенными откровениями инсайта. В этой связи у нас не вызовет удивления тот факт, что в работе XVIII Международного конгресса исторических наук, состоявшегося в 1995 г. в Монреале, дискуссия об объективности исторического исследования возникла в рамках секции «Беллетристика, нарративность, объективность (история и литература, историческая объективность)», где обсуждались различные аспекты влияния постмодернистской парадигмы на современное состояние исторической науки. «Применительно к историописанию Уайт утверждал, что «ситуация» человека определяется его литературными и лингвистическими возможностями; что исторический нарратив, спекулятивная философия истории и исторический роман строятся по одним и тем же правилам и подчиняются им же. Для этого он выявил основные характеристики различных типов мышления, выработанных XIX веком, а также идеально–типические структуры исторической работы вообще. Ими стали четыре тропологических модели (тропы поэтического языка): метафора, метонимия, синекдоха и ирония. Выбор историком тропологической модели обусловлен его индивидуальной языковой практикой. В «Метаистории» была произведена «литературизация» историописания, в котором нарратив тропологически «оформлял» жизнь истории. Тем самым американский историк Уайт создал новую концепцию философии истории – концепцию «эстетического историзма» [43].

Взгляды Уайта связаны с идеями скептиков Горгия и Протагора, показавших как находится, возникает, и конструируется значение. Их тезисом было отсутствие единственно правильного способа говорения о мире и его репрезентации, потому арбитром в отношении между миром и человеком является

язык. По мнению Хедена Уайта, что историки, «объективно» восстанавливающие прошлое, скорее заняты нахождением жанра, который смог бы упорядочить описываемые ими события. Короче говоря, мир постигается человеком лишь в виде той или иной истории, рассказа о нем. Или, иными словам, в виде «литературного» дискурса (от латинского discurs – «логическое построение»).

Возникновение в 1970–х гг. тенденций нового историзма и нарративистской философии истории, поставило акценты на различении между фактом и вымыслом. Многие историки стали считать, что–то, что произошло в прошлом, на самом деле менее важно, чем то, что думают об этом люди в настоящем, как они сегодня оценивают прошедшее. Ассоциируемый с постмодернизмом и постструктурализмом, лингвистический поворот элиминировал границы между литературой и историей, поставив под сомнение классические дефиниции истины.

3.9. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОВЕСТВОВАНИЙ

Рассмотрев всю совокупность научных подходов в анализе исторических текстов, мы незаслуженно обошли вниманием художественные произведения (заявленые в названии данной работы), которые также содержат прямой или косвенный отсыл к референту реальности. Во второй главе мы, представив на рассмотрение выдержки из аутентичных французских и русских художественных текстов, в недостаточной степени уделили внимание эпистемологической проблематике. Постараемся в этой главе компенсировать пробел. Многие скептики совершенно неправомерно не доверяют описанию Реальности в литературных источниках исторического жанра, эпистемологические притязания коих довольно скромны. Тем не менее, художественные тексты способны гораздо полнее воссоздать реальную картину прошлого, нежели научные трактаты, энциклопедии, хрестоматии, в которых, порой, выполняются социальные заказы, инициированные «свыше». Существует расхожее изречение «искусство не врет, оно лишь преувеличивает». Отечественными и зарубежными учеными в немалой степени разрабатывается проблема соотношения искусства, литературы с наукой, их специфики и общих черт. И на сегодняшний день считается доказанным тезис о том то положение, что художественная литература имеет большое значение для исторической науки как невосполнимый источник, в котором отразились такие грани реальной действительности, которые не могли быть зафиксированными в источниках других типов. В 1899 г. В.О. Ключевский, произнося речь, приуроченную открытию памятника А.С. Пушкину в Москве, особо подчеркнул: «Все написанное Пушкиным– исторический документ, длинный ряд его произведений – поэтическая летопись его времени... Без Пушкина нельзявообразить себе эпохи 20–х и 30–х годов, как нельзя без его произведений написать историю первой половины наше гостолетия» [39: 77].

А) Референция художественного текста. Принцип реализма

Говоря о «нарративной проблеме», проблеме коммуникации с читателем, Дж.Леви подчеркивает специфическую функцию этой нарративности – «через рассказ о конкретных фактах показать реальное функционирование тех аспектов жизни общества, которые были бы искажены в процессе обобщения или количественной формализации». Здесь мы вновь возвращаемся к проблематике принципа полагания. Для искусства эпистемологически релевантным будет полагание реализма. Реализм, естественно, понимается в XIX–XX веках не так, как в средневековых философских дискуссиях; теперь уже речь идет о том, что мышление должно существенным образом соответствовать объективному миру. Хотя основные формулировки принципа реализма принадлежат XIX и XX векам, суть его известна давно и представлена, помимо прочего, в «корреспондентских» трактовках истины: adaequatio intellectu et rei (Фома Аквинский)….. Применительно к искусству принцип реализма растяжим, как губка. Магритт по понятной причине нереалистичен («на самом деле стакан не может стоять на открытом зонтике»), но Васнецов, писавший по сказочным сюжетам, под это подозрение не попадает, хотя даже очень большой волк не вывезет на спине Ивана–царевича, тем более еще кого–то в придачу. За полотнами Васнецова стоят сказки, тексты как культурная реальность, а образы Магритта с этой стороны не обеспечены. Вообще, кажется «реализм» определяется не отображением на живую реальность, а отображением на описанную действительность, пусть она будет хоть сказочной. Поль Рикер, характеризуя реалистический роман, пишет: «До реалистического романа пояснения способствовали правдоподобию чисто эстетического, но отнюдь не референциального характера; референциальная иллюзия состоит в том, чтобы преобразовать «сопротивление смыслу», исходящему от пояснения, в сопротивление «предполагаемому реальному»: тем самым образуется разрыв между античным правдоподобием и реализмом новой литературы. Но таким же образом рождается и новое правдоподобие, которое как раз и является реализмом; будем подразумевать под этим «всякий дискурс, включающий высказывания, гарантированные одним лишь референтом» Именно это происходит в истории, где ««там – так – было» – это уже достаточная опора для слов». Этот аргумент равнозначен переносу примечательной черты реалистического романа XIX века на исторический рассказ.» [76: 350].

Научному анализу художественного текста представляются следующие дилеммы и триады: художественный – внехудожественный текст; содержательный – формальный подход (что может отождествляться с литературоведческим – лингвистическим подходом); проза – поэзия; текст – автор, текст – читатель, текст – язык, текст – мир, текст – тексты, текст в истории – текст вне истории.

Так, например, соотношение текста и автора затрагивает целый спектр исследовательских интересов: авторский замысел и полученный результат, био-

графичность текста и текст как решение экзистенциальных проблем его создателя, автор и его текстовые репрезентанты, категория образа автора в художественном тексте. Проблема текста и читателя: от моделирования читателя в тексте (У.Эко), до присвоения текста не автору, а читателю. Соотношение текст – тексты интересуют и формалистов, и семиотиков, и постструктуралистов. Наиболее проблематичным и неоднозначным для исследователей является соотношение *Текст–Мир*.

Так как к художественному произведению неприложимо понятие истинности и ложности, то вопрос о референциальности литературы часто оказывается вне поля зрения исследователей. В качестве основного свойства художественного произведения признается его способность «вырастать» из реального мира объективно отражать его в вымышленных денотатах, которые, несмотря на вымышленность, должны соответствовать определенным реалиям объективной действительности. Так в произведениях фэнтезийного жанра прототипом реального мира зачастую является принцип антропоморфизма [44: 35].

Таким образом, даже художественное произведение жанра фэнтези, имея вымышленные денотаты имплицирует истинные референты. По мнению Вольфганга Изера, «во всяком литературном тексте неизбежно содержится выборка из самых различных социальных, исторических, культурных и литературных систем, данных вне текста как поле его референции, «референтная функция у текста не отобрана: он [текст] указывает на внетекстовую реальность, то есть на всевозможные дискурсы, реальность конституирующие, на социальные системы и литературные нормы. Включенные в текст, сами по себе элементы не являются вымышлеными, однако их селекция – это акт вымыслообразования, вследствие которого наличные системы, став референтным полем, могут ясно очертиться.» (Изер 1997, 26). В качестве референта, как считает исследователь П. Зиман, может выступать практически все, на что способно привлечь к себе внимание: предметы, люди, качества, факты, ситуации, события, идеи и т.п. Рассмотрение референциальных связей художественного произведения с учетом определяющих референты контекстов («frames of reference»), которые, в свою очередь, могут быть конкретными или абстрактными, материальными или фикциональными, гипотетическими и т.п. обусловливает поиск референтов не на уровне слов, а на уровне дискурса. Исследователь ориентируется на список неких фоновых знаний, фоновых значений, которые могут быть прописаны за любыми бытовыми мелочами, незначительными пустяками повседневности: кто как принимает пищу, чихает, готовится ко сну и так далее – насколько это вкладывается в уже отработанные модели, антропологические, этнографические, фольклористские. «Чихающий или курящий человек не просто чихает или курит, он неосознанно встраивается в какие–то нормирующие механизмы, за которыми может стоять некая идеологическая подоплека» [126]. Что предполагает расширенную *онтологическую* интерпретацию эмпирических явлений, почерпнутых из текста, и их реонтологизацию.

Некоторые исследователи связывают данный подход с *темарематическим подходом* к анализу референции в художественных текстах. По мнению исследователя Фарино, тема «не только неизменна, но и фактически внетекстова: она то, на что нанизываются ремы»; «взятые по отдельности тема и рема неполноценны: тема, хотя и имеет свой референт, ущербна семантически. Рема же, имея семантику, недостаточно референтна. Тема занимает позицию плана выражения, тогда как рема – позицию плана содержания, референт же, как и в случае знака, локализуется за пределами высказывания» (Faryno 1991). Задача темы – идентифицировать объект, что и обусловливает ее референтность, а задача ремы – концептуализировать его, описав его или приписав ему те или иные свойства и качества.

Мы не можем рассматривать художественные произведения как внеположенные реальности. Даже произведения жанра фэнтези, заявленные как вымысел, ирреальность, содержат в себе имплицитную отсылку к реальным фактам и явлениям (напр. антропоморфизм вымышленных денотатов). Тем самым исследователи имеют возможность воссоздать через имплицитные маркеры реальную онтологическую картину эпохи создания призведения.

Осуществляя иной, альтернативный подход к рассмотрению эпистемологической достоверности в художественных текстах реалистичного жанра, мы затронем проблематику *нарративного повествования* и *метадискурсов*. Французский философ Жан–Франсуа Лиотар и американский литературовед Фредерик Джеймсон разработали теорию «нарратива», «метатекста».

Допустим, автор имеет замысел написания исторического романа, топикой или ремой коего будет описания конкретного события с максимальной долей достоверности. Он действует методами историка: собирает материал, сведетельства очевидцев, улики, vestiges (следы, франц.) и, погружаясь в прошлое, «реанимирует» событие, достает его на поверхность. Стоит ли полагаться в таком случае на достоверность описания? Применимы ли эпистемологические критерии объективности / субъективности к оценки произведения?

Сквозь призму ономасиологического подхода, по аналогии с описанными нами в предыдущей главе механизмами репрезентации события в научных, исторических жанрах, здесь также уместно констатировать, что авторская субъективность проявляется уже при выборе темы, топики изложения, далее – при селекции собранного материала, при отборе источников, при масштабе, степени охвата репрезентации события. С другой стороны, как и исторические романы, так и исторические хроники имплицируют нарративную модальность. Структура повествования обусловлена членением его на эпизоды (участки текста, репрезентирующие фрагменты мира, характеризующиеся единством места, времени и состава актантов; прескриптивными этапами событийности: а) процесс, б) завязка–интрига, в) действие, акт разрешения конфликта, г) кульминация–развязка. В отличие от наррации дескриптивность предполагает процессуальный статус референтной тексту смены состояний, «нулевую», нерезультативную процессуальность. Таковы, например, научное

описание модели атома или убранства интерьера, изложения хода эволюции или симптоматики протекания заболеваний. Тогда как «нулевая событийность» в нарративном тексте невозможна в силу его дискретно–эпизодической природы, создающей напряжение интриги

Концепция метатекстуальности, метадискурса также была нами подробно рассмотрена в предыдущей главе, где мы, вслед за Мишелем Фуко, Роланом Бартом, ввели понятия *доксы* и *эпстемы* как речерегулирующих категории. Ж.Ф. Лиотар в книге «Постмодернистский удел», 1979 (Lyotard:1979) критиковал понятие метарассказа, или метаистории, то есть власти единой повествовательной стратегии, парадигмы – научной, философской или художественной: «под постмодернизмом следует понимать недоверие к метарассказам», «Постмодернизм, таким образом, есть нечто вроде осколков разбитого зеркала тролля, попавших в глаза всей культуре, с той лишь разницей, что осколки эти никому не причинили особого вреда, хотя многих сбили с толку». Постмодернизм был первым (и последним) направлением XX века, которое открыто призналось в том, что текст не отображает реальность, а творит новую реальность, вернее даже, много реальностей, часто вовсе не зависимых друг от друга. «Иначе говоря, повествование в такой же степени открывает и истолковывает мир, в какой скрывает и искажает его, – продолжает интерпретацию идеи Ф. Джеймсона И.П. Ильин. – В этом якобы проявляется специфическая функция повествования как формы «повествовательного знания»: она служит для реализации «коллективного сознания», направленного на подавление исторически возникающих социальных противоречий. Однако поскольку эта функция, как правило, не осознается, то Джеймсон называет ее «политическим бессознательным». В отличие от Лиотара, американский исследователь считает, что мета–рассказы (или «доминантные коды») не исчезают бесследно, а продолжают влиять на людей, существуя при этом в «рассеянном», «дисперсном» виде, как всюду присущая, но невидимая «власть господствующей идеологии». Творят произведения не личности, а парадигмы, мета–дискурсивные образования, обуславливающие весь «творческий путь» автора. Последнему не остается места в этом предзаданном мире. Не случайно в постмодернизме возникла концепция «Смерти автора». Мишель Фуко в книге «Археология познания» описывает обе разновидности дискурса «Оригинальный и Регулярный»: «Обычно история идей рассматривает дискурсивное поле как область, где существуют два достоинства: каждый отмеченный элемент здесь может характеризоваться как старый или новый, новоизобретенный или воспроизведенный, традиционный или оригинальный, как соответствующий общему типу или отклоняющийся от него. Итак, можно выделить две категории формулировок: одни – наделенные ценностью и сравнительно немногочисленные, появляющиеся впервые, не имеющие в предшествующем ничего схожего–в некоторых случаях становятся моделью для других и, вследствие этого, до-

стойны считаться самостоятельными творениями; вторые – заурядные, обыкновенные, массовые, несамостоятельные – отталкиваются от того, что было уже сказано, порой для того, чтобы буквально повторить то же самое. За каждой из вышеописанных групп история идей закрепила особое положение и анализирует их по–разному. Описывая первую, она рассказывает историю открытий, перемен и метаморфоз, показывает, как истина отделилась от заблуждений, как сознание пробудилось от сна, как одна за другой поднялись новые формы, чтобы образовать наш нынешний кругозор и, таким образом, стремится раазглядеть сквозь эти изолированные точки, сквозь непрерывную цепь разрывов цельную линию эволюции. Другая группа, напротив, манифестирует историю как инерцию и силу тяготения, как медленную аккумуляцию пройденного и молчаливое накопление произнесенного; здесь высказывания должны быть рассмотрены в массиве того, что есть между ними общего. Их случайное своеобразие может быть нейтрализовано; подлинность их авторства, время и место возникновения также теряют значение, – измерению подлежит их продолжительность: вплоть до какого места и до каких пор они повторяются, по каким каналам передаются, в каких группах циркулируют, какой целостный кругозор очерчивают в сознании людей, как его ограничивают, наконец, каким образом, характеризуя эпоху, они дают возможность отличить ее от других эпох. Следовательно, здесь рисуется ряд глобальных образов. В первом случае история идей описывает последовательный ряд событий в области мысли; во втором – непрерывную ткань взаимодействия» [83: 141].

Ролан Барт, продолжая традицию постмодерна, выступая глашатаем Бытия, философии Жизни вводит понятия «*Стиль*», «*Крик*», как способ – бытийного самоотождествление со словом, действие имманентное своему объекту, «головокружительное зрелище никем не санкционированного праксиса». «Крик нельзя подвергать обработке – иначе кончится тем, что главным в сообщении станет не сам этот крик, а его обработка»

Размышляя о стиле Р. Барт разотождествил писателей и пишущих. Первых он отнес к нетранзитивному типу словесности, вторых – к транзитивному. В писателе есть нечто от жреца, в пишущем – от простого клирика: для одного слово составляет самоцельное деяние (жест), для другого же – деятельность. Писатель исполняет функцию, а пишущий занимается деятельностью; это явствуетуже из грамматики, где противопоставляются друг другу, с одной стороны, существительное, а с другой – глагол (переходный). …. писатель, конечно, обретает способность расшатывать устойчивость мира, являя ему головокружительное зрелище никем не санкционированного праксиса. Нелепо поэтому требовать от писателя *ангажированных* произведений: «ангажированный писатель пытается играть сразу «на две структуры», а это невозможно без плутовства. …. Предполагается, что *пишущий* торгует своей мыслью, не думая ни о каком искусстве, – между тем главный мифический признак «чистой» мысли в том и состоит, что она вырабатывается вне денежного оборота; в отличие от формы, которая, по словам Валери, стоит дорого, мысль ничего не

стоит, зато ее и не продают, а великодушно даруют. Социальная функция литературного (писательского) слова – не что иное, как превращение мысли (или же совести, или же крика души) в товар. В своей жизненной борьбе общество стремиться забрать себе во владение, приручить, институционализировать непредсказуемость мысли, а средством ему для этого служит язык – модель всех существующих институтов. Парадокс в том, что «провоцирующее» слово тоже легко впадает в зависимость от института литературы: всяческие нарушения языковых приличий (от Рембо до Ионеско) быстро и безупречно включаются в систему, а провоцирующей мысли остается только бесплодно биться на нейтральной полосе формы; нарушение приличий никогда не бывает полным. …. Любой писатель рано или поздно интегрируется социальными институтами литературы…. Парадокс состоит в том, что в силу самоцельности своего материала литература, по существу, работает тавтологически, как кибернетическая машина, созданная для *тождества себе*; для писателя вопрос *почему мир таков*? (*le pourquoi du monde*) полностью поглощается вопросом *как о нем писать?* ….. Литература, естественно не божья благодать, а совокупность проектов и решений, благодаря которым человек осуществляет себя в речевом акте. Общество, потребитель писательской продукции, переосмысляет его проект как призвание, работу над языком, как дар владения слогом, а *технические приемы – как искусство*. Так родился миф о *хорошем слоге*. Такая сакрализация работы писателя над формой имеет важные и отнюдь не формальные последствия. Благодаря ей (порядочное общество), если содержание произведения окажется для него неудобным. Отстраняется от этого содержания, обращая его в чистое зрелище, о котором можно у же судить с либеральным равнодушием» [6: 116–123].

С эпистемологической точки зрения, в рамках данного подхода, истинным является то, что не релевантно, что не соответствует прескриптивным, полагающимся за данное «очевидностям». Последние социально детерминированны, обусловлены принципами «логики здравого смысла» и имеют конвенциональный легитимный характер. Истинно то, что искренно, конгруэнтно, субъективно, неконвенционально и нелегитимно. И здесь мы наталкиваемся на ассиметрию:

истинно —— объектино; ложно —— субъективно.

Мы отбрасываем этот тезис как рудимент позитивизма. Объективно то, что объективировано. Объект – это то, о чем говорят в третьем лице. Гносеологический субъект, совершенствуя свою систему вопросов и ответов, сам себе «поставляет» объект: вклад самой реальности при этом сведен к нулю. Подлинная реальность остается за пределами «системы объектов». Процедуры анализа, членения объекта не могут быть похожи на реальное строение объекта.

А.А. Зиновьев: «Когда ветеринар режет тело лошади, его действия характеризуют специфику его работы, но никак не копируют строение лошади и никак не воспроизводят его».

Процитируем П. Бадью: «Пока случается только то, что соответствует правилам некоего положения вещей, возможно конечно же, познание, правильные высказывания, накопление знаний; невозможна здесь истина. Истина парадоксальна тем, что она одновременно и внове, следовательно – нечто редкостное, исключительное, и, затрагивая самое бытие того, истиной чего является, наиболее прочна, наиболее, говоря онтологически, близка к исходному положению вещей». В данном случае способом структурирования социальной истины становится понимание того, что истина социальной науки самодетерминирована, а не задаётся социальной действительностью [4: 16–17].

Важнейшим моментом процесса объективации является социальная легитимизация описанных явлений. От того, признана ли та или иная форма культурной работы законной, соответственной нормам и ценностям той или иной социальной группы, зависит степень признанной обществом объективности истории. История историков стала основным легитимным продуктом исторической деятельности. Сегодня историки усиленно борются как с инакомыслием, так и с профанацией за социальный престиж своей деятельности. Если легитимизацию произвели власти, то в общественном сознании, особенно у интеллигенции, она «не настоящая» до тех пор, пока не подтверждена авторитетом профессионального сообщества. Эта ситуация привела к тому, что стала выдвигаться идея, будто именно сознание и способы думанья историков и составляют основной объект исторического исследования

3.10. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Различные типы репрезентаций, встроенные в различные онтологические парадигмы (от естественно–научного до фэнтезийного жанра) коррелируют с различными типами рациональности, мыследеятельности. Перечислим лишь некоторые, основные, на наш взгляд: *мифологическое, классическое научное мышление, понимающее* мышление, определяющее герменевтику; *прагматическое* мышление, нацеленное на праксис, действие, употребление, прожективное мышление, определяющее инженерию и другие практики работы с будущим; *историческое* мышление, как работа с прошлым.

Один из способов освоения мира – делание его, что подтверждает праксеология – наука о человеческой деятельности. «Лингвистическая революция XX века, – заявляет антрополог Бостонского университета Майсиа Ландау, – состоит в признании того, что язык – это не просто некий механизм для передачи идей о мире, но в первую очередь, определенный инструмент для приведения мира в существование. Реальность не просто «переживается» или «отражается» в языке – она действительно создается языком»: [105: 180].

Понятие познания как ансамбля точных репрезентаций – это только одна из возможностей и что оно может быть заменено прагматистской концепцией познания, которая устраняет свойственное грекам противопоставление размыш¬ления и действия, репрезентирования мира и совладения с ним.

Поль Рикер также говорил о перформативной функции исторической репрезентации: «....функции слияние референта и означаемого в пользу референта порождает эффект реальности, в силу которого референт, украдкой преобразованный в стыдливое означаемое, оказывается наделенным привилегией утверждать: «это случилось». Таким образом, история вселяет иллюзию нахождения той реальности, которую она репрезентирует. В действительности же ее дискурс является лишь «перформативным, поддельным дискурсом, в котором констатирующее, описательное (видимое), является фактически означающим речевого акта как акта власти» [76:351].

Мишель де Серто отмечает, что «после XVI века – точней, после Макиавелли и Гвиччардини – историография больше не выступает картиной провиденциального времени, иными словами, картиной истории, которая решается единственным недостижимым Субъектом, чьи намерения можно истолковать только через знаки его воли. Она встает на место субъекта действия, место государя, чья цель – «творить историю». В задачу разума теперь входит выработка разновидностей возможной игры между волей и той или иной реальностью, от которой она себя отделяет. Даже само определение историографии подчинено отныне интересам Государства: опираясь на искусство «обработки» элементов, предложенных «внешним миром», она должна построить связную речь, с точностью указывающую «действия», которые – исходя из фактической данности – может себе позволить власть. По своему объекту – а им выступает политическая история – данная наука имеет характер стратегический; это же, если брать другую среду, видно и по ее способу обращаться с данными, архивами либо документами. Однако это место историк занимает с немалой долей условности. На самом деле, он – вовсе не субъект процедуры, технику которой обеспечивает. Его дело – не сама история, а нечто из истории, что – даже грамматически – указывает на часть, урванную им у позиции, которая ему не принадлежит, но без которой исторический анализ нового типа был бы для него невозможен. Он всего лишь «при» власти» [121].

В первой главе, посвященной анализу рефлексии первого порядка, мы задали вектор движения любого знакового образования:

Реальность → Действительность → Реальность

или по–аналогии:

Онтологизация → объективация → реализация.

Эта формулировка актуальна также и для рефлексии второго порядка. Другими словами, событие, интегрировавшее в какую–либо парадигму, прошедшее через жернова объетивации и онтологизации, на выходе имеет совсем другую структуру.

Оно возвращается в Реальность в «лоне породившей ее авторитетной парадигмы», но уже в новом статусе: Концепта, Мифа, Великого Деяния предков, Легенды – с мелиоративной коннотацией или Великой Трагедии, Эпохального Бедствия, Коллапса – с пейоративной коннотацией. В том или ином качестве событие становится перформативом, оно начинает действовать, то есть меняет существующую онтологическую Реальность. Эпистемологическим критерием в прагматической парадигме будет являться категория *релевантности* (уместности в каждой конкретной ситуации) и *перлокутивности* (успешного или неуспешного решения коммуникативной задачи).

Причислим лишь некоторые из возможных актов деятельности события: воспитание (служит примером для подражания), назидание (служит антиподом примером для подражания), обучение (информирует о происходящем в прошлом), нарративно–эстетическая функция (доставляет удовольствие от прочтения или прослушивания, понятие введено Р. Бартом), коммуникативная (является топикой беседы, обсуждения), статусная (характеризует, придает некий статус участнику или свидетелю события), политическая (укрепляет имидж страны). Автор данной работы (М.В.) не просто исследует, анализирует и излагает материал, а также действует в рамках собственных установок и задач: во внутреннем плане – самовыражается, во внешнем, социальном – самоутверждается.

Еще Аристотель в своей «Риторике» указывал на то, что любое общение (коммуникативный акт) предполагает наличие трех элементов: говорящего, принимающего и непосредственно сообщение, последнее подразумевает наличие некоего материального носителя, воплощенного в той или иной знаковой системе (устная речь, письменно оформленное произведение, теле– или радиопередача, картина, фильм). Вслед за ним мы рассматриваем исторический текст или научную работу, посвященную исследованию репрезентации исторического события, как коммуникативный знак высшего порядка. Как известно, Роман Якобсон выделял несколько языковых функций: эмотивную, коннативную, экспрессивную, фатическую, метаязыковую, поэтическую, референтную. Данная работа, являя собой семиотическую реальность, выполняет те же функции: эмотивная – самовыражение автора; коннативная – автор позиционирует свое отношение, на уровне отбора, способа подачи материала, имплицитно воздействуя на адресата (читателя); референтная – автор эксплицирует онтологические реалии, указывая на их место в культурном пространстве, функции, соотнесенность со смежными онтологемами; поэтическая – автор пытается найти не просто более точный, адекватный, лаконичный способ выражения мысли, но и более виртуозный, экспрессивный, стилистически маркированный; фатическая, контактоустанавливающая – книга, произведение могут служить топиками разговора, завязывая научный дискурс внутри научного сообщества; агональная – в предыдущем разделе нами был артикулирован вопрос, поставленный научным дискурсом: «против кого?», отража-

ющий гегелевский закон отрицания отрицания. Каждая последующая парадигма отрицает предыдущую. О том, что «приемы ученых дестабилизируют социум», расшатывая основы парадигмы, говорил Ж.Ф. Лиотар [45: 71].

Практика аннигилирует онтологический разрыв между Реальностью и Действительностью. Однако не стоит переоценивать положительную роль праксиса, который имманентно встроен во всю нашу онтологию. Эпоха прагматики пришла как результат протеста против излишней теоретизированности предшествующих онтологий: позитивизма, теософии... Существует афоризм: «Теория без практики мертва, практика без теории опасна». Уж если баланс невозможен, из двух зол выбирают меньшее. Тотальный праксис, сошедший с американской почвы и захлестнувший всю Европу, активно приживается и на нашей, российской почве. Это феномен века, и мы воздержимся от всяческих аксеологических комментариев по данному факту. Хорошо это или плохо – судить не нам, но не считаться с этим феноменом нельзя, и мы с неизбежностью включаем его анализ в контекст данного исследования. Голая теория, не подкрепленная практикой, бытующая со времен средневековья. Но «незрелая» практика, без достаточной погруженности в теорию может причинить гораздо больше вреда. Картезианский тезис «Природа не храм, а мастерская» по сути предоставил карт–бланш на экспансию Природы. Как результат – экологическая катастрофа, дефицит природных ресурсов. Нано–технологии, высокие скорости, огромные мощности – все это расценивается как несомненное благо для человечества, атрибут успеха и перспективы. С появлением техники, показывает Н.А. Бердяев, человек ощущает необыкновенную силу и удивительные возможности овладения бесконечным миром, овладевая пространством и временем. Человек становится «господином земли, а может быть, и мира» [9: 154]. Человек как природное существо, – справедливо отмечает Н. Бердяев, – «делается орудием производства продуктов. Вещь ставится выше человека» [10:149]. Тело человека превращается в средство, становится инструментом, выполняя техническую функцию. С развитием техники, заменой труда ручного человек не становится свободным. Техника, без которой человек уже не может жить, выходит из–под контроля человека и диктует свои законы. Если сначала человек ощущает непреодолимую силу природы, то в техническую эпоху появляется «технически–машинная зависимость» [10: 151]. Философ убежден, что истинное понимание технического бытия человека таит негативную тенденцию: «Технизация жизни, есть вместе с тем ее «дегуманизация» [9: 305].

Теория встала в услужение практике, даже философия, царица наук, ушла в поп–индустрию, нивелировав свой статус. И это только наметившаяся тенденция. А. Дугин приводит интересный комментарий: «Действительно, современный философ – это уже некая пародия на традиционного философа. Не так давно мне довелось читать в самолете в российском глянцевом журнале интер-

вью с современным то ли норвежским, то ли датским философом, который известен тем, что изобрел новые правила для футбола, предусмотрел особые дополнительные способы поведения в солярии и дал множество гламурных советов про дизайн гостиных и обращение с животными. В принципе, то, чем занимается это «философ», точнее было бы назвать advertising или «стилизм». Бывший «новый философ» Анри–Бернар Леви в наши дни пишет предисловия к изданиям каталога мод Ив Сен–Лорана. Другой «новый философ» Андре Глюксман превратился в агрессивного оголтелого политического журналиста, безоглядно насилующего факты и идеи. Философией поток злобы и желчи, льющийся из уст Глюксмана, уже назвать нельзя» [127].

Нивелируется также многие философско–теософские категории и понятия, ставшие некоторым рудиментом современного общества, такие как молчание, самосознание, самоанализ, затворничество, аскетизм, альтруизм, уединенная молитва, самосозерцание, интроспекция – препятствующие социализации, проф. реализации, успешности. Сам человек уже стал неким перформативом, измеряющимся категориями прагматики: успешен (или нет), релевантен (или нет). Такого индивидуума описал А. Маркузе в книге «Одномерный человек». Современный философ А. Гиренок писал по этому поводу: «Слова перестают отсылать к дословному, знаки – к означаемому, и начинают отсылать к самим себе. Самоотсыл языка указывает на случившийся разрыв с безъязыким. Энергетика разрыва расширяет перформативную практику языка и повышает статус самореференции. Язык проникает всюду. Все становится языком. Везде опыт заменяется текстом, в котором можно увидеть движение означающих, игру знаков и значений. Но в тексте нельзя увидеть призыв и отклик на призыв, зов и отзыв. Знаки не зовут. Значение не отзываются. Поэтому безъязыкое исходит жестами, сохраняя связь с мистерией, реальность безъязыкого описывается не в терминах присутствия или отсутствия, а в терминах действия. Вещи даны. Безъязыкое действует. Пустота предстает в речи философа как тавтология. Тавтология допускает замещение повторения первого нулем. А у нуля нет собственного бытия. Ноль означает отсутствие чего бы то ни было. Следовательно, движение языка может быть либо к нулю, либо от нуля. Молчание является поведением человека–изгоя. В нем впервые высказана претензия на обладание свободой. Молчать – значит, в безумии претендовать на свободу, ибо разумных оснований для того, чтобы была свобода, нет. Когда человек молчит, он, дистанцируясь по отношению к наличному, открывает в себе свою самость. Когда человек говорит, он, наоборот, дистанцируется по отношению к самому себе и посредством языка открывает себя внешнему» [128].

3.11. ПРОБЛЕМАТИКА ИСТОРИОГРАФИИ В СМД–МЕТОДОЛОГИИ

Мы живем на переходе от натуралистической картины мира, подкрепленной всем авторитетом естествознания и инженерии (т.е. практически авторитетом нашей цивилизации, если можно так сказать) к исподволь прораставшим сквозь натурализм деятельностному подходу и деятельностной картине мира.
Г.П. Щедровицкий

Деятельностный подход заключается в том, что мы не противопоставляем себя в качестве познающего субъекта миру деятельности как объекту; напротив, мы входим в деятельность, обосновываемся в ней, занимаем соответствующую позицию для акта понимания, акта познания, акта проектирования, акта управления, акта борьбы и так далее. В разумных актах деятельность соединяется с мышлением в ситуациях взаимодействий, и в этом отношении современная методология есть методология мыследеятельности, то есть общая методология.

В рамках *системо–мысле–деятельностной–методологии* (*СМД–методологии*) ГПЩ предлагает подходить к историографии с позиции функционального (а не структурного) анализа: «Те инварианты, которые обязана искать наука и которые образуют специфику научного знания, эти инварианты в сути своей функциональны. Иначе говоря, нельзя исследовать коммуникацию как нечто морфологически, вещно данное. Тогда и получаются такие редукции, как «передача сообщений», «сигналов», «циркуляция информации» и т.д. Ибо в мире гуманитарного знания главная и единственная, на мой взгляд, инварианта – это функциональное место того или иного образования. Но, чтобы определить функции коммуникации, надо иметь онтологическую картину мыследеятельности как целого с вписанной туда коммуникацией.

Структурализм ————————————————Функционализм

Логическая модель Поппера предполагает новую концепцию развития. Необходимо отказаться от поиска идеала, окончательно верного решения, и искать оптимальное, удовлетворительное решение. Поэтому я и рискую формулировать свой радикальный, сумасшедший тезис: эра традиционной науки кончилась! Но что это значит? Наука необходима, она всегда будет жить, меняя свои формы. Ныне на смену ей, взятой в предельной функции как формы предметной организации мышления и деятельности, идет более эффективная предельная организация мышления – методологическая. Снимая в себе преимущества и сильные стороны традиционной научной организации, тем самым их сохраняя, она добавляет к ним другие, делая мышление куда более развитым» [96: 3–4]. «Следовательно, история III тысячелетия должна стать не просто историей человеческого, или гражданского (по Гегелю), общества, а

историей всего общества, ассимилировавшего в себе и собою (по Марксу) всю «первую» и «вторую» природу – натуральную и техногенную» [131].

Понимание истории в ММК, позже трансформировавшегося в СМД–методологию не было однородным и представляло некое конфликтное поле, что являлось одним из механизмов развития ММК. Различия размещались от полагания истории в чисто логических формах (Грушин) до акцента на историческое сознание, воображение и традицию (Генисаретский), от построения многошаговых генетических реконструкций (Глазычев, Никитин) до признания за историческим модуса случайного (Мамардашвили).

Г.П. Щедровицкий в комментарии к докладу Е. Ланганс сказал: «… Я точно так же считаю, что в процессах трансляции культуры есть составляющая истории. Но я рисую это несколько иначе (и отличие это играет большую роль). Есть трансляция образцов, норм, прототипов культуры – она составляет одну линию. А дальше есть линия или ряд ситуаций, в которых взаимодействуют люди, и туда, соответственно, как бы входят образцы, или прототипы деятельности. Решение вопроса о взаимоотношении истории и культуры, на мой взгляд, очень важная тема рационализма XXI века. Также на линии СМД–методологии анализировались средства фиксации произведенных действий в культуре. Однако четкая проработка основных форм и процедур окультуривания у историков не проведена. К тому же в англо–американской традиции принципиальной разницы между культурными и социальными процессами не проводится. Георгий Петрович занимался выделением исторического подхода в культуре как самостоятельного, актуальность чего была обусловлена отсутствием такового. «Исторического подхода у нас нет, а есть только проявления его в форме отдельных средств в рамках других подходов – как канвы мифов, теологии спасения, научного предмета, материала и фона предъявления новостей». Однако трудности внедрения идей исторического подхода как раз связаны с тем, что они возникли вне профессионального сообщества и поэтому вряд ли будут им признаны» [121].

Отличительной чертой СМД–методологии является рефлексивный подход, «это деятельности непроизводственного порядка. Они отличаются тем, что это *деятельности над деятельностями*, и что они противостоят деятельности по преобразованию материала». Здесь выделяется мета–позиция рефлексирующего наблюдателя, интегрирующего подходы и методы других парадигм, что позволяет более масштабно охватить картину Реальности. Таким образом, система человеческой социальной деятельности оказывается полиструктурой, т.е. состоит из многих как бы наложенных друг на друга структур, а каждая из них, в свою

очередь, состоит из многих частных структур, находящихся в иерархических отношениях друг с другом [122].

Другой отличительной чертой данного является механизм «субъективации» истории. «Георгий Петрович неоднократно указывал на включение процедур субъективации в онтологию исторического подхода, которых исторические средства описания употребляются уже по отношению к произведенным действиям. Именно субъективация определяет возможность человека иметь историческое отношение к себе и к другим, предкам и потомкам. Она делает реальным следование принципу выбора и придает смысл истории.» (*ibid*.). Категория субъективности напрямую связана с категорией интенциональности, восходящей к феноменологической традиции (Гуссерль, Брентано). Щедровицкий, определявший себя как «методолога», был в определенной мере вполне последовательным феноменологом. Базовое феноменологическое представление о предметности человеческого мира стало в философии XX века почти общепринятым: сорняк существует с точки зрения полеводческой заботы, товар существует именно как товар с точки зрения торговли, сказуемое существует с точки зрения грамматического анализа. Поскольку отношение не «объективно» в природном смысле, его называют «интенциональным» (от лат. intentio «усилие», «внимание», «намерение»), а «интендированный» предмет – не «объект», а «феномен». Мы исследуем таким образом *феномен*, а *не объект*. Щедровицкий представил в курсе лекций «Знак и деятельность» (1970) свою концепцию знака: люди по преимуществу живут адаптивно, и их поведение обеспечено нивелированными смыслами и значениями. Человек должен преодолеть устоявшуюся связь вещей с их именами, чтобы *помыслить новый предмет*, или знакомый предмет помыслить по–новому. Г.П. Щедровицкий схематизировал знаковую конструкцию как «связь–значение» между «знаковой формой» и «объективным содержанием», а затем отчеркнул «объективное содержание», оставив на схеме «знак» как форму и «связь–значение», которая эту форму связывала с пустым местом:

? _____ЗНАКОВАЯ ФОРМА
связь–значение

Эта схема была знаком проблемы знака (Литвинов В.П.). Далее надо было разрабатывать вопрос, как нечто может быть «объективным содержанием знака».

В заключение данной главы отметим, что способ репрезентации события обусловлен влиянием господствующей или доминирующей парадигмы. С другой стороны, как и в случае рефлексии первого порядка, всякая репрезентация обусловлена внешней или внутренней референцией, где парадигма является лишь внешней референцией, по аналогии с *Доксой* или *Эпистемой*. Историк сам склонен выбирать способ изложения, тип парадигмы, в зависимости от ин-

дивидуальных наклонностей и предпочтений, свойств характера, типа личности, а также авторских интенций. При этом речь идет не о согласии с позицией автора – только о понимании этой позиции.

В психолингвистике существует теория классификации художественных жанров в зависимости от психологического типа личности автора: циклотимик, эпилептоид, шизоид, астеник и истероид; интроверт, экстраверт и т.д. (Дридзе Т.М.). Экстраполируя эту модель на научно–исторический дискурс, мы приходим к соответствующему заключению: жанр экспозиции исторического текста во многом обусловлен типом личности самого историка.

Но и обратно, в семасиологическом аспекте мы также интуитивно склонны доверять тем жанровым репрезентациям, которые коррелируют с нашим психотипом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам и положениям:

В первой главе дали дефиницию события и вывели атомарную модель событийности:

$$\overset{\mathbf{1}}{\text{Реальность (материальное)}} \xrightarrow{1(a)} \text{2. } \overset{\mathbf{2}}{\text{Действительность (психологическое)}} \xrightarrow{2(a)}$$
$$\overset{\mathbf{3}}{\text{Язык (знаковое)}} \xrightarrow{3(a)} \overset{\mathbf{4}}{\text{Институты (социальное)}} \xrightarrow{4(a)} \overset{\mathbf{5}}{\text{Реальность (онтологизация)}}$$

цифры с литерами означают промежуточный (переходный) этап.

Вектор движения знакового образования:

Реальность→Действительность→Реальность

Онтологизация →объективация→ реализация

Событием называется всякая несогласованность, вступающая в противоречие с согласованностью действия (Бахтин). Событие, прерывая созерцательный процесс, прерывает индивидуальную хронологию участника, внося диссонанс в привычную ему картину мира и разделяя ее на до– и после–.

На каждом этапе становления события происходит его онтологическая редукция:

На уровне *восприятия* Реальность редуцируется, приходя в соответствие с антропоморфной моделью, направленной на выживание человека, в первую очередь как биологического вида, а во вторую – как социального. Восприятие интенционально обусловлено, главным образом, поддержанием нашего гомеостазиса. Сам процесс восприятия (схватывания) неизоморфен и дискретен в своей основе, он имеет квантовый характер. Хайдегер выделял этап Предпонимания, Брентано – многообразие Теперь–фаз и ретенций, Ильенков «чувственно предлежащей реальности». Наши знания о мире есть не сама Реальность, а ее образ, запечатленный в сознании. Какой бы системой мы ни пользовались для упорядочивания наших знаний о мире, эта система остается *моделью* мира, которую не следует путать с самим миром. «Мир, воспринимаемый нашими органами чувств, – это не «реальный мир», а *конструкция*, которую мы создаем. Наше собственное произведение искусства», а «Всё то, что мы ощущаем и переживаем, является *интерпретацией*». Реальность, «схваченная» восприятием, переходит в нашу ментальную картину мира, занимая в ней свою нишу, и конституируется нами как некое событие, наделяемое нами же всевозможными атрибутами.

Далее происходит редукция на уровне *воспоминания*. Аристотель различает следующие понятия: *mnĕme* и *anamnesis* – припоминание/ вспоминание. В первом случае мы имеем память как аналог чувству, неподконтрольному,

спонтанно приходящему, во втором случае, память как «разыскание», активное вызывание. Последнее имплицирует рациональность, своего рода рассуждение (*syllogismos*) и является интерпретирующим мнемоническим феноменом. Бергсон вводит бинарную оппозицию между памятью–воспоминанием и памятью–привычкой. Последнее сродни выученному уроку или привычкой ходить – где ценностью будет служить целостность «умений действовать». Феноменолог, в отличие от историка, должен отличать «вспоминать, как...» от «вспоминать, что...». На языке Гуссерля речь идет о различении между ноэзисом, являющимся воскрешением в памяти, и ноэмой, представляющей собой воспоминание». Главная черта воспоминания: множественность (воспоминания). Слово «память» стоит в единственном числе, обозначая собой способность и осуществление, наподобие заучивания стихов. В анализе Бергсона, вспомненная «вещь» идентифицируется с неповторимым единичным событием (*ad hok*), а воспоминание имплицирует парадигматику, «поскольку является феноменальным эквивалентом физического события». Ученый–историк, апеллируя к свидетельствам очевидцев события, опирается на их *память*, как унифицированный инструмент для работы, осуществляя тем самым феноменологическую редукцию памяти. Притязание памяти на верность предшествует притязанию истории на истинность.

Понятие «репрезентация» знаменует собой промежуточный этап от ментального к *языковому*. В многочисленных работах А.Пейвио была выдвинута теория двойного кодирования мира: картиноподобного и языкоподобного. К основным характеристикам события мы относим:

обладание антропоморфным сознанием; модальность; вербальная манифестация. Событие, «схваченное» на уровне рефлексии первого порядка выражается в ПВ с помощью средств естественного языка. Но и здесь наблюдается редукция знания о событии к словоформе, замещающей событие. Как выразился Л. Винтгенштейн: «Границы моего языка – границы моего мира», всевозможные способы репрезентации события в ПВ ограничены рамками нашего языка. В ПС при продуцировании сообщения о событии адресант руководствуется многочисленными факторами: *Докса* (Аристотель), *эпистема* (Фуко), внутренняя и внешняя референция. *Внутренняя референция* – это ориентация на собственное мнение, видение и позицию. *Внешняя* – на мнение окружающих, объективные результаты, принятые нормы, общественное мнение. В. Гумбольд выразил эту мысль так: «Не люди овладевают языком, а язык овладевает людьми». В первой главе мы поэтапно рассмотрели механизм репрезентации события на уровне «естественной» рефлексии (рефлексии первого порядка). И на каждом его этапе мы констатируем: а) редукцию; б) конвенциональность, с) асимметрию ПВ и ПС.

Во второй главе – Социальное конструирование события, «от Story К History» говорится о том, что частное знание о событии может быть интегрировано в более развернутые институализированные образования – онтологи-

ческие дискурсы, где оно подвергается процедуре «*объективации субъективного*». Происходит объединение и соорганизация знаний в единую систему, парадигму (то есть того, что обычно называют синтезом знаний). Парадигма, понятие, введенное Т.Куном, – это не только теория, но и способ действования в науке, то есть «принятая модель или образец» исследования научных задач, она позволяет не только решать возникающие в исследовательской работе затруднения, фиксировать изменения в структуре знания, но также задавать вопросы и ставить проблемы.

Проанализировав множество аутентичных текстов, описывающих Бородинское сражение 1812 года, мы приходим к следующим выводам: внутри одной и той же научной парадигмы, использующей одинаковый методологический арсенал, выводы могут разниться с точностью до наоборот. Спорят между собой не разные ученые, а разные логики, включенные в единую парадигму. Такое явление было названо Куном парадоксом, свидетельствующим о неспособности парадигмы решить противоречие собственными средствами. В результате доверие к парадигме падает, и происходит смена парадигм, то есть «научная революция». Мы сейчас переживаем переходный этап глобальной смены онтологической парадигмы. Если Поппер считал, что в случае расхождения теории с фактом, сомнению будет подвергаться теория, то на самом деле ученые редко идут на этот шаг, предпочитая не замечать расхождений, дабы обеспечить преемственность традиций того или иного направления и не поколебать устойчивость парадигмы.

Мишель Фуко выделял около пяти подобного рода парадигм или «познавательных полей»: античное, средневековое, возрожденческое, просветительское и современное.

В третьей главе «Методология историографии» мы рассматриваем различные научные парадигмы в синхроническом и диахроническом срезе, а также эволюцию историографии, интегрированную каждой из этих парадигм.

На место прежней позитивисткой онтологической картины мира в настоящее время претендуют сразу несколько парадигм, как конкурирующих между собой, так и взаимодополняющих. Причислим лишь некоторые из них: постмодернизм, герменевтика, прагматика–праксеология, когнитивизм, иррационализм, нарратология, СМД–методология. Несмотря на разрозненность их методов и концептуально–теоретической базы, все они имеют общее свойство – с одной стороны, антропоцентризм, познание мира осуществляет не «чистая» познающая инстанция, а всегда конкретный человек с присущими ему историческими обусловленными формами потребностей, телесной организации и языка; с другой – возврат к Жизни, противодействие симулякрам, насажденным предшествующими эпохами, третья характеристика – агностицизм, отказ от веры в предзаданную объективность познания. Тезисно определим некоторые из них:

Постмодерн – в фокусе исследований не эпохальные дискурсы, казуально детерминированные, логически обоснованные, а единичные факты, частные явления, не вписывающиеся в общеисторический контекст, подчиненные внутренней логике, или не имеющие таковой вовсе. Объектом изучения становится Микроистория, событие *ad hoc*, замена эпистемологической модальности на людическую, игровую.

Историческая герменевтика: «Деятельность историка – это «понимающее схватывание»«.

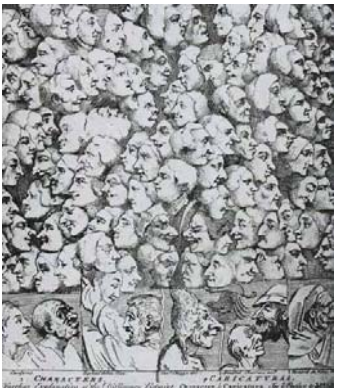
Нарратология: Х. Уайт, П. Джойс. Приоритет отдается интуитивному «поэтическому мышлению» с его метафоричностью, ассоциативностью, образностью и мгновенными откровениями инсайта. Лингвистический поворот элиминировал границы между литературой и историей.

Прагматика: перформативная функция исторической репрезентации. Эпистемологический критерий – категория релевантности.

СМД–методология – рефлексирующая позиция наблюдателя; историография – не частная дисциплина, а самостоятельный тип рациональности; в фокусе исследования не объект, а феномен.

На этом уровне рефлексии – рефлексии второго порядка способ репрезентации события также обусловлен внешней и внутренней референцией. Внешней референцией в данном случае выступает господствующая или доминирующая парадигма, а внутренней – индивидуальные наклонности и предпочтения, свойства характера, тип личности (психотип), а также авторские интенций. При этом речь идет не о согласии с позицией автора – только о понимании этой позиции.

В заключение мы должны артикулировать наш главный тезис о том, может ли исторический дискурс претендовать на универсальность какой–либо одной парадигмы, одного способа изложения, подачи материала. Известный французский дестструктуралист Жак Деррида ввел в употребление собственный неологизм, а точнее дихотомию: difference (различие, различение) и diffarence (различание). Первое имплицирует бинарную оппозицию, а второе – множественность, совокупность нюансов, различий. Деррида подчеркивает: «классическая философия грешила тем, что ставила во главу угла понятия тождества, единства, целостности, тотальности, подчиняя им понятия многого, различного. Между тем подлинное философствование, не упуская из виду тему единства, должно сконцентрироваться на теме различий. Нельзя допускать сведения одного явления или состояния к другому, уравнивания или сглаживания оттенков их несходства, различия, противостояния».



Важнейшим моментом процесса объективации в наши дни является социальная легитимизация описанных явлений. От того, признана ли та или иная форма культурной работы законной, соответственной нормам и ценностям той или иной социальной группы, зависит степень признанной обществом объективности истории.

Мы придерживаемся той точки зрения, что объективных, независящих от человека, законов общества не существует. Есть разные социальные модели, возникающие в процессе переосмысления социального опыта, для которых присущи те или иные закономерности, перестающие действовать за их пределами. Исторический дискурс должен быть помещен в пространство полилогоса, множественности подходов, точек зрения и интерпретаций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адорно Теодор. Проблемы философии морали – М.: Республика, 2000.

2. Алферов А.В. Интеракциональный дейксис / А.В. Алферов. – Пятигорск: ПГЛУ, 2001. – 106 с.

3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл.– М.:Наука, 1976.

4. Бадью А. Манифест философии / Сост. и пер. с франц. В.Е. Лапицкого. – СПб. : Machina, 2003.

5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика – М.: Изд. группа «Прогресс / Универс», 1994 – 615 с.

6. Барт Р. Нулевая степень письма (философские технологии) / Р. Барт. – М.: Академический проект, 2008. – 431 с.

7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. С. 341.

8. Баш В. Индивидуалистический анархист Макс Штирнер // М. Штирнер. Единственный и его собственность – Харьков: Основа, 1994 – с. 442–475.

9. Бердяев Н.А. Человек и машина / Н.А. Бердяев. – Вопросы философии. – 1989. – №2.

10. Бердяев Н.А Царство духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев. – М.:Республика, 1995. – 383 с.

11. Берёзкин Ю.М. Семь прикосновений к методологии / Ю.М. Березкин – Иркутск: Изд. Байкальского государственного университета экономики и права, 2010 – с.109–131.

12. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Ленинград: Наука, 1983. – с.32–56.

13. Бродский И. Примечания к комментарию [Текст] / И.Бродский // И.Б. Сочинения – Екатеринбург: У–Фактория, 2003 – с.766–793.

14. Бурдье П. Начала. Choses dites – М.: Socio–logos, 1994.

15. Бурдье П., Пассрон Жан–Клод Воспроизводство: элементы теории системы образования Москва «Просвещение» 2007. Bourdieu Pierre, Passeron Jean–Claude La reproduction elements pour une théorie du système d'enseignement Moscow «Prosveshcheniye» 2007.

16. Витгенштейн Л. Философские работы (Часть 1) – / Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994

17. Волошина М.В. Репрезентация исторического событии в свете издания нового школьного учебника по истории России//Приоритетные направлении развитии науки и образовании. Сборник статей международной научно–практической конференции – Чебоксары, 2014.–204с.

18. Волошина М.В. Способы выражения модальности во французском зыке//Международная Научно–практическая конференция посвященная проблемам общественных наук.– М.: Социум, 2014. 166–170 с.

19. Вышеславцев Б.П. Этика преображённого эроса – М.: Республика, 1994.

20. Воробей И.А. «Бог» и «ангел» в поэзии Р.М.Рильке (Конкорданс и интер–претация) [Текст] / И.А.Воробей – Пятигорск: Изд. ПГЛУ, 2007.

21. Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики; HANS–GEORG GADAMER G. B. Mohr (Paul Siebeek) Tübingen WAHRHEIT UND METHODE. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Москва, «Прогресс», 1988.

22. Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи. // Иностранные языки в школе. №5, 1982. С 11–17.

23. Гегель Г.В. Философия права – М.: Мысль, 1990.

24. Герменевтика: история и современность (Критические очерки) – М.: Мысль, 1985 – 304 с.

25. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое – М.: Наука, 1989 – 398 с.

26. Громыко Ю. «Почему методология и методологи проиграли перестройку?»// «Россия – 2010» №1/2 1994г.

27. Гуссерль Э. Собрание сочинений том I Феноменология внутреннего сознания времени. Гнозис. Москва 1994 162 с.

28. Декомб В. Современная французская философия / В. Декомб; пер. с франц М.М. Федоровой. – М.: Весь Мир, 2000.

29. Дильтей В. Введение в науки о духе: Опыт построения основ для изучения о–ва и истории / В. Дильтей // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – М.: Изд–во МГУ, 1987. 111с.

30. «Естественное» и «искусственное; Г.П.Щедровицкий, В.Я.Дубровский. Научное исследование в системе «методологической работы» // Проблемы исследования структуры науки. Новосибирск, 1967.

31. Зинченко В.П. Комментарий психолога к трудам и дням Г.П.Щедровицкого // Познающее мышление и социальное действие. Наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли, М.2004, 543 с.

32. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф.В. Константинов – М.: Советская энциклопедия – т.2, 1962 – с. 219–227.

33. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно– теоретическом мышлении. М.: Институт философии АН СССР, 1956.

34. Ильенков Э.В.. Диалектика абстрактного и конкретного в научно–теоретическом мышлении»: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); Москва; 1997 201с.

35. Кант, И. Критика чистого разума Пер. с немецкого Н. Лосского / И. Кант. – М.: Мысль, 1994.

36. Карасёв, О.В. Заметки о статусе наук / О.В. Карасев // Университетские чтения–2007 – Часть XIII – Пятигорск: Изд. ПГЛУ, 2007 – с. 95–102.

37. Кассиер Э. Философия символических форм: введение и постановка проблемы//Культурология. XX ивек. Антология. М., 1995.

38. КлючевскийВ. О. Сочинения: М., 1990. Т. 9.

39. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов речевой деятельности.// Теория речевых актов. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.; Прогресс, 1986. – С. 7–21.

40. Ксендзюк А. Видение нагуаля / А. Ксендзюк. – М.: ООО Издательский дом София, 2004. – 400 с.

41. А.Ксендзюк. Человек неведомый. Толтекский путь усиления сознания, М.,София, 2004. – 368с.

42. Кукарцева М.А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века. Диалог со временем. Вып. 24. –М.: Едиториал УРСС, 2008. –416 с.

43. Кулакова Ю.В. Механизм образования псевдореферентных номинаций в произведениях жанра фэнтези и особенности их перевода на русский язык // Сб. науч. ст. – Вып.4. – М., 2010.

44. Лефевр, В.А. Алгебра совести – М.: Когито–центр, 2006.

45. Лиотар Ж–Ф. Состояние постмодерна – Институт экспериментальной социологии, Алетейя, Москва, СПб, 1998 – с. 159.

46. Литвинов В.П. Homo grammaticus (Лейтмотив с вариациями на темы философской антропологии) / В.П. Литвинов // Горизонты гуманитарного знания: Изд. Пятигорского государственного лингвистического университета, 1999b – с. 44–55.

47. Литвинов В.П. Структура герменевтического факта (к проблеме фактичности смысла) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета – № 1, 1996 – с.36–46

48. Литвинов В.П. Полилогос: проблемное поле / В.П. Литвинов. – Тольяти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1997. – 178с.

49. Литвинов В.П. Работа логоса / В.П. Литвинов – Пятигорск: Изд. Пятигорской государственной фармацевтической академии, 2007a.

50. Литвинов В.П. Понятое мышление / В.П. Литвинов // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах – № 40, 2007b – с. 29–46.

51. Литвинов В.П. Гуманитарная философия Г.П. Щедровицкого / В.П. Литвинов – Москва: ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2008.

52. Литвинов В.П. Герменевтический круг как мыслительная форма / В.П. Литвинов // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация. Отв. ред.

53. Литвинов В.П. Работа логоса. Публичные лекции в Пятигорской государственной фармацевтической академии – Пятигорск: Изд. ПГФА, 2007a – 177 с.

54. Литвинов В.П. Конструктивизм в герменевтике // Вестник Тверского государственного университета – № 29 [57], 2007b – с.122–127.

55. Литвинов В.П. Homo grammaticus (Лейтмотив с вариациями на темы философской антропологии) / В.П. Литвинов // Горизонты гуманитарного знания: Изд. Пятигорского государственного лингвистического университета, 1999b – с. 44–55.

56. Литвинов Иностранный язык как предмет теории и как учебный предмет. Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета – № 2, 2009 – стр.401–405.

57. Литвинов В.П. Феноменология знака // Философия России второй половины XX века. Георгий Петрович Щедровицкий – М.: Росспэн, 2010 – с.234–260.

58. Литвинов В.П. Герменевтический круг как мыслительная форма // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация – Армавир: Изд. Армавирской государственной педагогической академии, 2011 – с.6–24.

59. Логический анализ языка. Языки этики. Под ред. Н.Д. Арутюновой и др. – М.: Языки русской культуры, 2000.

60. Ломтев Т. П. Язык и речь / Т.П. Ломтев // Общее и русское языкознание. – М., 1976. – С. 54–60.

61. Лосев А.Ф. Философия имени [Текст] / А.Ф.Лосев // А.Ф.Л. Из ранних произведений – М.: Правда, 1990 – с.9–192.

62. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Ю.М. Лотман. Статьи по типологии культуры. Вып. 2. – Тарту, 1973.

63. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. Изд. 2 / М.К. Мамардашвили – М.: Прогресс, 1992 – с.269–282.

64. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления / М.К. Мамардашвили – М.: Прогресс, 1993.

65. Малахов В.С. Герменевтика // Современная западная философия. Словарь – М.: Изд. Политической литературы, 1991 – с.74–76.

66. Матвеева Г.Г. Речевой акт как категория прагмалингвистики / Г.Г. Матвеева // Интерекциональные аспекты языка и речи. Материалы 1 международной конференции. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – 141с.

67. Марков М.А. Размышления о физике / М.А. Марков. – М., 1988 – 124 с.

68. Москвитин В. А. К проблеме двойственности научной рефлексии в лингвистике, семиотике и феноменологии. / Общество. Среда. Развитие (Terra Humana), Выпуск № 3 / 2010 стр. 207–211.

69. Остин Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов – М.: Прогресс, 1986 – с.22–130.

70. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983, с. 48.

71. Познающее мышление и социальное действие: Наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли. Под ред. Н.И. Кузнецовой – М.: Ф.А.С.–медиа, 2004.

72. Пятигорский А.М. Лекции по буддийской философии // Ахутин А., Бибихин В., Пятигорский А. Философия на троих. Рига, 2000. С.350.

73. Рикёр, Поль. Человек как предмет философии / П. Рикёр // Вопросы философии – № 2, 1989 – с.41–50.

74. Риккерт Генрих. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт // Культурология XX век. Антология – М.: Юристъ, 1995 – с. 69–103.

75. Рикёр П. Память, история, забвение /П. Рикёр – М.: Издательство Гуманитарной литературы, 2004. – 725с.

76. Рорти Р. Философия и зеркало природы. RICHARD RORTY PHILOSOPHY AND THE MIRROR OF NATURE – Новосибирск, 1997.

77. Спиноза Б. Богословско–политический трактат – Минск: Литература, 1998 – 528 с.

78. Слюсарева Н.А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики / Н.А. Слюсарева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 112 с.

79. Спенсер, Герберт. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер – Минск: Современный литератор, 1998.

80. Уилсон Р.А. Космический триггер. Пер. с англ. – Киев: Янус, 2000.

81. Флоренский П.А. У водоразделов мысли [Текст] / П.А.Флоренский / П.А.Ф. том 2 – М.: Правда, 1990 с.119.

82. Фуко М. «Археология познания», Ника–Центр Киев 1996.

83. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества / М. Хайдегер – М.: Высшая школа, 1991 – с.134–145.

84. Халтурин Ю.Л. Общие проблемы философии науки / Ю.Л. Халтурин // Словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н. В. Бряник; отв. ред. О. Н. Дьячкова. – Екатеринбург: Изд–во Урал. ун–та, 2007. – С. 157–159 (318 с.).

85. Черкасова И.П – Армавир: Изд. Армавирской государственной педагогической академии, 2011 – с. 6–24.

86. Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и экспериментирования в понимании мышления. Пер. с англ. // Величковский Б.М., Соловьев В.Д. (ред.). Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук. – М.: Наука, 2008. – С. 162–179.

87. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. Кн.1 [Текст] / Г.П.Щедровиц–кий – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005.

88. Щедровицкий Г.П. Очерки методологии системного исследования / Г.П. Щедровицкий – М.: Знание, 1964 (перепечатано в его: Избранные труды – М.: Изд. Школы культурной политики, 1995 – с.155–196).

89. Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов / Г.П. Щедровицкий // Вопросы методологии – № 2, 1991 (перепечатано в его: Избранные труды – М.: Изд. Школы культурной политики, 1995 – с.143–154).

90. Щедровицкий Г.П. Идея деятельности и деятельностный подход / Г.П. Щедровицкий // Философия России второй половины XX века. Георгий Петрович Щедровицкий – М.: Росспэн, 2010 – с.440–541.

91. Щедровицкий Г.П. Рефлексия в деятельности / Г.П. Щедровицкий // Вопросы методологии – № 3–4, 1994 – с. 76–121.

92. Познающее мышление и социальное действие. Наследие Г.П.Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли, М.2004, 543 с.

93. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология / Г.П. Щедровицкий – М.: Школа культурной политики, 1997.

94. Щедровицкий Г.П. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму. М., 1966 (далее сокращенно – «Обучение и развитие»); В.А.Лефевр, Г.П.Щедровицкий, Э.Г.Юдин. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Семиотика и восточные языки. М., 1967.

95. Щедровицкий Г.П.Будущее есть работа мышления и действия //Журнал «Вопросы методологии» 1994 (3–4).

96. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р.Якобсон // Структу–рализм: «за» и «против» – М.: Прогресс, 1975 – с.193–230.

97. Якобсон Р. Доминанта / Р.Якобсон // Р.Я. Язык и бессозна–тельное – М.: Гнозис, 1996 – с.119–125.

Статьи из иностранных источников

98. Abraham, Werner. Linguistik der uneigentlichen Rede. Linguistische Analysen an den Rändern der Sprache – Tübingen: Stauffenburg, 1998 – 360 S.

99. Adorno, Theodor. Negative Dialektik – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1966 – 410 S.

100. Deleuze, Gilles. Logique du sens / G. Deleuze – Paris: Ed. de Minuit, 1969.

101. Furukawa , N. Pour une sémantique des constructions grammaticales. Thème et thématicité / Naoyo Furukawa – Bruxelles: Edition Duculot, 2005. – 199p.

102. Lakoff, George. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff – Chicago: The University of Chicago Press, 1987.

103. Lakoff, George & Johnson, Mark. Metaphors We Live by / G. Lakoff – Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
104. Lewin Roger, In the Age of Mankind (New York: Smithsonian Institution. 1988), p 180.
105. Merleau–Ponty, Maurice. Phénoménologie de la perception / M. Merleau–Ponty – Paris: Gallimard, 1964a (1e éd. 1947).
106. Merleau–Ponty, Maurice. Le visible et l'invisible / M. Merleau–Ponty – Paris: Gallimard, 1964b.
107. Merleau–Ponty, Maurice. La prose du monde / M. Merleau–Ponty – Paris: Gallimard, 1969.
108. Ricœur, Paul. Philosophie de la volonté. Tome 1: Le volontaire et l'involontaire / P. Ricœur – Paris: Aubier éd. Montaigne, 1959.
109. Ricœur, Paul. [Philosophie de la volonté] Finitude et Culpabilité. II. La symbolique du mal / P. Ricœur – Paris: Aubier éd. Montaigne, 1960.
110. Ricœur, Paul. Reflexion faite. Autobiographie intellectuelle / P. Ricœur – Paris: Ed. Esprit, 1995
111. Urmson I.O. Philosophical Analysis, its Development Between to Wars. Oxf., 1956.
112. Searle, John R. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language / J. Searle – Cambridge University Press, 1969.
113. SchellingF. Sämtliche Werke, i. Abtl. Stuttgart, 1856.
114. Watzlawick P., Beavin J.H., Jackson D.D. Pragmatics of Human Communication / P. Watzlavwick – London: Faber & Faber, 1968.
115. «Pour une sémantique des constructions grammaticales. Thème et thématicité» [Naoyo Furukawa] Edition Duculot Bruxelles 2005, 199p.

Электронные ресурсы

116. http://www.youtube.com/watch?v=–H3FEl1a45I.
117. http://vslovare.ru/slovo/predponimanie.
118. library.by/portalus/modules/psychology/readme.php?subaction=showfull&id=1107688484&archive=1120045907&start_from=&ucat=27&.
119. Urmson I.O. Philosophical Analysis, its Development Between to Wars. Oxf., 1956, p. 7.
120. http://www.fondgp.ru/lib/grant/grant2005/works/0.
121. http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/75.
122. http://ru.wikipedia.org/wiki/Отечественная_война_1812_года.
123. Хосе Ортега–и–Гассет. Что такое философия? www.koob.ru.
124. http://sbiblio.com/biblio/archive/lebedev_ontologicheskie/00.aspx.
125. http://www.youtube.com/watch?v=o87I7EOlOx4.
126. http://www.platonizm.ru/content/dugin–ag–postfilosofiya–1–tri–paradigmy.
127. Ф. Гиренок Пустое «Я как проблема коммуникации» http://fedorgirenok.narod.ru/BlossesIch.htm.
128. http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1994/3–4/v943shg0.
129. Бородинское сражение http://ru.wikipedia.org/wiki/Отечественная_война_1812_года.
130. http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1994/3–4/v943shg0.
131. Гуманитарная классика: между наукой и литературой 11.07.2012 – журнал – Новое литературное обозрениеhttp://postnauka.ru/longreads/2786.
132. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия в дискурсе [Электронный ресурс] / Ю.Хабермас – Режим доступа: http://www.coolreferat.com/Юрген_Хабермас__Теория_коммуникативного_действия.
133. http//www.philosophy.ru/library/barthes/sci_lit.hhtml.
134. http://www.histoire–france.net/epoque/napoleon–ier.
135. http://vesti.lv/society/theme/education/78799–boris–jelkonin–qmy–nahodimsja–v–civilizacionnom–sdvigeq.html#.Uz2s8PCkmS0.facebook.

Научное издание

СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИИ. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ И НАРРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ)

Авторская монография
Чебоксары, 11 августа 2014 г.

Редактор Т.В. Яковлева
Компьютерная верстка и правка *М.В. Шоркина*

Подписано в печать 28.08.2014 г. Формат 70х100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл.печ.л. 5,70 Заказ К-439 Тираж 500 экз.
Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»
428005, Чебоксары, ул. Гражданская, 75, тел.: (8352)22–24–90
E–mail: info@interactive–plus.ru
www: http://interactive–plus.ru/

Отпечатано в типографии
ИП Сорокина А.В. «Новое Время»
428034, г. Чебоксары, ул. М.Павлова, 50/1